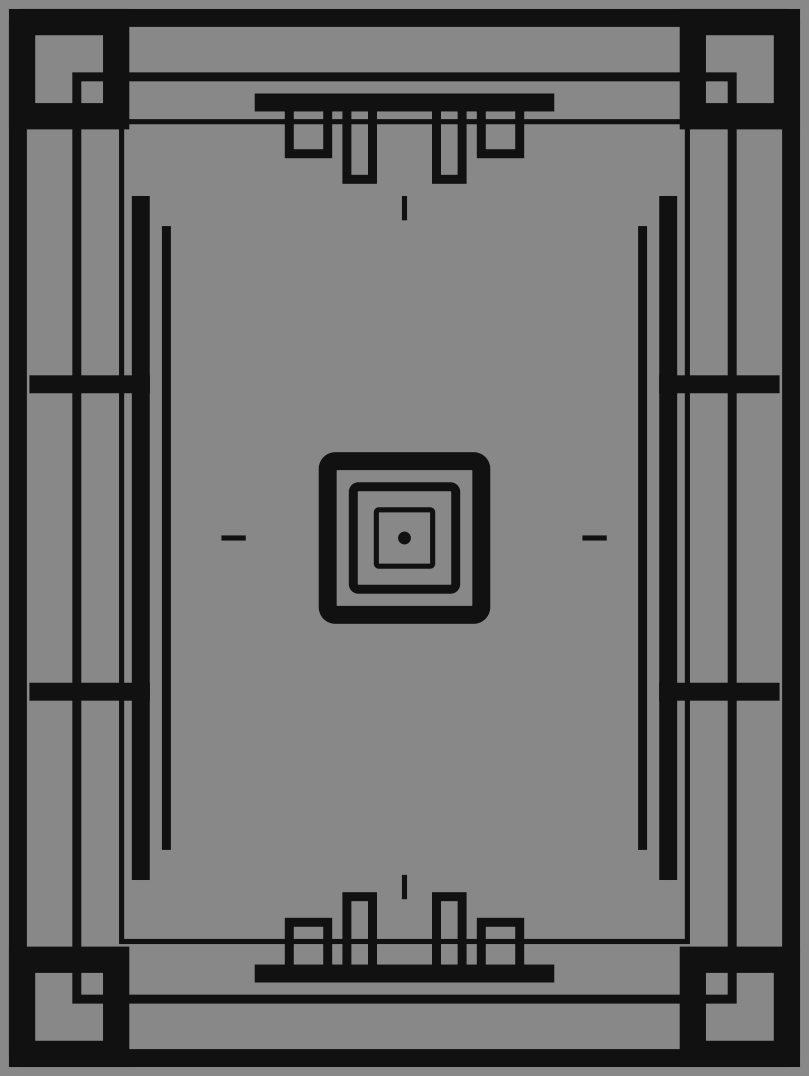


Голем 100
Альфред Бестер

Аннотация
Альфред Бестер. ГОЛЕМ100
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Глава 22

Аннотация

Действие происходит в далеком будущем. В огромном мегаполисе сложился кружок скучающих дам высшего света. Чтобы не скучать, они развлекают себя разными забавами. Сегодня они решили развлечься ритуалом вызова Сатаны. Сатана так и не пришел, но в городе начались чудовищные преступления.

Расследование ведет гений уголовного сыска Субадар Иднъдни. На помощь ему приходят талантливая психолог Гретхен Нунн и величайший химик-парфюмер своего времени — Блез Сима. Выясняется, что ключ к разгадке убийств лежит в подсознании персонажей. Но, преступления продолжаются…

Роман написан в экспериментальном стиле, с элементами психоделики и коллажа литературного текста с графическими изображениями.

Альфред Бестер
ГОЛЕМ[100]

Глава 1

Их было восемь — тех, кто каждую неделю собирались в улье, чтобы обогреться самим и согреть друг дружку. Премиленькие дамы-пчелки с привлекательной внешностью и славными характерами, несмотря на то — или благодаря тому, — что все они надежно устроились в жизни. (Менее привилегированные классы обзывали их «штучками высокого поебта».)

Сотворенные отнюдь не по одному образцу, как настоящие пчелки, все они были дамами с яркими индивидуальностями, очень похожими на нынешних женщин, хотя они и обитали в отдаленнейшем от нас будущем. Ведь, по правде говоря, наши потомки не так уж сильно изменятся. У каждой из них была присущая лишь ей и отличающая ее чудачинка, изюминка — то, что и составляет основу подлинного очарования.

Хотя самой подлинной данностью у каждой из дам — как и у любого из нас — было ее тайное имя. Я, быть может, совершаю страшное злодеяние, раскрывая это перед вами: Т. С. Элиот заявлял, что тайные имена всего сущего, «глубоко сокры-

тое Имя», не могут и не должны быть известны никому, но сами дамы-пчелки знали эти имена и называли ими друг дружку. Так что вот они:

— Регина, пчела-матка. Произносить следует, как в старину произносили британские законники — Ре-ДЖИН-а;

— Крошка Мери Наобум, у которой всегда и все (включая прическу) в беспорядке;

— Нелли Гвин, которая задала бы похотливому Карлу Второму еще больше жару, чем ее тезка;

— барышня Гули, все еще по-девичьи сюсюкавшая и лепетавшая; ребенком она так отозвалась о своем школьном увлечении: «Он настоящий рыцарь — когда мы переходим улицу, неизменно берет меня под руку и бережно ведет, чтобы я не наступила на говно»;

— Сара Душерыжка, имеет обыкновение, изящно заломив руку за голову, драматически восклицать: «Уйдите! Уйдите ЖЕ! Оставьте меня о-ДНУ! Я же-ЛАЮ общаться со своей ДУ-шой!»;

— Ента Калента; ей известно все, что, только есть у вас в бумажнике, у вас в сумке, у вас в шкафах, у вас в холодильнике. Ента все время пытается склонить вас на какой-то дикий обмен, например махнуться ее битыми песочными часами на ваше старинное китайское домино, из

которого потерялась всего одна костяшка;

— и наконец двойняшки Угадай и Откатай, что ничего не значит по-английски, хотя Антон Чехов в одном из своих фарсов так называет двух гончих.

Вот и получилось восемь. Еще было что-то вроде девятой — прислуга у Реджины по прозванию Пи. «Пи» не потому, что она имела что-то общее с отношением длины окружности к диаметру таковой (3,1416), а из-за ее уксусной как пикули физиономии.

Вам, наверное, хочется знать, замужем эти дамы-пчелки или нет, живут во грехе или отличаются фригидностью, имеют подруг-лесбиянок, привычку качаться на люстре — ну, и вообще… Так вот, да — на все сразу, потому что живут они в широко- или дурнопрос- лавленном районе Гиль.

Ну, о районе Гиль мы вам еще порасскажем. Запомните, однако, что в жизни наши подруги устроены как за каменной стеной — все они учились в шикарной школе «Семь сестер», занимали высокое положение и прекрасно обеспечены. Поэтому, наблюдая за ними, когда они собрались, как говорится, «распустив шнуровку», помните, что вы будете наблюдать укромные закрома их

личностей.

Общество могло увидеть лишь уверенных в себе привлекательных дам, защищенных от тех ужасов, что преследовали неявное большинство обитателей района

Гиль: от убийств, беспредела, надругательств, грабежей и еще самых разнообразных насилий, которые и перечислить-то недосуг. Достоинство и обаяние восьмерых дам было защищено надежнейшими стенами и запорами их жилищ, транспортными средствами со скрепленными печатями непреложными гарантиями, крепкими, как сталь сейфа, мышцами охранников, являвшихся по первому их зову. Единственной подлинной их бедой была хроническая скука — порождение уединенной жизни.

Вот потому-то они и развлекались (распустив шнуровку), собираясь как можно чаще у Реджины, в ее большой модерновой квартире, которую лишь с натяжкой можно было назвать ульем, и однако же вели они себя как настоящие дамы-пчелки. Они жужжали, обмениваясь сплетнями, шутками, болтая, играли во всякую ерунду. По временам они танцевали — пчелиный танец. Если их одолевали беспокойство, уныние или ярость, они начинали жадно поглощать сла-

сти. Случались и редкие неприятные моменты, когда приходилось сталкиваться лбами, чтобы установить негласный порядок подчинения. Человекоподобные, как и некоторые другие классы существ, этому привержены. Мы-то этим занимаемся с тех самых пор, когда одна первородная молекула ДНК сообщила остальным ДНКовинам, кто хозяйка в доме, и смогла-таки это подтвердить.

В последнее время дамы увлеклись дьяволизмом. Никто из них не принимал это занятие всерьез. Никто из них на самом деле не верил в общение с Дьяволом: в скачки на помеле, выворачивание чулок для вызывания бури и в другую подобную чепуху. Кстати сказать, Реджина вообще заинтересовалась этой забавой только потому, что она по прямой линии происходила от сэра Джона Хольта (1642–1710), занимавшего пост Верховного судьи Англии.

Хольт был изрядным повесой в студенческие годы в Оксфорде и, как водится, наделал долгов. Ему удалось отжулить себе неделю дарового постоя, вылечив якобы дочь своей хозяйки от лихорадки. Юный шарлатан накарябал несколько словечек по-гречески на клочке пергамента и предписал хозяйке подвязать этот клочок к поясу дочки и

носить, не снимая, до полного выздоровления.

Прошли годы, и, когда Хольт был уже ВС, перед ним предстала старушка, которая обвинялась в ведовстве. Она заявляла, что излечивает лихоманку наложением клочка пергамента. Хольт взглянул на этот клочок, и — ну вы уже догадались, верно? — это был тот самый, сфабрикованный им когда-то «амулет». Хольт не выдержал, расхохотался и признался во всем. Старушенцию отпустили. Это был один из последних ведовских процессов в Англии.

Вот почему, очевидно, Реджину все это интересовало — не всерьез. Занятия эти были так или иначе любительским спектаклем, чем-то вроде домашнего концерта, салонными играми с волнующе темными обертонами. Но черт меня побери, если эти симпатичные добродушные дамочки не сотворяли самого что ни на есть демонического демона, причем они этого не понимали и не хотели — повторяю: *не понимали и не хотели.*

Никогда ранее, за всю историю ведовства и сношений с Дьяволом, никому и не снился такой чудовищный Голем — псевдоодушевленный полиморф. Нет-нет, не всем известный искусственно сотворенный раб из еврейской легенды, чудовищный сгусток зверской жестокости, ко-

торая глубоко в душе знакома каждому, даже самому лучшему из нас. Фрейд называл это «Id» — неосознанным источником инстинктивной энергии, требующей дикого животного выхода. Взятые поодиночке Ид каждой из дам содержались в узде, но собранные вместе и спаянные дьявольскими забавами они слились воедино:

8 * Id = Голем[100].

А теперь посмотрим на их первое действо.

* * *

— Итак, милочки, генеральная репетиция по призыванию Дьявола. Роли у всех есть? Все готовы?

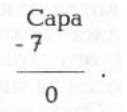
— Да-да, но это будет взаправду, Реджина?

— Еще нет. По-настоящему мы должны действовать все вместе и со сценическими эффектами. Сейчас мы только проверим нашу готовность, все по очереди. Призывай, душенька, ты первая.

— Ладно, сейчас. Но если хоть ОДНА-хи!хи!к!нет!..

— Нет-нет, Сара. Смотри, все суровы как совы. Давай.

Сара Душерыжка возгласила заклинание-призыв:



— Чудно! Настоящая актриса, верно, милочки?

— Сколько души! Сколько души!

— Да Сара и из деревяшки что угодно сможет вызвать!

— Смейтесь-смейтесь, но по мне так и пошли МУРашки, когда я это выпевала!

— Тебя что, Дьявол за коленку схватил?

— И вовсе НЕ за коленку, Нелли!

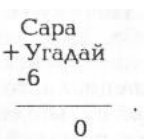
— Ой-ой, какая ты гадкая!

— Ну, что же вы, милочки! Давайте будем посерьезней.

— А у Сатаны разве нет чувства юмора, Реджина?

— Попробуй на нем приличный анекдот, Гули. Все, пошли дальше. Угадай, твоя очередь. Молитва.

Угадай прочла молитву по-латыни:



— Что за прелесть. Никогда не знала, что латынь звучит так красиво. Поздравляю, душечка.

— Спасибо, Реджина. Хотелось бы только, чтобы в этом был какой-то смысл.

— Я уверена, что он есть — для Дьявола. Ну, кто следующий? Мери Наобум с Договором?

— Нет, Реджина, моя очередь. Заклятье.

— Ах, конечно, Откатай. Ну, снова за английский, а там и до французского доберемся. Готова?

— Хочу и могу. Отойдите все. Когда я заклинаю, во мне просыпается настоящий демон.

— Вот и великолепно, От, только не сближайся чересчур с Сатаной. На него не очень-то можно положиться.

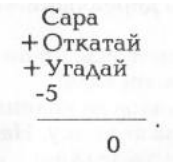
— Ты или над ней подтруниваешь, Реджина, или ты в аду еще не освоилась.

— И почему же, Нелли, *душечка,* ты так решила?

— Я знаю, что когда Дьявол является ведьмам, то на него прямо-таки ажиотажный спрос. У него причиндалы как у распаленного слона.

— Надеюсь, что ты познакомишься с этим поближе, Нелли. Хорошо, От, призови распаленного слона к распаленной Нелл Гвин.

Откатай прочла Заклятье:



— Просто сенсация, От. На тебя можно продавать билеты. Так, теперь Договор. Мери, душечка, ты упражнялась в средневековом французском?

— Изо всех сил, Реджина, но это просто сволочность какая-то.

— А я тебе предлагала махнуться, Мери. Моя роль на твою. Все честно. Почему ты отказалась?

— Да ладно тебе, Ента, тоже мне по-честному! Французский на древнееврейский! Нет уж, я почти все смогла получить у специалистов по истории.

— Ага. «В каждой судьбе есть *история*», Шекспир. «Генрих IV». И что же, помилуй, тебе сказали мудрецы?

— Да они все больше мямлили, Сара. Никто не знает точно, как в те времена говорили.

— Мери, а средневековье — это когда? Тогда же, когда и Карл Второй?

— Не знаю, Нелли. Кажется, ближе к временам Наполеона или Жанны д'Арк. Правда, я их всегда путаю.

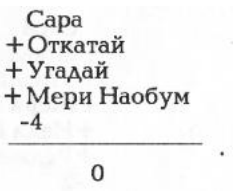
— Как ты можешь!

— Они же оба были полководцами.

— Ну и ну! Хотя в этом что-то есть, особенно для нее.

— Ну вот, Реджина, если вам покажется страшно-смешно или страшно-занятно, то учтите, что я тут ни при чем.

— Хорошо, Мери, учтем. Давай. Мери Наобум прочла Договор:



— Чудненько! Ну просто чудненько, Мери. Сама Жанна д'Арк не управилась бы лучше.

— И Наполеон тоже.

— И даже главнокомандующий Армией Оледенения.

— Ну, его-то трудно переплюнуть.

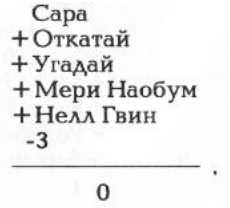
— Почему это?

— А потому! Это не он, а она.

— Дамы, дамы! Давайте займемся делом всерьез, а то нам никогда не вызвать Дьявола. Теперь

ты, Нелли. За тобой Обрядное Слово.

Нелл Гвин выдала Обрядное Слово:



— Чудесно, дорогая! Ты оттарабанила все эти тайные имена как распорядитель на балу.

— Ну так я, стало быть, заслужила право называться Царицей Ада.

— Да-да, так и вижу, как Сатана приглашает ее на пляску.

— Или на _ля_ку.

— Да Нелли же! Мы так не говорим вслух!

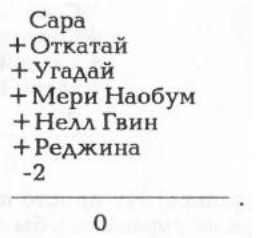
— Но говорим так про себя, Гули.

— *Ты* говоришь, Нелл.

— Нет, лапонька, я не говорю, я ДЕЛАЮ.

— Ну, дамы, перестаньте препираться. Моя очередь. Я прямо с ума схожу от Видения.

Реджина отчеканила Видение:



— Овацию Реджине! Овацию! Овацию!

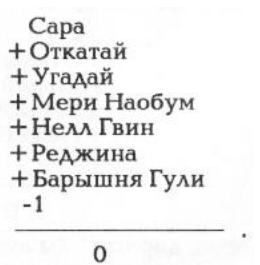
— Спасибо, спасибо вам всем. Пришло время для моих воздыханий. Та, кому явилось это Видение, была…

— Да-да, В-Е-Д-Ь-М-О-Й!

— И одной из любимец слона, Сара.

— Я как раз собиралась сказать, что она была прежним воплощением меня. Ну и напоследок наши знатоки Каббалы. По очереди, прошу вас. Гули?

Барышня Гули произнесла первую Каббалу:



— Фейджин! Фейджин, как вылитый, Гули!

— Фейджин? А кто это, Реджина?

— Венецианский Купец. Я думала, все это знают.

— А я — нет. Хорошо это или плохо — быть, как этот тип из Венеции?

— Высочайшая похвала, душенька. Остается только надеяться, что наша вторая Каббалистка окажется на уровне. У нее из нас всех самое трудное задание.

— Уж мне-то как это известно! Слушайте, я хочу сменяться.

— Так, опять началось.

— Чем ты хочешь обменяться, Ента?

— Значит так. Я этот древнееврейский выучила назубок.

— Как тебе удалось?

— А у меня муж — раввин.

— Неужели? Настоящий еврейский еврей-раввин? Какой шик!

— И он меня натаскал. Но я посмотрела на себя в зеркало, пока меня натаскивали… Страхолюдство! Вот я и боюсь повторить это два раза подряд — а вдруг у меня так и останется эта рожа!

— Может быть, ей так больше понравится.

— Да замолчи же, Нелли. Я предлагаю сделку:

вы мне поверите, что я все скажу правильно, когда мы все это будем проделывать вместе, а я буду держать Десницу Славы.

— Но мы собирались нанизать ее на подсвечник.

— Лучше я стану ее держать — так будет почестному.

— Ты не сможешь, Ента. Тебя стошнит.

— Пусть лучше стошнит, чем ходить страшилищем. Подержу. Договорились, Реджина?

— Но эта штука такая жуткая, душенька… Ладно, договорились. Пусть так и будет. Вот что, милочки, мы все заклинания выучили назубок, но не надо расслабляться. Просто с ума можно сойти, если одна малюсенькая запинка — и все пойдет насмарку.

— А что, Реджина, демоны такие зануды?

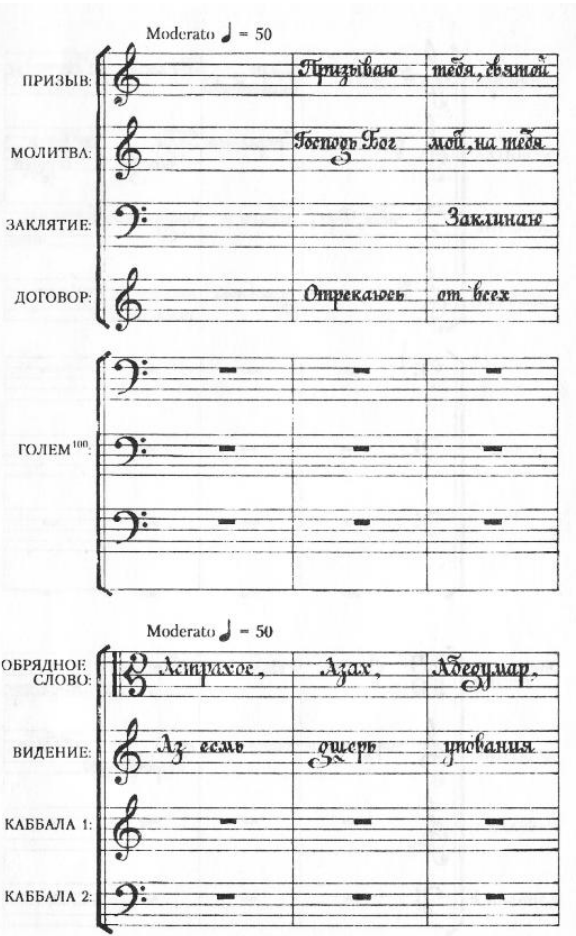
— Все мои учебники зла так утверждают. Это признак верности Сатане. Ну, все готовы?

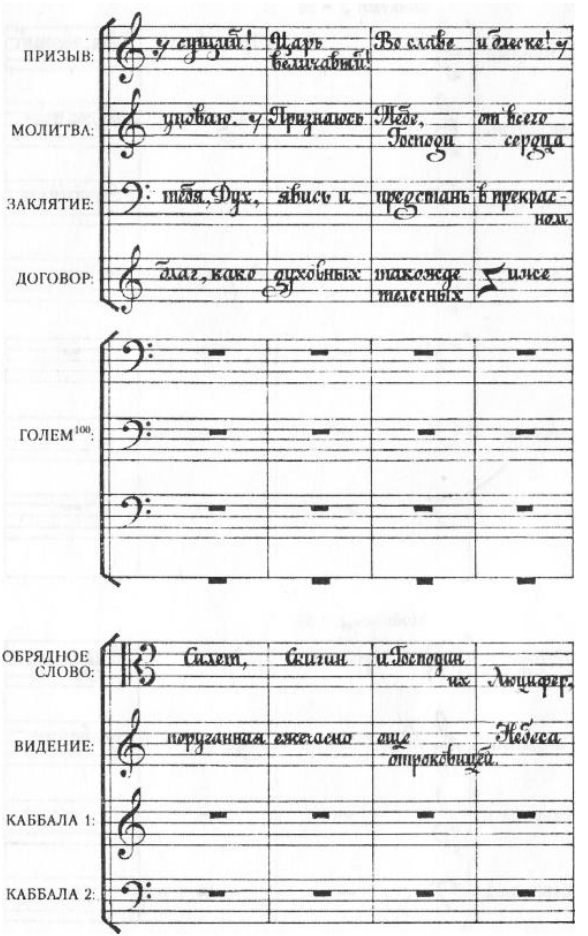
— А сейчас все по-настоящему?

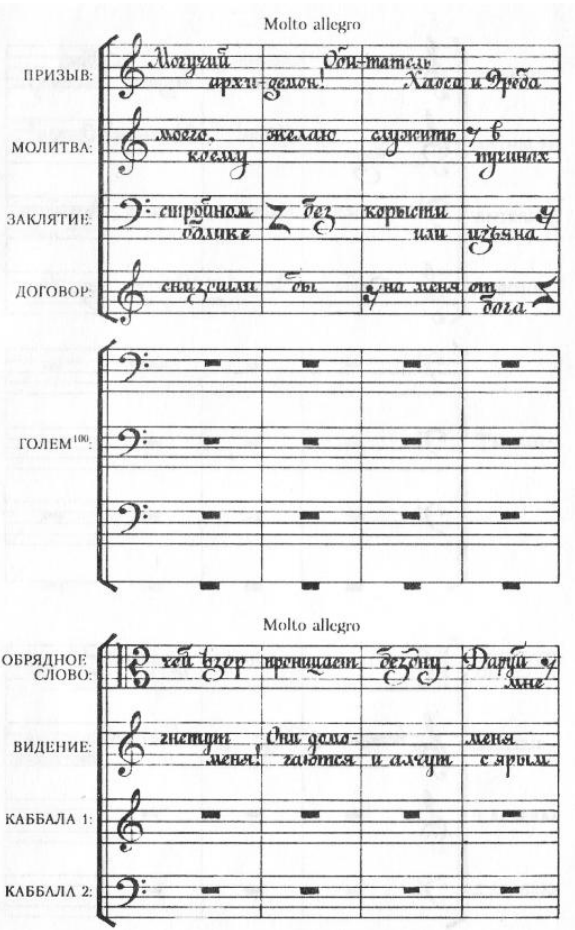
— Да, со всем освещением и инвентарем. Пи-рожа, зажги Десницу Славы и дай ее госпоже Енте. Подпали курения и все эти остальные мерзкие вонючки. Становимся все вокруг пентакля. Поем хором, как в симфонии. Смотрите на меня — я задаю ритм и подскажу, когда кому вступать.

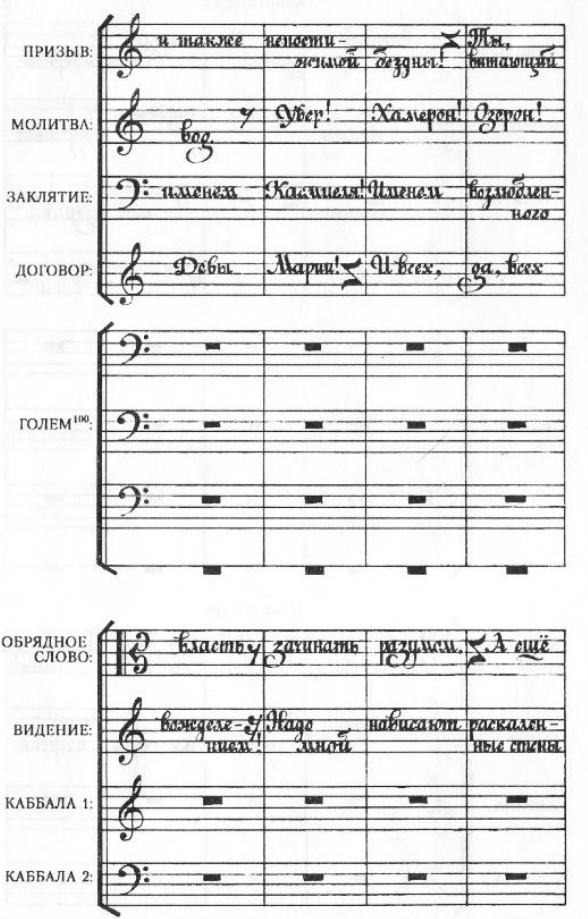
Они образовали круг вокруг начерченного на полу пентакля: величавая, изящная Реджина, восседавшая подобно изысканной драгоценности в перстне; Нелл Гвин — сплошные рыжие кудри, молочная кожа, обильный бюст; Ента Калента, высокая, смуглая, красивая, рыжая; Сара Душерыжка — на подвижном лице застыли пронзительно синие глаза под густыми бровями; двойняшки Угадай и Откатай, выглядевшие парочкой сочных греческих рабынь; Мери Наобум с пышными светлыми волосами, причесанными как сидящий набекрень шлем; и барышня Гули — с нее Тениель мог рисовать свою Алису в Зазеркалье.

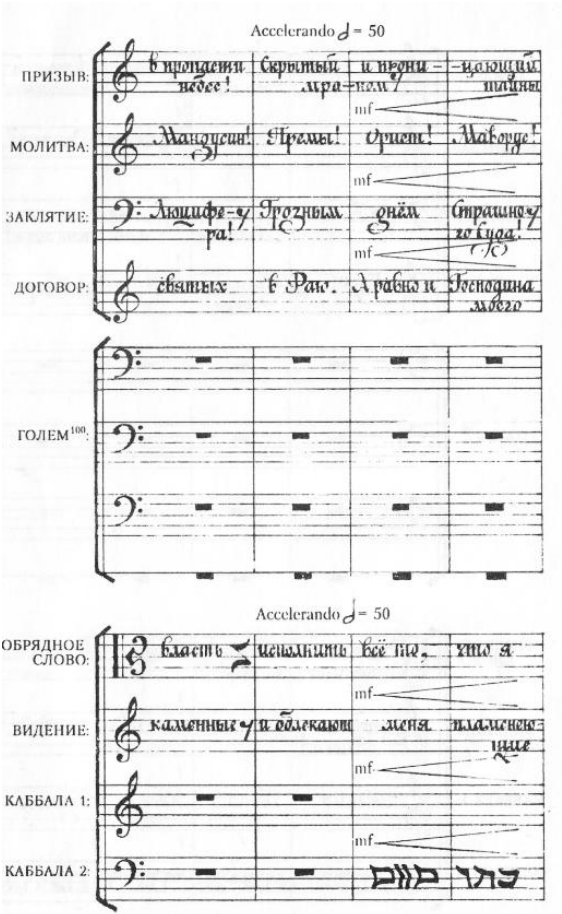
— Ну вот, дамы, — прозвучал мягко журчащий голос Реджины. — Вы больше не дамы. Вы злобные ведьмы. Прочувствуйте это. Пусть это звучит в ваших заклинаниях. Возжелайте явления Дьявола. Стремитесь к нему. Любите его… Начали!

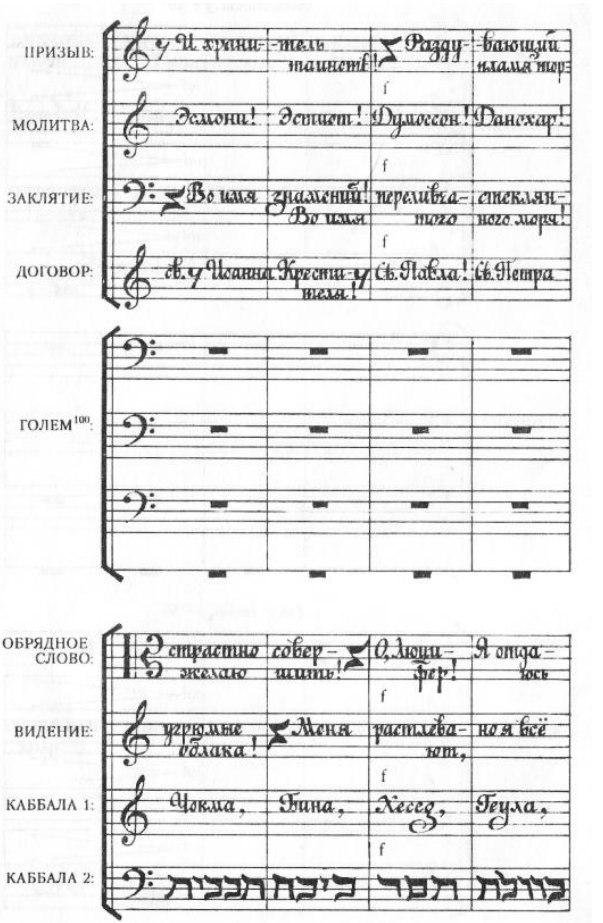

Moderato ♩ = 50
ПРИЗЫВ:
МОЛИТВА:
ЗАКЛЯТИЕ:
ДОГОВОР:
Призываю
тебя, святой
Господь Бог
мой, на тебя
Заклинаю
Отрекаюсь
от всех
ГОЛЕМ[100]:
Moderato ♩ = 50
ОБРЯДНОЕ СЛОВО:
ВИДЕНИЕ:
КАББАЛА 1:
КАББАЛА 2:
Ассирихос,
Аззах,
Хбегумар,
Аз есмь
ошерь
упования

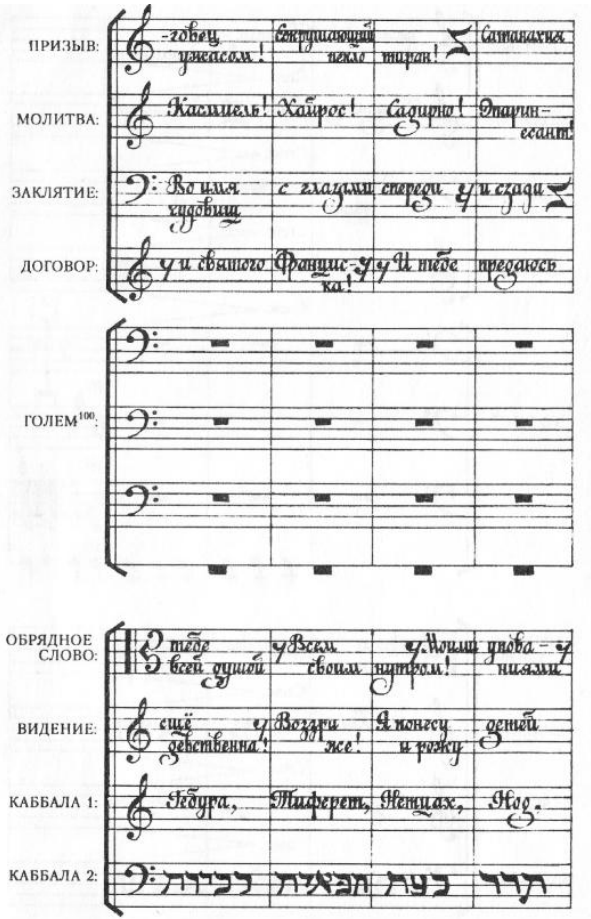

ПРИЗЫВ:
у сущий! Царь величавый! Во славе и блеске! у
МОЛИТВА:
уповаю. у Признаюсь Небо, Господи от всего сердца
ЗАКЛЯТИЕ:
тебя, Дух, явись и предстань в прекрасном
ДОГОВОР:
благ, како духовных также же телесных Симсе
ГОЛЕМ[100]:
ОБРЯДНОЕ СЛОВО:
Силет, Сатан и Господин их Люцифер,
ВИДЕНИЕ:
пугливая ежечасно еще отроковицей. Небеса
КАББАЛА 1:
КАББАЛА 2:

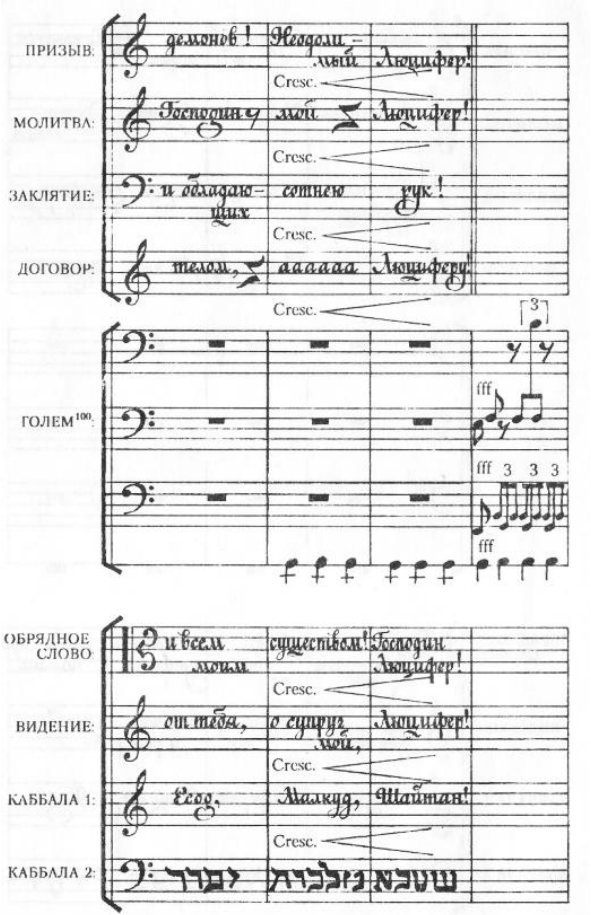

Molto allegro
ПРИЗЫВ:
Могучий архи-демон! Обо-татель Хаоса и Эребa
МОЛИТВА:
моего, кому желаю служить в пустынях
ЗАКЛЯТИЕ:
сгробном облике без корысти или изъяна
ДОГОВОР:
снизойди бы на меня он бога
ГОЛЕМ[100]:
Molto allegro
ОБРЯДНОЕ СЛОВО:
хай вздр вроящаем бездну. Дарда мне
ВИДЕНИЕ:
гнетущи меня! Они домо-гаются и алчут меня с яростью
КАББАЛА 1:
КАББАЛА 2:

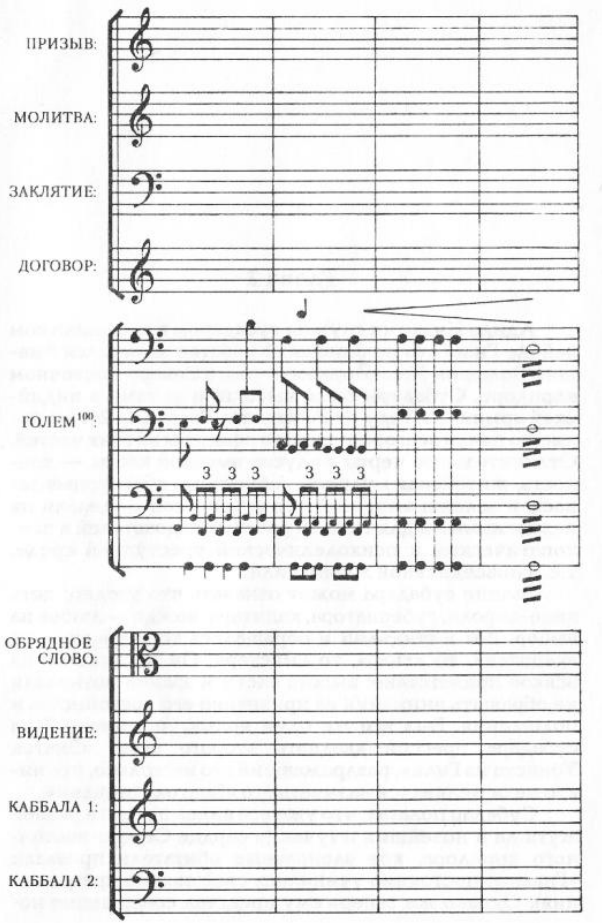

ПРИЗЫВ:
и также
неизмеримой
бездны!
Ты,
витающий
МОЛИТВА:
вод.
Убер!
Халмерон!
Озерон!
ЗАКЛЯТИЕ:
именем
Каспиель!
Именем
возлюблен-
ного
ДОГОВОР:
Девы
Марии!
И всех,
да, всех
ГОЛЕМ[100]:
ОБРЯДНОЕ СЛОВО:
властью
захлопать
глушим.
А ещё
ВИДЕНИЕ:
вождели-
нием!
Надо
мной
нависают
раскален-
ные стены
КАББАЛА 1:
КАББАЛА 2:


Accelerando ♩ = 50
ПРИЗЫВ:
в пропасти небес!
Скрытый
и прони-
-зающий
мрак!
mf
МОЛИТВА:
Жанусии!
Прегыы!
Орнет!
Маборде!
mf
ЗАКЛЯТИЕ:
Люцифе-
-ра!
Грозным
днём
Страшна-
-го суда!
mf
ДОГОВОР:
святых
в Рам.
Арабы и
Господина
моего
ГОЛЕМ[100]:
Accelerando ♩ = 50
ОБРЯДНОЕ СЛОВО:
власть
исполнить
всё по-
-что я
mf
ВИДЕНИЕ:
каменный
и облекают
меня
пламенные
цепи
mf
КАББАЛА 1:
mf
КАББАЛА 2:


ПРИЗЫВ:
И храни- тель знаменi!
Раздy- вающий пламя мир
МОЛИТВА:
Эсмони! Эсшет! Дуллоссон! Данехар!
ЗАКЛЯТИЕ:
Во имя знамений! Во имя
перелива- тного
стеклян- ного моря!
ДОГОВОР:
св. у Иоанна
Крести- тиля!
Сь. Павла!
Сь. Петра
ГОЛЕМ[100]:
ОБРЯДНОЕ СЛОВО:
страстно желаю
собер- шить!
О, люди- тер!
Я опа- юсь
ВИДЕНИЕ:
угрюмые облака!
Меня
растлева- ют,
но я всё
КАББАЛА 1:
Чокма,
Бина,
Хесед,
Геула,
КАББАЛА 2:


ПРИЗЫВ:
-говец ужасом!
Ежущающий пекле
тиран!
Сатанахия
МОЛИТВА:
Касмиель!
Хаирос!
Сазирно!
Этарин-
егант!
ЗАКЛЯТИЕ:
Во имя чудовищ
с глазами спереди и сзади
ДОГОВОР:
и святого Франциска!
И тебе предаюсь
ГОЛЕМ[100]:
ОБРЯДНОЕ СЛОВО:
тебе всей душой
Всем своим
Жилы упова-
нием!
ВИДЕНИЕ:
ещё девственна!
Воздам же!
Я повешу
детей
КАББАЛА 1:
Гебура,
Тиферет,
Нецах,
Ход.
КАББАЛА 2:


ПРИЗЫВ:
демонов!
Неодоли-
мый
Люцифер!
Cresc.
МОЛИТВА:
Господин
мой
Люцифер!
Cresc.
ЗАКЛЯТИЕ:
и обладаю-
щих
сотнею
рук!
Cresc.
ДОГОВОР:
телом,
аааааа
Люцифер!
Cresc.
3
ГОЛЕМ[100]:
fff
fff 3 3 3
fff
ОБРЯДНОЕ СЛОВО:
и всем
моим
существом!
Господин
Люцифер!
Cresc.
ВИДЕНИЕ:
он тебя,
о сатрап
мой,
Люцифер!
Cresc.
КАББАЛА 1:
Есод,
Малкуд,
Шайтан!
Cresc.
КАББАЛА 2:
יסוד
מלכות
שטנא


ПРИЗЫВ:
МОЛИТВА:
ЗАКЛЯТИЕ:
ДОГОВОР:
ГОЛЕМ[100]:
3 3 3
3 3 3
ОБРЯДНОЕ СЛОВО:
ВИДЕНИЕ:
КАББАЛА 1:
КАББАЛА 2:

Глава 2

Адида Индъдни служил субадаром в злопакостном районе Гиль; его полицейский участок занимался бывшим Большим Нью-Йорком — там, в Северо-восточном коридоре. Субадары были высокими чинами в индийской армии, а к году от Рождества Господня 2175 в полицию почти всего мира вошли офицеры из этих частей. Отличительные черты индусов высокой касты — тонкость, житейская мудрость, обширные культурные запасы и залежи эмоциональных ресурсов — делали их незаменимыми для тяжкой работы следователей в психопатической и психоделической преступной среде, т. е. в повседневной жизни Гили.

Звание субадара может означать что угодно: хоть вице-короля, губернатора, капитана, вождя — любое на выбор. Вот к Индъдни и обращались то «субадар», то «капитан», то «шеф», то «мистер». Он откликался на всякое приветствие: высота касты и звания позволяли не обращать внимания на признание его достоинства и положения. Был все же один ярлык, навешенный на субадара

прессой двадцать второго века: «Знаток Убийств из Гили», раздражавший его настолько, что никто не осмеливался называть его «Знаток Индъдни».

Субадар полагал, что уже все видел по части разной жути да и новейших штучек (в сердце Северо-восточного коридора, кое злонравные обитатели прозвали «Гилью», постоянно учинялись свеженькие прегрешения). Однако же теперь ему предстал совершенно новый кошмар, да такой, что тонкую индийскую душу выворачивало наизнанку.

Она билась в отбросах и мусоре. Сочившаяся какой-то гадостью веревка стягивала ее по рукам и ногам. Она была еще жива и исходила криком. Индъдни жаждал ее немедленной смерти^ потому что по всему ее телу копошились ковровые точильщики; этим жучкам биологи в музеях дают обгрызать дочиста плоть будущих экспонатов — остается готовый к экспозиции скелет.

Жучки деловито, алчно и целеустремленно пожирали трепетное тело женщины. Местами уже показались кости. Жертва лишилась глаз, носа, ушей, губ и языка. Она страшно кричала, и жуки жадно набрасывались на кровь, толчками хлеставшую из дыр на ее лице при каждом новом вопле. Субадар Индъдни, содрогаясь, поддался со-

страданию — если о таком служебном упущении донесут, то, без сомнения, его высокое положение в Гили претерпит урон. Выхватив лазер из форменной кобуры одного polizei, он аккуратно прострелил голову женщины.

Группа расследования испустила дружный вздох облегчения. Субадар понял, что доноса на его мягкосердечие не последует, но тут его помощник буркнул: «А как же показания, господин?»

— Устные показания? — певучим «шикарным» говорком переспросил Индъдни. — Каким это образом? Она ничего не могла сказать, не так ли?

— Да, господин, но изложить письменно…

— Ах, разумеется, письменно. Но как? Вы видите ее руки?

— Нет у нее никаких рук, господин.

— Вот именно. А ушей? Ушей, чтобы слышать вопросы? Тоже, как видите, нет. У нас, таким образом, лишь наблюдаемые факты…

Субадар Индъдни осекся в изумлении. Испытывать потрясение для него было внове, и он молча уставился перед собой. Туда же глазела и его группа. Жуки исчезли — как растворились. Так же молниеносно исчезли путы. Остался только один наблюдаемый факт: обглоданный женский труп.

— И как же, — поинтересовался Индъдни, —

мы доложим это Законникам? Насекомые и узы присутствовали на ней, верно?

— Так точно, господин.

— Мы видели, как все они исчезли, верно?

— Так точно, господин.

— Каждый видел то же, что и остальные?

— Так точно, господин.

Индъдни тяжелым взглядом обвел свою группу. Все отвечали ему, по-видимому, искренне и убежденно. Он вздохнул.

— Значит, все мы разглядели и проглядели причину ужасно жестокой смерти?

— Так точно, господин.

— Именно так. А можем ли мы поверить в то, что видели и перестали видеть?

— Это нелегко, господин.

— Нелегко? Ну что вы — просто невозможно! И невозможно доложить Законникам. Уж лучше будет доложиться всем в психушку.

Ноздри субадара дрогнули. Он с любопытством принюхался — ему были знакомы тысячи миазмов, осквернявших воздух Гили, но эта вонь была внове. Это было что-то необыкновенное. Он еще раз испытал потрясение.

* * *

— Где же Сатана?

— Да уж не здесь.

— Было хоть шевеление в пентакле?

— Ни малейшего.

— Вы что-нибудь почувствовали? Ты, Сара? Дьявол тебя хватал за коленку?

— Даже не дотронулся, Реджина. Увы. Увы! УВЫ!!

— Разрази его! Как мы обломились!

— Мы его, верно, не застали дома.

— Ну кто-то же должен был нам ответить.

— Его номера, наверное, нет в справочнике.

— Да неважно это! Мы же заказали прямой разговор. Нет, мы так просто не сдадимся. На той неделе попробуем снова, хорошо?

* * *

Укрепленный полицейский участок Гили содрогался от истерических, но совершенно невразумительных телефонных звонков. Однако когда субадар Индъдни прибыл на вызов со своей группой, он с ужасом понял, в чем дело.

Вокруг торчащего обломка колонны полу-

разрушенного портика оперы ползал человек: оскальзываясь, вновь поднимаясь, спотыкаясь, жалобно подвывая, закатываясь криком, вопия ко Христу и проклиная своих богов. Живот его разверзался, сочась кровью и исторгая внутренности. Одна кишка была закреплена на огрызке колонны, и, в своем безостановочном кружении, несчастный по кусочку наматывал кишки вокруг колонны — связанный с ней гирляндой из кровавого сизого швартовного каната. Он потрошил себя, неумолимо гонимый…

— Чем, — взорвался Индъдни, — ну чем же? Никогда в жизни… Ни разу… Вы это видите? Мы все видим?

Они увидели палача — вороненую нависающую глыбу, поблескивающую и отливающую сталью; был у нее облик или нет? Как амеба, аморфное создание меняло образ точно Протей: выдавливало из себя ноги, ступни, лапы, руки; десяток рук, сорок рук, тьму рук. Одни из них были накалены добела, да так, что их металлический запах смешивался с гарью — они палили спину жертвы, жарили, гнали его бегом вокруг колонны, выматывая кишки, покуда он не пронзил Гиль воплем смертной муки и не скукожился трупом. Спавшая человеческая оболочка вдруг

рассеялась — остался только неповторимый запах, оскорблявший нюх субадара.

«Так, наконец-то я понял, — подумал он. Из-за подступавшей тошноты он не мог говорить. — Я узнал этот bouquet de malades — запах безумия».

Тут ему удалось обратиться к своим помощникам:

— Вы видели? Мы все видели? До одного?

Все, что им удалось, это кивнуть.

— Ну, и что же мы такое видели?

Они отрицательно замотали головами.

— Человека? Животное? Существо? Беспомощное пожатие плечами.

— Там было лицо? Что-то на лице? Я ничего не заметил.

— Мы тоже, субадар.

— А ноги у него были. Много ног — то появлявшиеся, то исчезавшие, как сама эта штука. И руки были. Вы сколько рук видели?

— Десять, господин.

— Нет, пятьдесят, господин.

— Гораздо больше, господин. Не меньше ста.

— Согласен. Итак, сторукое, а некоторые руки накалены добела. Вы это видели?

— Да, субадар, но…

— Ага! Вы говорите: «Да, но…» — и осекаетесь.

Да. Но. Но как может быть плоть накалена добела, верно? Мы это видели. Плоть не может отблескивать металлом. Но. Мы видели, как сто рук терзали и убивали. Мы видели, как это создание исчезло, а живые существа не исчезают. Оно было живым, однако смогло. Но. Но. Но. Как объяснить эти «но» Законникам? Как уяснить их для самих себя?

* * *

— Опять, снова сорвалось. Будь все проклято, дамы! Не срабатывает.

— Не в этом ли наша беда, Реджина? Мы-то не прокляты — пока.

— А мы точно все заклятия пропели верно?

— Тютелька в тютельку.

— Ну а если это не те заклятия?

— Я их слово в слово взяла из моих скверных книг.

— А как насчет Десницы Славы, той, что я держала? Она взаправдашняя? Свечка действительно из сала девственницы?

— Мой Нудник ручается, Ента. Рука, держащая свечу, и в самом деле взята от казненного преступника. У моего Нудника мощный блат в морге.

— Как ему это удается, Нелл?

— Взятки, Сара.

— *Взятки*? Зачем?

— А я-то думала, все знают! Мой Нудник, благослови его Боже, ярый некрофил.

— Дамы, ну хватит щебетать, прошу вас. Думаю, в этом все и дело — мы слишком легкомысленны. Придется пробовать снова, и на этот раз будьте серьезны!

* * *

Они вытянулись ровным рядком. Их было десять: мальчик-девочка, мальчик-девочка, — навзничь лежавших на ржавой гнилой автомобильной свалке. Было бы совсем как в амурной карусели, если бы они прыгали друг на дружке, но они были мертвы.

— Крайне свежий Смертный случай, — заметил субадар Индъдни, тужась обрести равновесие. — Кровь у них еще идет, замечаете? — Он потянул носом, и его тонкое лицо свело в омерзении. Это снова был зловещий bouquet de malades. — Ну да. Безусловно. Разумеется, опять наш Сторукий. Только такое чудовище могло так все устроить.

Устроено было зверски незатейливо: у каждого юноши (пока он еще жил и чувствовал — об этом кричали застывшие в мучительной судороге

лица) были вырваны гениталии и засунуты в рот девушки. У каждой девушки была оторвана грудь и засунута в рот юноше.

Субадар Индъдни с трудом перевел дыхание и тряхнул головой.

— Сознаюсь в некотором допущении, — обратился он к подчиненным. — Я, наверное, слишком долго прожил в Гили. Когда я только попал в Коридор, он так сильно напоминал мой нежно любимый Бомбей. Я был так счастлив — как у себя дома. Но потом все начало меняться, и еще меняться, и опять меняться. Не так ли, джентльмены?

— Да, господин. Коридор и взаправду изменился в наше время.

— Разумеется, перемены всегда должны происходить, и мы всегда, как культурные люди, должны к ним приноравливаться. Но к чему? Вот к этому? Или к другим Смертным, порожденным Сторуким? Что это за сторукий ужас, воняющий безумием? Его Смертные воняют безумием! Живой ли он сам? И да, и нет. Не растение ли это? И да, и нет. Или оно — из горной породы? И да, и нет. Что-нибудь подобное встречалось раньше на нашем пути?

— Отвечаем «нет», субадар.

— Точно. Есть ли у этого хоть чем-то знакомый нам мотив?

— Нет, субадар.

— Есть ли на свете хоть что-нибудь, подобное этому порождению из рук, вони, безумия и зверства?

— Нет, господин.

— Может ли это быть пришелец из космоса, как в развлекательной страшилке?

— Нет, субадар. Наши специалисты по связи знают, что не существует ничего живого вокруг — на много световых лет от Солнечной системы.

— Они это точно знают или полагают?

— Они уверены, господин. Полукилометровый радиотелескоп два столетия шарит лучом по всей галактике — передает силуэт человека, двоичные числа, таблицу элементов, структуру ДНК, схему Солнечной системы… — все безрезультатно. Мы одиноки в нашем уголке Млечного Пути.

— Весьма любопытно. Тогда это не пришелец извне, а чужак из нашей собственной системы. Оно живое, но невероятное. Это непостижимый факт. Невозможный. Непроницаемый. Необъяснимый. И все же — факт. Это новое безумное порождение Гили.

— Да, субадар.

— Так, стало быть, наш долг — обуздать это новое безумие?

— Да, господин. Это наш долг.

— Ну да, наша совесть и закон этого требуют, но что нам делать? Нам что, самим сходить с ума каждый раз в ответ на новое безумие Гили? Неужели нам таким манером приступать к исполнению наших обязанностей — подладиться, чтобы нас считали нормальными, принимали за подобных себе окружающие нас сумасшедшие?

— Придется, субадар. Всем нам.

— А не придется ли нам втихомолку сохранять наши человеческие ценности, быть Тайными Здравыми? Что будет с нами? Что происходит с Гилью и с Коридором? Умоляю, джентльмены, если можете, подскажите мне. Что же это делается с Северо-восточным Коридором?

Глава 3

Разумеется, в наше время Северо-восточный Коридор — это северо-восточная трущоба, протянувшаяся от Канады до Южной Каролины, а к западу — аж до Питтсбурга. В безумии насилия там кишели толпы обитателей, которые непонятно чем были живы и где обретались. Хаос охватывал такую огромную территорию, что демографы и социальные работники давно уже полностью отчаялись. В строю держалась одна полиция.

Это была чудовищная ярмарка уродов, которую все яростно отвергали и обожали. Если ты жил в Коридоре, а тем более — в Гили, то тебя переполняла ненависть к этому месту, но бросить его ты не мог: чувство это было сродни неодолимой похоти к уродливой готтентотской Венере.

Даже те из привилегированных классов, кто, подобно царице Реджине и ее семи дамам-пчелкам, мог позволить себе роскошную жизнь в надежно защищенном Оазисе (а к тому же, черт бы их побрал, могли и дернуть оттуда куда глаза глядят), и не помышляли бросить Гиль. Эти

джунгли околдовывали. Да Боже ж мой, это и была жизнь! Расстроенные мозги производили там на свет все новые извращения, пороки, преступления и возмутительные выходки. Кто знает, не окажешься ли ты вдруг в покойницкой, но тем временем как здорово было жить!

В Гили кризис выживания случался по сто раз на дню. Основным неудобством был холод. Страдали все, а зима, казалось, затягивалась на долгие полгода. Одна популярная обновленческая секта в своих проповедях объявляла о наступлении нового ледникового периода, предтече Второго Пришествия. Мистическая дата — 2222 год — грозила окончательным оледенением, когда всех грешников призовут на Страшный Суд. Музыкоделы Скрябина Финкеля состроили гимн Армии Оледенения: «Как Ему пчела предстанет, коли Божий Хлад нагрянет?»

Еще более тяжким испытанием, чем постоянный холод, была нехватка пресной воды. Почти все природные источники питьевой воды уже прибрала к рукам КПССБ («Компания По Строительству Светлого Будущего»), так что на долю страждущего потребителя сегодня почти ничего не осталось. Конечно, ставили баки для дождевой воды на крышах (существовала даже категория

«Аш-2-О воришек»). Пользовались оборотной или опресненной водой. Был и черный водяной рынок — вот, пожалуй, и все, так что лишь немногие могли толком искупаться или постирать. Ясно, что джунгли еще и воняли. Уже за десять миль при подходе с моря можно было учуять особый букет Северо-востока.

Не то чтобы все, кто вприпрыжку скакал по гнили на тротуарах, так уж сильно огорчались вонью, но многим это не нравилось — для них единственным выходом было поливаться духами. Сотни компаний соперничали на парфюмерном рынке, но далеко за флагом всех оставляла «ФФФ» (Фабриканты Фигурных Флаконов), где вовремя смекнули, что надо разворачиваться, когда начался парфюмерный бум.

На «ФФФ» честно, хотя и не для посторонних ушей, признавались, что они шли с конкурентами «ноздря в ноздрю», пока к ним не пришел Блэз Шима. На этом конкуренция и закончилась.

Блэз Шима. Происхождение: франко-японо-ирландское. Семейное положение: близких нет. Образование: Принстон, первая ученая степень получена в Массачусетском технологическом институте, а докторат написан в «Дхоу Кэмикл» (они-то и шепнули на ушко «ФФФ», что Шима

— самое то! Теперь Комиссия по деловой этике должна была рассматривать иск, вчиненный возмущенными конкурентами). Возраст — тридцать один год, холост, не педик, гений.

Его гениальность заключалась в его обонянии, и у «ффф» Блэза обычно втихомолку величали «Нос». Он знал все о химии и индустрии запахов: животные компоненты духов — амбра, бобровая струя, циветта и мускус; эфирные масла, выделенные из цветов и трав; смолы, которыми сочатся раненые деревья и кусты — мирра, бензой, сторакс, перуанский и талуанский бальзамы; искусственные ароматы, полученные сочетанием натуральных веществ с эфирами и жирными кислотами.

Шима был создателем всех чемпионов продаж у «ффф»: «Вульвы», «Выпота», «Конских» (верно, лучше звучит, чем «Подмышо», как предлагал Корнблат из Отдела сбыта), «Пре-Траха» и «Ее Слюнок». «ФФФ» дорожили им и платили так много, что он роскошно жил в уютном и всегда теплом Оазисе. Кроме того, у «ффф» был такой мощный блат, что они смогли обеспечить Шиму неограниченным количеством чистой воды, «гор» и «хол» — ни одна девица из Гили не могла отказаться от приглашения поплескаться у него

под горячим душем.

Однако и цена, которую платил Блэз Шима за все эти радости, была высока. Ему возбранялось пользоваться душистым мылом, кремом для бритья, помадой для волос, одеколоном. Он не мог есть пищу со специями, пить что-то, кроме специально дистиллированной воды. Ясное дело, Нос следовало содержать в первозданной нетронутости, чтобы в стерильно-чистой лаборатории он нанюхивал все новые шедевры. К данному моменту Блэз Шима бился над многообещающим новым ароматом (рабочее название «Мудская волна»), но ему никак не удавалось получить стойкий результат уже в течение двух месяцев, и Отдел сбыта «ффф» начал дергаться из-за такого срыва сроков.

Было созвано совещание правления.

— Что, черт побери, с ним происходит?

— Может, утратил нюх?

— Ни Боже мой.

— У него и раньше случались задержки, помните? Та девка из Ипанемы, она его просто высосала. Как бишь ее?..

— Ильдефонса Лафферти.

— Эта Ильдефонса, по всем отзывам, просто вампир, но и она его настолько не задержала.

Может быть, отправить парня отдохнуть?

— Он только в прошлом квартале брал две недели отпуска.

— И на что их потратил?

— Сказал, что неделю гулял напропалую — ел и пил, что ни попадя.

— Может быть, в этом все дело? Объелся?

— Нет-нет, вторую неделю он вычищал организм перед возвращением на работу. Честно.

Здесь вмешался председатель правления, крупный, с барскими повадками и кожей старого крокодила:

— А здесь, в «ФФФ», у него все в порядке? Возможно, какие-то трения в среднем звене?

— Невозможно, господин председатель. Они не посмеют мешать ему.

— Он не обижен в зарплате? Дайте ему прибавку.

— Говорит, что и того, что получает сейчас, не может потратить.

— Погодите, а не добрались ли до него конкуренты?

— Они ищут к нему подходы постоянно. Он просто смеется над ними — ему хорошо у нас.

Председатель задумался.

— Значит, что-то личное?

— Да, сэр, скорее всего.

— Неприятности с женщинами?

— Дай нам, Боже, всем таких неприятностей! В личной жизни это не Нос, а Жеребец!

— Семейные?

— Он круглый сирота.

— Жаждет продвижения, власти? Может быть, ввести его в состав правления? Кажется, у нас сейчас свободно одно кресло вице-президента.

— *Я* ему предложил это в начале года, но Шима рассмеялся в ответ — ему бы только возиться со своими химикатами.

— Ну так что же он не возится?

— Что, черт побери, с ним происходит?

— С этого ты и начал совещание.

— Ничего подобного!

— Именно с этого.

— Вот и нет!

Председатель снова вмешался; в его низком голосе слышался сдерживаемый рык:

— Ну же! Прошу вас! Похоже, что у господина Шимы личные проблемы, которые приглушают и/или препятствуют проявлению его гениальности. Мы должны помочь ему справиться с трудностями. Как это срочно?

— Очень срочно, господин председатель. У нас

уже заказов на миллион флаконов «Мудской волны», и срыв поставок катастрофически отразится на доверии к нам в будущем. Ну а какой будет урон репутации Шимы, и подумать страшно!

— Ясно. Ваши предложения?

— Психиатр?

— Это сработает только на добровольных началах, а я сомневаюсь, что он пойдет на такое добровольно. Жутко упрямый чувак.

— Сенатор, — пожурил его председатель, — я бы попросил! Неуместно пользоваться такими выражениями применительно к самой ценной нашей собственности.

— Господин председатель, вы сказали, что наши трудности — это помочь ему с его трудностями?

— Ну да, губернатор.

— Так, может быть, сначала выясним, что там с ним?

— Ценное замечание, губернатор. Ваши предложения, господа?

— Для начала предлагаю установить круглосуточное скрытое наблюдение за всем, что касается нашего чувака — ах, извините! — нашего ученого доктора: за всеми его делами, связями и контактами.

— Очень хорошо, сенатор. Наблюдение служ-

бой безопасности «ФФФ»?

— Пожалуй, нет, сэр. Утечки неизбежны, а если что, то мы просто восстановим против себя нашего славного чувака, то есть, что это я, — *доктора!*

— Слежка, значит, со стороны?

— Да, сэр.

— Предложения?

— Мы раньше прибегали к услугам объединения «Беги-Лови». Они ловкие и честные ребята.

Председатель задумался, потом встал и двинул к двери походкой ленивого крокодила. По пути следования он бросил через плечо:

— Прекрасно. Согласен. Собрание закрыто.

* * *

— Что за гадость, милые дамы, — журчал изящно раздосадованный голосок Пчелки-Царицы. — Учили-учили все эти мерзкие заклинания, жгли одну скверно пахнущую дрянь за другой и ровно ничего не дождались. Ни Люцифера, ни хоть какого-нибудь подручного демона. Голосую за новую программу.

— Полностью поддерживаю, Реджина, — сказала Откатай, — но с условием — никакой больше латыни.

— И никакого древнееврейского. У меня еще

челюсти на место не встали.

— Дамы, послушайте распорядителя вашего круиза!

— Мы дрожим от предвкушения, Реджина.

— Я дрожу скорее от холода, — молочная кожа Нелл Гвин покрылась пупырышками. — Во мне кровь стынет, Реджина.

— Пи, подбрось торфа в камин. Пошевелись. И подвесь чайник над огнем. Мы выпьем кофе.

— Осталась только оборотная вода после ванны, хозяйка.

— Пойдет. Дамы, послушайте мое предложение. Что бы вы сказали насчет старинных стегальных посиделок?

— Кого стегать?

— Да посиделки же. Людские женщины в старину собирались время от времени, в точности как мы, и вместе делали стеганые лоскутные одеяла.

Это потрясло Сару Душерыжку:

— Ты хочешь сказать, что все эти ИЗУМИтельные штуки действительно!!! делались!!! В-Р-У-Чную? Я всегда считала, что музеи их изготавливают сами — направленным взрывом, что ли…

— А я-то думала, что «заправленным».

— Да ну тебя, Мери, — рассмеялась Реджина. —

Конечно же их делали руками, и я предлагаю нам этим заняться, если хотите.

— Я-то хочу, — Ента Калента состроила хитрую рожицу, — но кому из нас одеяло достанется, когда будет готово?

— Никому. Мы его продадим в музей, а на эти деньги будем просто купаться в самых шикарных духах.

— Боже мой, я — за! Бр-р-р! — вздрогнула Нелл Гвин. — Кто еще голосует «за», поднимите руки. Да не ты, Пи, у тебя нет голоса. Считаю: один, два, три, четыре… шесть из восьми. Угадай и Откатай, как всегда, вносят разлад.

— Нет, не разлад, а раскол.

— А что это? Опять неприличность?

— Потом объясню, Гули. Ну, что теперь, Реджина?

— Трудно будет достать лоскутки, Нелл. Нужны разноцветные лоскутки, причем настоящая ткань, а не что-то, переработанное из чего-то.

— Легче легкого, Реджина. У моего Нудника потрясная коллекция древних шелковых галстуков. Там множество дубликатов — он и не заметит, если я их стяну.

— Великолепно, Нелл. В одной моей нехорошей книге есть дивный рисунок одеяла, так что

в следующий раз и начнем. Пи! Где кофе! Могу заметить, что стегальные посиделки — просто прелесть! Это вам не Сатану выкликать; дурак он старый, вот и все!

* * *

Объединение «Беги-Лови» пришло в ярость. Его сотрудники впервые провалили задание ценного клиента, и возникло к тому же смутное чувство, что их надули. Через две недели глава объединения отфутболил папку с делом обратно «ФФФ», потребовав возместить расходы.

— Почему это, господин "председатель, нам никто не удосужился сказать, что наш объект — профессионал? Наши ищейки с таким не справляются; их работа — обычные фраера.

— Что значит «профессионал»?

— То и значит, что не лох какой, а темнила, ловкач, кидала. В законе, одним словом.

— Наш доктор Шима — профессиональный преступник? Невозможно!

— Послушайте, босс, господин председатель. Я вам срисую картинку, а вы уж сами решайте. Пойдет?

— Безусловно.

— В отчете и так все расписано. Мы приставили

к Шиме двойное наблюдение — двоих ищеек, оперативников, сыщиков — на весь день, снаружи вашей конторы. Внутри-то мы вам не нужны, верно? Когда он выходил, его пасли. Он всегда шел прямо домой, никаких контактов, кроме девок. Нигде ничего, ясно?

— Продолжайте.

— У его Оазиса мы выставили двойную смену. Там отменная охрана, так что это было нетрудно. Ему каждый день присылают ужин на дом из «Натурального Питомника» — это чисто, там готовят для тех, у кого пунктик: «вся еда натуральная, никаких добавок». Наши шпики проверили ребят на доставке: полный ажур. Проверили саму доставленную еду: то на одного, а то и на двоих — порядок. Ни тебе тинка, ни хрома, ни морда, ни щекотуна — ничегошеньки.

— Простите, не понимаю, о чем вы?

— Да ладно, мистер, это все уличный жаргон. Так в Гили называют разную дурь — ну наркоту, от которой сейчас там тащатся.

— Благодарю вас.

— Наши ребята проверили всех девок, которые побывали у него в пентхаузе[1], — все чисто. Пока

[1] Примечания: 1

Роскошное изолированное жилье на последнем этаже с выходом в садик на крыше.

все чисто. Ясно?

— И?

— А вот и закавыка: вечерок-другой в неделю он выходит из дому и отправляется в Гиль. Уходит в полночь, а возвращается в четыре утра плюс-минус полчаса.

— И куда же он ходит?

— Вот тут-то и закавыка из закавык: мы не знаем! А не знаем потому, что он уходит от слежки: только настоящий профи так сечет хвосты. Он шнырит по Гили, точно шлюха или пидор в поисках клиента, и всегда уходит от моих ребят. А о них я слова худого не скажу, свое дело знают. Но он круче. Он хитрый, смышленый, шустрый, настоящий деловой, так что «Беги» его не словит.

— Значит, вы не представляете, чем занимается и с кем встречается Шима с полуночи до четырех утра раза два в неделю?

— Выходит, так, хозяин. У нас пустые руки, а у вас хлопот полон рот. Теперь уже не наши хлопоты. Извините, что подвели вас, — мы и просим только издержки.

— Благодарю. Замечу, что не все корпорации так бездушны, как принято считать. Мы в «ффф» понимаем, что отсутствие результата — тоже результат. Кстати, нас этому научил сам доктор

Шима. Так что вы добились удовлетворяющего нас результата и получите ваши издержки и оговоренный гонорар.

— Господин председатель, что вы, как можно…

— Нет-нет, не спорьте, это вами заработано. Вы свели для нас задачу к этим выпадающим четырем часам. Теперь, разумеется, это и вправду наша проблема, и нам придется привлечь крайне необычного эксперта. Но доктор Шима также научил нас тому, что для решения необычной задачи требуются необычные средства.

Глава 4

«ФФФ» пригласила СалемаЖгуна, профессионального Ведуна (колдуна высшего разбора). Господин Жгун решительно отрекался от званий как некроманта, так и психиатра: его искусство включало все это, и он величал себя психомантом. Салем Жгун очень тонко проводил глубинные исследования нарушений психики, используя свой удивительный дар: он воспринимал соматическую сигнальную систему и мог истолковать эту немую речь. Чары и колдовские ритуалы служили ему лишь средством поражать и раскрепощать пациентов.

Господин Жгун с приятной улыбкой вошел в безукоризненную лабораторию Блэза Шимы.

Доктор Шима возопил от ужаса:

— Я же велел вам простерилизоваться прежде, чем входить!

— Я так и сделал.

— Ничего подобного! От вас несет анисом, иланиланом и метил-антранилатом. Вы загубили мне день работы. Зачем?

— Но, доктор Шима, уверяю вас… — господин

Жгун вдруг осекся. — Боже мой! — простенал он. — Вы правы! Я нечист, нечист! Я утром вытерся полотенцем жены.

Шима рассмеялся и включил на полную мощность вытяжку.

— Все понятно. Обычное дело, и я не в обиде. Однако, давайте уберем отсюда вашу жену. Мой кабинет почти в миле отсюда — для безопасности. Там и поговорим.

В кабинете они уселись и изучающе посмотрели друг на друга. Шима увидел собранного, сдержанного человека лет пятидесяти, деликатного сложения, без морщин; он двигался и говорил с заученной элегантностью, однако не без юмора.

Господин Жгун увидел приятного моложавого мужчину, подтянутого, мускулистого, двигающегося как боксер среднего веса или, скорее, мастер каратэ. Коротко остриженные черные волосы, маленькие аккуратные уши, высокие скулы, глаза-щелочки, за которыми нужно будет пристально наблюдать. Напротив того, крупный рот и изящные руки всегда выдадут своего хозяина.

— Итак, господин Жгун, чем могу быть полезен? Наш президент, Миллс Коупленд, сказал, что будет чрезвычайно мне обязан за любезность,

которую мне приятно ему оказать, — произносил Шима, пока руки его вопрошали: «Ну какого рожна ты ко мне пристал, шарлатан проклятый?»

— Доктор Шима, мы с вами в некотором роде коллеги. Я, так сказать, некромант от психиатрии — психомант. При постановке диагноза я пользуюсь обрядом воскурения — это жизненно важный момент. Однако мои благовония самые банальные. Я надеюсь воспользоваться вашим опытом, чтобы получить что-то особенное для ритуальных курений — это ведь, по правде говоря, всего лишь декорация.

Откровенность Жгуна подкупила Шиму:

— Ну что ж, занятно. Вы что берете, стактэ[2], ониху, смолу гальбанум… всякое такое?

— Возможно. Я не специалист и не знаю этих названий. Брал самые распространенные составы, и моим клиентам через несколько сеансов это надоедает.

— Очень интересно. Безусловно, я мог бы предложить что-то новое, даже необычное, например… — Шима неожиданно замолк и уставился в пространство.

Пауза затянулась, когда психомант нарушил

---

[2] Примечания: 2

Благовоние, входившее в состав курений в древнееврейском храме.

молчание:

— Что-нибудь не так, доктор Шима?

— Послушайте же, — возбужденно заговорил Шима, — у вас совсем неверный подход.

— Неужели! И в чем же?

— *Возжигание* курений — вот что тривиально. Вам не помогут другие ароматы. Почему бы не испробовать что-то в корне новое!

— Что бы это?

— Принцип одорофона.

— Одорофона?

— Сам термин — урод греко-латинского происхождения (как мне иногда мешает образование!). Запахи, как и звуки музыки, располагаются по шкале. Более резким запахам соответствуют высокие ноты, а запахам тяжелым — низкие. К примеру, амбра соответствует дискантам, а фиалка расположится возле басов. Я мог бы нарисовать для вас шкалу запахов — октавы на две, а дальше уже вы сами сочиняйте ритуальную музыку и придумывайте, как ее исполнять.

— Доктор Шима, это гениально!

— Ничуть не меньше, верно, — лицо Шимы расплылось в улыбке. — Но если по-честному, то мы делим лавры поровну, потому что мне ничего подобного не пришло бы в голову, если бы вы не

поставили передо мной такую оригинальную и заманчивую проблему.

На этой душевной ноте они и сошлись, радостно отдавшись профессиональной беседе. Вместе пообедали (сырые овощи и дистиллированная вода — для Шимы), рассказывая понемногу о себе и о своих странных профессиях. Они даже условились об участии Шимы в эксперименте с благовониями, несмотря на то, что сатанизм и черная магия всегда служили Шиме объектом насмешек.

— В этом есть какая-то ирония, потому что сам он одержим сатаной, — докладывал СалемЖгун.

Председатель, ну в точности сонный ящер, впал в размышление, но ничего не надумал.

— Психиатрия и сатанизм описывают одни и те же явления в разных терминах, — начал Жгун, небрежной манерой изложения маскируя лекторский тон. — Наверное, проще будет воспользоваться более общепринятыми названиями. Выпадающие четыре часа — это фуга.

Председатель опять ничего не понял:

— Фуга как в музыке?

Жгун затряс светлой гривой.

— Нет, мистер Коупленд. Фугой в психиатрии называют тяжелый случай лунатизма.

— Что такое? Блэз Шима ходит во сне?

— Дело сложнее, господин председатель. С лунатиком все относительно просто — он полностью выключен из окружения. Его можно окликать, звать, хоть из пушки стрелять — он ни на что не реагирует.

— Так. А человек в фуге?

— Полностью реагирует на окружающее, но *только* и *исключительно* на то, что находится в рамках фуги. Он слышит и может отвечать, пока он в фуге, он все понимает и помнит, что происходит с ним в фуге, но не знает ни о чем вовне. Если он вне фуги, то не сознает ничего, что было внутри.

— Кажется, что-то проясняется. Словно два разных человека?..

— Именно так, причем ни один не подозревает о существовании другого.

— Так что же, когда он приходит в себя, то ничего не может сказать о своей другой жизни?

— Ничего.

— А почему у него начались эти провалы?

— Он ответить не сможет.

— А вы сможете?

— Боюсь, что нет. Есть предел и моим возможностям. Могу лишь сказать, что его что-то *гонит.*

Колдун сказал бы, что он одержим Сатаной, но это всего лишь ведовской жаргон. Психиатр скажет, что он страдает навязчивыми идеями или побуждениями, но это из жаргона психиатрии. Терминология не суть важна. Есть факт, что существует нечто, которое гонит доктора Шиму по ночам в Гиль, чтобы — что? Не знаю. Знаю только, что это — неодолимая тяга, и именно она, скорее всего, причина затора в его работе.

— Что бы вы предложили для решения нашей проблемы, господин Жгун?

— Мистер Коупленд, поскольку вы посвятили меня в крайне деликатную ситуацию, мой единственный совет — молитесь!

— Молиться? Боже мой!

— Не обязательно «Боже», можете воззвать и к аду, к чему угодно. Лучше всего, наверное, молить о чуде. Без чуда вам не обойтись, уж больно необыкновенный у вас казус.

— Господин Жгун, вы шутите?

— Я совершенно серьезен. А что такое? Вы не верите в чудеса?

— Когда увижу чудо, тогда и поверю.

— Как странно, ведь совсем рядом, в Гили, практикует настоящая чудотворница, Гретхен Нунн.

— Гретхен Нунн? Никогда не слышал о ней.

— Высокочтимая коллега, мистер Коупленд, хотя я и не удостоился еще личного знакомства. Я называю себя психомантом, потому что моя сфера — подсознательное. Госпожа Нунн работает с психодинамикой на уровне архитектоники. Она прозревает внятную планировку и построение, глядя на полную неразбериху, и находит решение, сотворив чудо. Она — пситех. Очень рекомендую позвать Гретхен Нунн и взмолиться к ней.

* * *

— Реджина, какой дивный узор для покрывала!

— Но что это такое?

— Печать Соломона.

— Чья печать? Какая? Которая?

— Царь Соломон, Мери. Ты же помнишь такого?

— Ах да, конечно, у него еще что-то было с Девой.

— С Шебой[3], душечка. Мы еще пели о них похабные куплеты в школе.

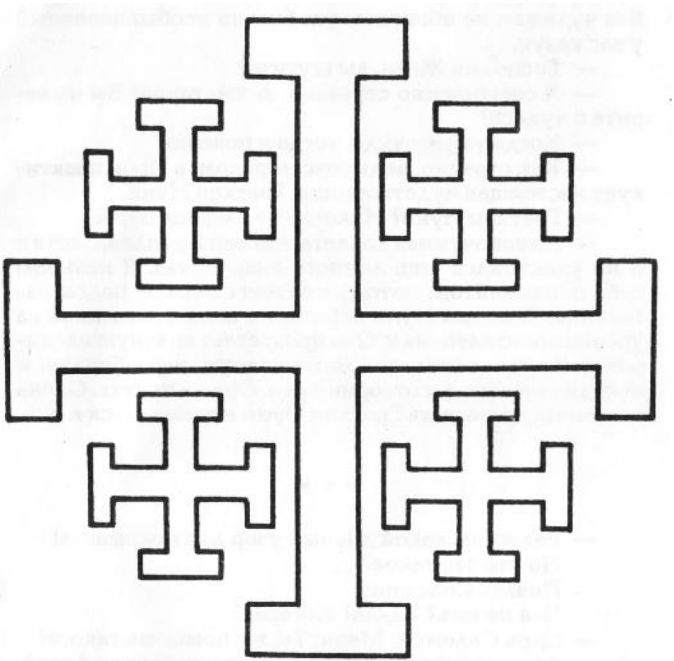
— Это не Соломон-похабник, Нелл, а Соло-

---

[3] Примечания: 3
Царица Савская.

мон-мудрец из моих нехороших книг. Мы уйму времени потратили на заучивание его гадких заклинаний.

— На непристойных языках.



— А для чего нужна его печать, Реджина?

— Вроде бы она может заставить Сатану делать

разные штуки — это очень сильное волшебство.

— Ой, Господи! Опять пустой номер!

— Ни синь пороху! Нет-нет, просто это кое-что совершенно другое, чем тот кич, который мы видели в музеях; всякие миленькие домики, сельские школы, коровники, птички-цветочки. Подобная муть пошла от голландцев из Пенсильвании. Мы повторим этот рисунок, но сильно увеличим. Пи, зажги все лампы. Ну же, дамы, за работу!

* * *

Не так-то просто взять и вызвать к себе Гретхен Нунн даже для председателя правления «ФФФ». Сначала надо пробиться через все уровни ее организации, и лишь после этого вам будет милостиво назначен прием. Процедура требует длительного лавирования между своим и ее персоналом и безмерно раздражает — в особенности тех просителей, у которых поджимает время. Как следствие, Миллс Коупленд начинал закипать, когда его наконец-то провели в загроможденный рабочий кабинет госпожи Нунн.

Гретхен Нунн занималось сотворением чудес. Не тех чудес, когда сверхъестественное вмешательство порождает невероятные, аномальные

и невозможные явления, нет, она действовала на уровне сверхчувственного восприятия, пользуясь незаурядной проницательностью и даром преображать действительность. Нунн была магистром психодинамики. В большинстве случаев ей удавалось то невозможное, о котором просили заказчики, и гонорары ее были огромны.

Председатель, совершенно естественно, не сомневался, что загадочная пситехиня будет похожа или на эндорских ведьм из «Макбет» или на Мерлина в женском платье. Он остолбенел, увидев царевну племени Ватусси с орлиными чертами лица и бархатистой черной кожей. Ей было под тридцать — высокая, стройная и обворожительная в своем алом платье. Раздражение Миллса Коупленда мгновенно испарилось. Госпожа

Нунн одарила его слепящей улыбкой, предложила сесть, выбрала себе стул напротив и с певучим акцентом Ямайки сказала, что ее ставка — сто тысяч.

— Вы можете себе это позволить?

— Да, госпожа Нунн. Я согласен.

— Еще не все. Ваша проблема стоит этого?

— Да.

— Тогда мы пока что договорились. Я предпо-

читаю ясность… Что, Алекс?

Бочком проскользнувший в кабинет секретарь попросил прощения:

— Извините, но мистер Леклерк настойчиво интересуется, откуда вы могли точно знать, что его жена месяц как забеременела?

— Леклерк? Этот импотент?

— Да, хозяйка.

Госпожа Нунн раздраженно прищелкнула языком:

— Мы же условились с самого начала, что я ничего не объясняю — только сообщаю результат.

— Да, хозяйка, но он очень взволнован — по вполне понятной прйчине.

— Он оплатил счет?

— Да, чек инкассировали сегодня.

— Так и быть, в порядке исключения. Психометрия дала мне все доказательства. Поведение, характерное только для беременных. Резкая переоценка ценностей. Я проверила ее ультрасветом и обнаружила под кожей характерную маску беременности. Да еще она не принимает противозачаточных таблеток. Скажи все это Леклерку, Алекс, но никаких проявлений сочувствия. Говори ровно и по-деловому.

— Да, хозяйка. Спасибо, хозяйка.

Секретарь вышел, пятясь задом, а она повернулась к председателю:

— Не волнуйтесь, «Леклерк» — это шифр клиента, известный только мне и полностью доверенному персоналу. Я никогда не раскрываю подлинных имен.

— Понимаю.

— А вы поняли, что я сообщаю лишь конечный результат?

— Согласен, госпожа Нунн.

— Теперь — ваша проблема. И учтите, что я еще ни на что не соглашалась. Если вы это уяснили, то вперед. Все досконально — вплоть до потока сознания и свободных ассоциаций, если понадобится.

Полчаса спустя комнату вновь озарила ее сверкающая улыбка:

— Благодарю, ваша проблема действительно уникальна — весьма приятное разнообразие для меня. Если вы не передумали, то я согласна.

— Я не передумал, госпожа Нунн.

— Подумайте еще раз. Когда вы мне все это рассказывали, у вас, возможно, все выстроилось в уме, и я вам больше не нужна. Иногда так бывает.

— Не тот случай, госпожа Нунн, — с огромной

убежденностью возразил Коупленд.

— Вы все еще полагаете, что без меня вам не обойтись?

— Со всей определенностью.

— Что ж, по рукам, мистер Стеклодув.

— Как? Стекло… А, понятной Благодарю вас, госпожа Нунн. Мне внести аванс или полную оплату?

— Для «ффф» это не обязательно.

— Но накладные расходы…

— Это — мои проблемы.

— Но если вам понадобится… если от вас потребуется…

Она рассмеялась:

— Мои проблемы. Я не обосновываю свои ответы и не раскрываю методы — как же я могу ставить что-то в счет? Вот поэтому моя твердая ставка так высока. И не забудьте, сударь, мне нужны отчеты «Беги-Лови» и Жгуна.

Неделей спустя последовал крайне необыкновенный личный визит Гретхен Нунн в рабочий кабинет председателя правления «ФФФ».

— Я пришла, сударь, чтобы дать вам возможность расторгнуть наше соглашение. Я не прошу никакой оплаты.

— Расторгнуть? Но почему?

— Потому что вы замешаны, как я полагаю, в чем-то гораздо более серьезном, чем мы думали вначале.

— Что же это?

— Вы не поверите мне на слово?

— Я не могу — мне необходимо это знать.

Госпожа Нунн задумчиво поджала губы, потом вздохнула:

— Ну что ж, поскольку дело такое необычное, придется нарушить мои же правила. Будьте добры, посмотрите сюда.

Она развернула перед председателем на столе для переговоров большую карту района Гиль. В центре карты стояла звездочка.

— Это Оазис Шимы, а очерченный круг около звездочки — тот предел, куда можно добраться пешком за два часа, — пояснила госпожа Нунн. — Два часа туда, два обратно — всего четыре. Это крайний предел по времени, без скидок на какие-то остановки, возможные по дороге.

— Я понял.

От звездочки к окружности змеились во все стороны расходящиеся линии.

— Это маршруты, которые смогли проследить сыскари из «Беги-Лови» — я взяла это из их отчета.

— Очень остроумно. Однако пока не вижу, в чем серьезность дела, госпожа Нунн.

— Посмотрите внимательно на карту, господин председатель. Что вы видите?

— Ну… в конце каждой дорожки стоит красный крестик.

— А что вы видите в конце дорожек перед самым крестиком?

— Да ничего особенного, кроме того, какие они извилистые… впрочем, погодите, от звездочки они отходят пунктиром, а потом проложены штрихами.

— Вот это и есть серьезно!

— Не понимаю, госпожа Нунн.

— Я поясню. Каждый крестик обозначает место, где найден Летальный-Один.

— Как! Убийство?

— Штриховые линии отмечают путь жертвы — то, что смогли проследить сотрудники отдела по расследованию убийств, где жертва шла и что делала перед смертью.

— Перед убийством!..

— Они смогли проследить путь жертвы обратным порядком только до какого-то момента, и не дальше. Это — штрихи. «Беги-Лови» вело доктора Шиму от его Оазиса только до определенного

места, и не дальше. Это — пунктир. В этот момент и в этом месте линии встречаются. Даты сходятся. Что скажете?

— Совпадение! Безусловное совпадение! — сорвался в крик председатель. — Такой блестящий, обаятельный молодой человек, у которого есть все, что только можно пожелать! Летальное преступление? Убийство? Нет, не может быть!

— Вам нужны еще факты?

— Нет, мадам, мне нужна истина. Неопровержимые доказательства, а не зыбкие умозаключения на основе точек и черточек.

— Хорошо, господин Стеклодув, вы получите свои неопр. доки.

Глава 5

И Гретхен Нунн занялась сбором неопр. доков.

Она арендовала на неделю место профессиональной нищенки у входа в Оазис. Дважды в день Шима проходил мимо, но контакта установить не удалось. Она наняла оркестр Армии Оледенения и пела вместе с ними гимны перед Оазисом. Результата никакого, а в Армии жаловались на то, что ее исполнение гимна «Как Ему пчела предстанет, коли Божий Хлад нагрянет?» привело к падению пожертвований на треть.

Ей удалось наконец установить контакт лишь после того, как она подвизалась на роли рассыльной из «Натурального Питомника». Доставив первые три обеда, успеха она не добилась. У Шимы были разные девушки, все отмытые до блеска, светящиеся благодарностью и разомлевшие в непривычном тепле. Но в четвертый раз, когда она принесла обед, он был один и впервые обратил на нее внимание.

— Так-так, — улыбнулся он, — с каких же это пор?

— Что именно, сударь?

— С каких пор «Питомник» посылает девочек вместо мальчиков-рассыльных?

— Я работаю на *доставке,* сударь, — гордо сказала Гретхен, — с первого числа сего месяца.

— Да брось ты этого «сударя», ладно? Я же не чиновник.

— Благодарю вас, су… доктор Шима.

— Откуда ты знаешь про мою степень?

Это была ошибка: и в списках жильцов, и в «Питомнике» он был обозначен просто как «Б. Шима — Пент-хауз», ей бы следовало это помнить. А реакция у него молниеносная…

Она, как бывало и раньше, заставила свою обмолвку работать на себя:

— Я о вас все знаю, сударь доктор Блэз Шима: Принстон, МТИ, «Дхоу Кэмикл». Главный химик-парфюмер в «ФФФ». Печатные работы: «Ароматические углеводороды», «Эфирные масла», «Химия краси…»

— Имей же совесть, — прервал декламацию Блэз, — это как страничка из «Кто есть кто».

— Оттуда и взяла, доктор Шима.

— Ты искала меня в этом дурацком справочнике? Помилуй Бог, зачем?

— Вы первая знаменитость в моей жизни.

— Кто тебе внушил эту дичь, что я — знаме-

нитость?

Она указала рукой на его апартаменты:

— Так живут только знаменитости.

— Очень лестно, но знаменит лишь мой художник-декоратор. Ты умеешь читать?

— И писать, сударь.

— Нечасто встречается в Гили. Как тебя звать, детка?

— Гретхен, сударь.

— Опять «сударь», Гретхен! А как твоя фамилия, детка?

— У людей моего положения нет фамилий, су… доктор. Это несправедливо, по-моему.

— Ты еще и философ-социолог. Весьма необычно. Будешь завтра мальч… на доставке, Гретхен?

— Завтра — мой выходной, доктор.

— Прекрасно, принеси обед на двоих.

Так начался их роман, и Гретхен Нунн вдруг поняла, к своему крайнему изумлению, что ей все происходящее страшно нравится. Она не впервые использовала страсть в деловых целях, но впервые сама испытывала такое наслаждение. В уме она сделала зарубку на память — как-нибудь потом проанализировать психодинамику своих чувств.

Блэз и вправду оказался блестящим, обаятель-

ным молодым человеком; с ним всегда было интересно, он был неизменно внимательным и щедрым. Из чувства привязанности и благодарности к ней за ту новизну, которую она внесла в его жизнь (вспомните, что он-то считал ее обитательницей самого дна Гили), он подарил ей одну из самых дорогих ему bijoux[4] — бриллиант в пять карат, который он сам сотворил к защите докторской диссертации. Гретхен отблагодарила его должным образом: вставила кабошон себе в пупок и пообещала, что это зрелище — для него одного.

По привычке Блэз настаивал, чтобы цветочек из Гили отскребался у него в ванной каждый раз, что она приходила, и это ей досаждало. При ее доходах она могла позволить себе больше воды с черного рынка, чем даже он — при всей щедрости «ФФФ» к своему любимцу. С другой стороны, немалым удобством было то, что она смогла оставить работу в «Питомнике» и заниматься другими клиентами, не переставая работать над проблемой Шимы.

Обычно Гретхен расставалась с ним около полуночи и сидела в засаде через дорогу от его

---

[4] Примечания: 4
Безделушки *(фр.)*.

Оазиса до двух ночи. В эту ночь он вышел через полчаса после нее. Она пошла следом. Изучив отчет Салема Жгуна, она знала, чего ей ждать. Быстро забежав вперед и подражая самой простецкой для Гили непрерывной скороговорке, она загундосила:

— Эймужик амужик погодьдяденька!

Блэз остановился и добродушно взглянул на нее, явно не узнавая. Он и сам был почти неузнаваем: шустрый, игривый умница Шима исчез, а вместо него было остекленелое существо, двигавшееся и говорившее с темпераментом черепахи.

— Да, милочка?

— Мужик если тудавот ыдешь можнояпойду с тобой а мужик ябоюсь дяденька ужепозна дяденька.

— Ну конечно, милочка.

— Спасибо дяденька ядомой иты домой амужик?

— Не совсем.

— Куда пойдешь там впорядке амужик нехочу тебе дяденька плохого ейбо дяденька.

— Ничего и нет плохого, милочка. Не беспокойся.

— Тогдачеготы ваще дяденька делаешь?

Его губы тронула улыбка:

— Выслеживаю кое-что.

— Кого следишь акого?

— Нет, не кого, а что.

— Ну ачто зачто такоедяденька?

— А ты любопытная девочка. Как тебя зовут?

— Грех воткак этовместо Гретхен акак тебя мужик люди кличут?

— Меня что?

— Имя-то есть дяденька?

— Имя? Ну конечно. Можешь звать меня Хоч… да-да, господин Хоч. Так меня и зовут. — Он помолчал, заколебавшись, потом сказал, что ему пора сворачивать налево.

— Тутавот влевато господин Хочхороший ия иду мужик.

Она видела, что за внешним оцепенением все его чувства напряжены до предела, и продолжала молоть языком гораздо тише — только как фон. Не отставала от него, пока он крутил и петлял по улицам, тупичкам и переулкам, и все время бубнила, что этим вот путем она как раз идет домой. У нее были сомнения, замечает ли он вообще ее присутствие, поэтому у какой-то жуткого вида помойки Гретхен была поражена, когда он отечески придержал ее за плечо и велел подождать, пока он сходит и посмотрит, не опасно ли там.

Господин Хоч скрылся — и не появился вновь.

— Семь раз я повторяла такие прогулки с доктором Шимой, — докладывала госпожа Нунн правлению «ффф». — Все были по-своему очень важны, потому что каждый раз он невольно чем-нибудь способствовал диагнозу. Жгун совершенно прав — это действительно фуга, просто классический случай.

— И причина?..

— Следы, оставленные феромонами.

— Чем-чем? Феромонами? А что это, будьте любезны?

— Я полагала, что, занимаясь, среди прочего, и химией, вы, господа, знакомы с этим термином.

— Мы не ученые, госпожа Нунн.

— Разумеется. Вижу, что придется объяснять. Это займет некоторое время, поэтому прошу вас, не требуйте от меня изложить вам ход мысли, дедукцию и индукцию, которыми я пришла к своим выводам.

— Хорошо.

— Спасибо, мистер Коупленд. Вы все слышали о гормонах, внутренних выделениях желез, которые побуждают к действию разные части организма. Феромоны — это внешние выделения, побуждающие к действию другие организмы;

немая речь химических соединений.

— Нельзя ли поподробнее, госпожа Нунн? Все это для нас трудновато.

— Конечно, прошу. Лучшим примером языка феромонов служит поведение муравьев. Положите неподалеку от муравейника кусочек сахара. Муравей-работник наткнется на него, поест и двинется домой. И часу не пройдет, как весь муравейник будет непрерывной цепочкой сновать к сахару и обратно — в точности по феромоновому пути, проложенному первооткрывателем.

— Сознательно?

— Неизвестно. Возможно, что, как пчелиный танец, рассказывающий о том, где и в каком направлении еда, это делается намеренно, а может, и нет. Но точно известно, что феромон — мощный возбудитель.

— Поразительно! И наш доктор Шима?..

— Вынужден идти по следу притягивающих его человеческих феромонов.

— Что такое? Хотите сказать, что *мы* их тоже оставляем?

— Ну конечно. Уже доказано, что женщина бессознательно оставляет за собой след феромона, который возбуждает и привлекает мужчин.

— Поразительно!

— Это известно уже довольно давно. Ну так вам теперь, надеюсь, понятно, что ваш доктор Шима впадает в фугу и идет по феромоновым следам.

— Так-так, outre[5] поворот у нашего Носа. В этом что-то есть, госпожа Нунн. Есть смысл. Ну и какие следы так манят его? Женщины?

— Нет. Жажда смерти.

— Что такое?

— Жажда смерти.

— Госпожа Нунн!

— Ну что вы, право, сударь! Неужели вам неизвестно о таком слагаемом человеческой психики? Многие люди страдают от неосознанной, но мощной тяги к саморазрушению. Некоторые психиатры даже считают, что у всех нас это есть. Очевидно, такое желание оставляет феромоновый след, который и чует Шима… полагаю, что лишь в некоторых особых случаях… и он вынужден идти по следу.

— А потом?

— Очевидно, он удовлетворяет желание…

— Невозможно!

— Чудовищно!

— Что там она болтает!

---

[5] Примечания: 5
Причудливый, извращенный *(фр.)*.

— Наш чувачок удовлетворяет жажду смерти! Кокает тех, кто хочет помереть. Летальный-Один.

— Именно так, господа.

— Очевидно! Очевидно! — бушевал председатель. — Доктор Шима? Убийство? Чушь! Я требую неопровержимых доказательств при таком дичайшем обвинении!

— Очень хорошо, сударь, вы их получите. Мне еще один-два вопроса нужно окончательно прояснить, прежде чем я выполню соглашение, но боюсь, что при этом он испытает глубокое потрясение.

* * *

— Это жестокое и непривычное наказание для моих рук, — жаловалась Мери Наобум. — Им в старину что — действительно приходилось проталкивать иголки пальцами?

— Именно так! «Рука чувствительна, пока ее не натрудишь» — «Гамлет», Акт V, сцена 1.

Давайте покончим с этим.

— Я с тобой, Сара. Мне это дело обрыдло.

— И мне, Ента. Голосуем: кто за то, чтобы похерить стегальные посиделки? Прошу поднять руки. Да не ты, Пи. Шесть из восьми. Принято.

Нелл Гвин с усмешкой отметила, что Угадай и Откатай как всегда вносят раскол.

— Не раскол, а разлад.

— Что теперь, Реджина? — спросила Гули.

— Ах ты, Господи, у меня просто иссякает воображение. Что, если снова позвать Люцифера?

— Не возражаю, — буркнула Ента. — Может, его хватит на то, чтобы закончить это паршивое покрывало.

— Реджина, дамы, внимание! Новости — с пылу, с жару! Мой Нудник сказал, что мы вовсе не как надо вызываем Дьявола.

— Да ну? Говори же, Нелл!

— Нудник говорит, что мы живем в двадцать втором веке, поэтому нам не годятся все эти средневековые штуки, а говорить надо на обычном языке.

— Ох, сколько труда зря! Но почему?

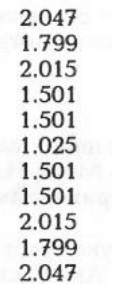
— Он сказал, что Люцифер нас, наверное, слышит, но когда он хочет ответить, то попадает в то время.

— Это мысль. Наверное, и демоны могут ошибаться.

— Ясное дело, ведь в них так много человеческого.

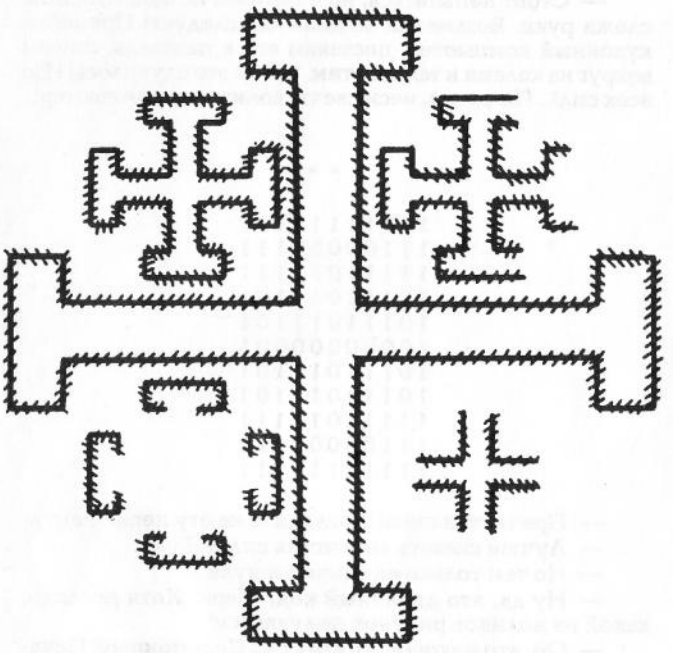
— А что он предлагает, Нелл?

— Двоичный код, как в компьютерах. Нудник нам составил программу. Вот, я ее захватила с собой:



— Да что же это! Он над нами смеется, точно.

— Нет, сударыни, это, изволите видеть, самоновейшее волшебство. Компьютер сам переводит десятичные в двоичные и нолики, а уже из них образуется крест — такой зловещий, злокозненный, злопакостный, что ни один черт не устоит, если он себя уважает.



— Как ты, Реджина?

— Стоит попытаться, но и сами мы не будем сидеть, сложа руки. Возьмемся за дело как следует! Принесем кухонный компьютер, поставим его в пентакль, станем вокруг на колени и так захотим, чтобы это случилось! Изо всех сил!.. Пи-девка, неси свечи, вонизмы и компьютер!

* * *

— Пречистая сила! Поглядите на эту перфоленту!

— Лучше сказать «нечистая сила», Гули.

— Но там только единички и нули.

— Ну да, это двоичный код, Мери. Хотя погляди, какой из ноликов рисунок получается!

— Ой, это нехороший крест из Соломоновой Печати! Точно как мы пытались сделать на покрывале!

— Вот именно! Мой Нудник — гений!

— И Сатана действительно явится?

— Если уж и компьютер его не вызовет, тогда ничто не поможет.

— Тихо, дамы. Мы должны молиться, а не шеп-

таться. Прошу вас!

— Компьютер нас не слышит, Реджина.

— Но Люцифер, возможно, слышит. Предайтесь молитве, вы, ведьмы! Хотите! Взалкайте! Возжелайте свершения!

Глава 6

Когда Гретхен Нунн сказала правлению «ффф», что к Блэзу Шиме есть еще один-два вопроса, которые нужно прояснить, прежде чем соглашение может считаться выполненным, это была полуправда, естественная для женщины, уже наполовину влюбленной. Она знала, что ей необходимо с ним увидеться, но сама не до конца разобралась, зачем.

Вопрос: Может ли она все же полюбить его, несмотря на то, что она о нем знает?

Вопрос: Любит ли он ее на самом деле или просто развлекается с цветочком из Гили?

Вопрос: Рассказать ли ему правду о себе самой?

Вопрос: Рассказать ли ему правду о себе самом?

Вопрос: Закрыть соглашение с господином Стеклодувом, проявив спокойный профессионализм и послав к черту все сопутствующие личные моменты?

Ответ: Она не знала ответа.

И уж точно не знала, что, пока она готовилась нанести удар господину Хочу, ее ждала мина,

небрежно подложенная Шимой.

— Твоя слепота врожденная? — тихо спросил он этой же ночью.

Она рывком приподнялась в постели:

— Что? Что такое?

— Ты меня слышала, Гретхен.

— Слепота? Какая слепота? У меня единицы в обоих глазах! Как у орла!

— Ах, значит, ты и не знаешь. Я подозревал что-то в этом роде.

— Я не понимаю тебя, Блэз.

— Ну, ты действительно слепая, — спокойно произнес он, — только никогда об этом не подозревала, потому что твой благословенный дар затмевает любое зрение — ты в высшей степени восприимчива к ощущениям других людей. Ты видишь чужими глазами. Не уверен, но, возможно, ты глухая, а слышишь тоже чужими ушами. Может быть, у тебя так и со всеми остальными чувствами. Потрясающая способность. Совершенно потрясающая. Нам надо как-то это исследовать.

— Ничего более нелепого в жизни не слыхала! — разозлилась Нунн.

— Если ты настаиваешь, я могу доказать тебе, милая.

— Давай, доказывай.

— Пошли в гостиную.

Они вышли в большую комнату, и Блэз указал ей на вазу:

— Какого цвета эта ваза?

— Жемчужно-серая, разумеется.

— Ковер. Какого он цвета?

— Темно-серого.

— А эта лампа?

— Льдисто-серая, и черный абажур.

— Q.E.D.[6] — ухмыльнулся Шима. — Как я и говорил.

— Что — как ты говорил?

— Ты видишь моими глазами.

— Ну зачем ты несешь такую чушь?

— Потому что у меня цветовая слепота. Из-за этого меня и осенило.

— Нет!

— Да.

— Блэз, если ты меня дурачишь, то я тебя…

— Не дурачу, любовь моя, это правда.

— Нет!

— Да и еще раз да, — он крепко обнял ее, стараясь унять сотрясавшую Гретхен дрожь. — Все так

---

[6] Примечания: 6

Quod erat demonstrandum — Что и требовалось доказать *(лат.).*

и есть. Ваза эта — зеленая. Ковер — янтарно-желтый с золотом, лампа — алая с темно-красным абажуром. Я сам не различаю этих цветов, но запомнил, что мне сказал декоратор.

У нее вырвался стон.

— Но почему ты так страшно испугалась, милая? Ты слепая, однако вместо зрения тебе дан гораздо более чудесный дар. Ты видишь то, что видят все люди на свете. Я тебе завидую. Поменялся бы с тобой в любую секунду.

— Этого не может быть! — разрыдаХась она. — Это так ужасно! Слепая? Калека? Урод? Нет!

— Это правда, любимая, но ты вовсе не калека.

— Я ведь вижу, когда я одна.

— Когда ты одна? А кто из нас бывает совсем один? Кто во всем этом битком набитом Коридоре?

Гретхен вырвалась из его рук, схватила платье и выбежала из пентхауза, захлебываясь истерическими рыданиями. В свой собственный Оазис она вернулась с пошатнувшимся от ужаса и отчаяния рассудком. В знакомой обстановке она немножко успокоилась и решила проверить, прав ли Шима — тогда ее постигло крушение всего. Но, может быть, Шима зачем-то пытается погубить ее? Просто потому, что она — уличный

цветок и ее можно терзать для развлечения?

Гретхен отпустила всю прислугу, бросив отрывистое приказание убираться и переночевать, где хотят. Стоя в дверях, она по головам считала, когда они выходили, недоумевающие и глубоко огорченные. Она захлопнула дверь и огляделась: видела она так же хорошо, как и всегда.

— Лживый ублюдок, — гневно прошипела госпожа Нунн и принялась метаться по квартире: что же, урок получен и усвоен — личные отношения всегда подведут. Она вела себя как сущая дура. Но почему, во имя всего святого, Блэзу понадобилось Пустить ей кровь? Милосерднее было бы просто убить ее. Не пытается ли он довести ее до самоубий…

Она ударилась обо что-то с такой силой, что ее отбросило. Еле удержавшись на ногах, уставилась на ту преграду, которую не заметила в ослепляющей ярости, — это был позолоченный клавесин.

— Что это… У меня нет никакого клавесина, — изумленно прошептала Гретхен, — откуда он тут…

Она шагнула к инструменту, чтобы потрогать его и убедиться, что ей не померещилось; на ходу снова врезалась во что-то, пошатнулась и

вцепилась в это «что-то». Это была спинка ее собственной кушетки с пушистой обивкой. Гретхен в смятении озиралась — у нее не было такой комнаты в квартире. Позолоченный клавесин? Яркие полотна Брейгеля на стенах? Резная дубовая мебель? Двери с готической резьбой? Ворсистые шелковые занавеси на окнах?

— Это же квартира Раксонов, этажом ниже. Я знаю ее, я там бывала. Значит, я вижу то, что сейчас видят они… Выходит, это правда? Боже мой! Неужели он не обманывал меня?!

Она закрыла глаза, но как сквозь дымку продолжала видеть квартиру Раксонов. А позади теснились все более смутные, уходящие вдаль картины других жизней: комнаты, улицы, люди, сумбур движений, форм, цветовых пятен. Раньше ей тоже показывали это кино при закрытых глазах, но она всегда считала свои видения абсолютной зрительной памятью — весьма полезным качеством, необходимым при ее блестящей работе с психодинамикой реального мира. Теперь же она узнала правду.

Ее снова начали сотрясать рыдания. Она ощупью добралась до кушетки и в отчаянии рухнула на нее.

— Боже, Боже мой! Боже мой! Я урод! Лучше бы

мне умереть…

В конце концов истерика отпустила, Гретхен вытерла глаза, к ней вернулась отвага, и она решила, что справится с осознанием своего уродства. Трусихой она никогда не была. Но когда она открыла глаза, ее ждало новое потрясение: она ясно увидела свою гостиную — только все предметы в ней были теперь в серых тонах. А еще она увидела господина Хоча, который стоял в дверях, приветствуя ее стеклянной улыбкой.

— Блэз?..

— Мое имя Хоч. Можешь называть меня господин Хоч, крошка.

— Блэз! Бога ради! Не меня! Ты не мог выследить меня! Я не оставляла за собой запаха смерти!

— Я помню, дорогая моя, что мы уже встречались, но боюсь, что позабыл, как тебя зовут. Меня занимали более важные материи, сама понимаешь. Довольно неожиданно — вдруг ты тоже преисполнилась важности для меня.

— Я Гретхен. Гретхен Нунн. И у меня нет жажды смерти.

— Приятно возобновить наше знакомство, Гретхен! — Его учтивость отдавала хрустальным звоном. Он сделал один шаг по направлению к ней, потом другой.

Она вскочила и заслонилась кушеткой.

— Послушай же, Блэз, ты вовсе не господин Хоч. Нет никакого Хоча — ты доктор Блэз Шима, знаменитый ученый. «Ароматические углеводороды» и… и… Ты главный химик-парфюмер компании «ФФФ», создатель множества самых модных духов…

Продолжая отвечать ей морозной улыбкой, господин Хоч начал опустошать свои карманы: вынул веревку со скользящей петлей, лазерный резак, маленький распылитель с ярлычком CN[7], блеснувший скальпель, старинный пистолет калибра восемь миллиметров, помещающийся в ладони. Аккуратно разложил все это на журнальном столике возле кушетки.

— Блэз, — умоляла она, — я Гретхен, твоя Гретхен из Гили. Мы уже два месяца любовники, ну вспомни же. Ты сегодня сказал мне о глазах. О том, что я слепая. Ты же не мог это забыть!

— Разные люди хотят умереть по-разному, — задушевно сообщил господин Хоч. — Это в конце концов, последнее з их жизнях решение, и они имеют право на некоторую разборчивость. Я и пытаюсь предоставить обилие возможностей.

---

[7] Примечания: 7
Формула циана — сильнейшего яда.

Посмотри, дорогая моя, что тебе больше нравится? Можешь не торопиться. Не бойся. Я помогу тебе расстаться с жизнью. Возьму все хлопоты на себя.

— Езус-Мария, Блэз! У тебя в голове помутилось! Ты в отключке, в фуге! Раздвоение личности…

— Если предпочтешь веревку, то мы найдем, куда ее понадежней прицепить, что-то способное выдержать… около пятидесяти пяти килограммов, верно? Если хочешь свернуть себе шею, я подставлю стул, чтобы ты могла с него спрыгнуть, А если тебе по душе медленное удушье, то я помогу тебе — свяжу руки. Я исполню любое твое желание.

— Блэз, ты одержим безумцем, которого неудержимо влечет феромон, но я не оставляла запаха самоубийцы! Как я могла!

— Если больше нравится газ, то вот цианид — нажми на кнопку и разок вдохни. Некоторым нравится выпить глоток яда. Мы можем насифонить газа в стакан воды, синильная кислота валит, как удар молнии. Один глоток — и твое желание исполнится. А здорово я придумал, правда? Два вида смерти в одной таре.

— Блэз, о Господи! Я вовсе не хочу умирать!

— Нет, хочешь. Рад выполнить твое желание.

А как насчет симпатичной теплой ванны и вот этого? — Он рассек воздух сверкающим скальпелем. — Запястья или сонная артерия на твоем горлышке? Подумай только, последняя ванна в жизни — никогда больше не беспокоиться, есть ли вода! А вот, гляди, два пистолета! Выстрели или сожги себя. Просто нечего больше желать, ведь правда? Господин Хоч пришел помочь!

— Не-ет!

— Ты позвала.

— Нет!

— И я пришел к тебе.

Она пятилась прочь от его завораживающей улыбки. Господин Хоч стоял на месте, совершенно неподвижный, и его уверенность была исполнена жути. В ней была неумолимость. Он знал, что Гретхен хочет умереть. Он знал, что она не может не соблазниться одним из орудий самоубийства. Он знал, что немножко терпения — ион поможет ей умереть и будет наблюдать за ее агонией. Он стоял совершенно неподвижно, с неколебимой уверенностью самой смерти.

— Иисусе! — воззвала она. Шагнула вперед, помедлила и кинулась мимо него к двери. Почти проскочила, но врезалась в двух ухмыляющихся мордоворотов, плечом к плечу загородивших

проход.

Вдруг Гретхен поняла, что все цвета в комнате стали яркими. Бандиты вцепились в нее и крепко держали, пока она беспомощно отбивалась, пытаясь вырваться.

Они обратились к господину Хочу на говорке Гили, поверх ее головы:

— Нашевам парень привет мужикты приятель.

— Блэз! Помоги мне!

Господин Хоч словно не слышал.

— Опять вы! — фыркнул он,

— Ну ты ваще парень приветмужик тыприятель ваще оторвал телку впорядке тыпарень ваще.

— Да все при ней ну ваще как упакована мы такое уважаем ты парень мужик ваще.

— Не то что три пустышки парень ваще мы зря тебе спасибо сказали так что вали теперь из Гили парень спасибо мужик и чеши домой ваще.

— Ну почему мне даже не посмотреть, как она умирает, — обиженно заныл господин Хоч. — Они меня зовут. Я прихожу. Я приношу все, что им только может понадобиться. Я делаю всю черную работу, — а потом вы всегда меня отсылаете. Это нечестно! — Он, казалось, вот-вот заплачет.

— Не бухти мужик ваще нам тебя беречь надо ищейка ты наша кто еще нас наведет на такие цацки и ваще.

— Это нечестно!

— Ну ежели нас сцапают то ваще конечно ты потянешь за всех как ты наводчик ваще мужик.

— И все равно, это нечестно.

— Домой вали парень тут весь хабар наш так что не чалься мужчик а то мы тебя отчалим ваще.

— Мы тебя знаем в натуре а ты ваще о нас ни разу так мы на тебя стукнем и хана а ты никак нас не заложишь понял.

— Я знаю, кто я, — напыщенно произнес господин Хоч. — Я — господин Хоч, податель смерти, и полагаю, что вправе смотреть, как они себя убивают. — Его начало распирать от искреннего негодования.

— Ну все ну ваще ну ясно же вдругорядь все твое ну ты мужик ваще.

— Вы всегда так говорите.

— Вот жопу в заклад не свистим нет не свистим ваще точно вдругорядь ну все вали парень гуляй домой береги башку.

— Вы мне не нравитесь, ну вот нисколько, — обиженно бросил господин Хоч и двинулся к

двери, не обращая ровно никакого внимания на корчащуюся Гретхен, пытавшуюся кричать из-под чугунной ладони, закрывавшей ей рот.

Громилы сорвали с Гретхен одежду и завопили на радостях, увидев бриллиант в ее пупке.

Господин Хоч обернулся в дверях и тоже увидел сверкающий камень.

— Но… это ведь мой, — озадаченно сказал он высоким срывающимся голосом. — Это зрелище — для меня одного, так мне… Гретхен обещала, что она… — Туман внезапно рассеялся, и доктор Блэз Шима заговорил тоном человека, привычно отдающего приказания: — Гретхен! Какого черта ты тут делаешь, Гретхен? Где мы? Кто эти… а ну уберите свои лапы от нее!

Салем Жгун верно угадал насчет каратэ. Шима пошел в бой как крепостной таран, но оба громилы обладали обширным нечестивым опытом драк в Гили, и положение было весьма опасным, пока из тех двоих вдруг с шумом не вышел воздух и они, обмякнув, не повалились на пол один за другим.

Не в силах сдержать дрожь, задыхаясь, Шима смотрел на них. Они были мертвы. Он поглядел на Гретхен Нунн. Она стояла полунагая в своей разорванной рубахе, сжимая в руке замолкший

лазерный резак.

Он пытался что-то сказать:

— Я…

— Спасибо тебе, Блэз. Привет, кстати.

— Привет, Грет… милая… — Он попытался перевести дух. — Ян-не знаю, где я… Я… я не привык к такому.

— Иди сядь.

— Они мертвы, да?

— У каждого в спине прожжено по дырке. Иди ко мне.

— Чертовски подходящее время, чтобы оттянуться.

— Садись!

— Да, сударыня. Я… Спасибо тебе. Я… Ты знаешь, я никогда не видел Летального. Это… не так страшно, как мне представлялось.

— Нет, так. Повернись, чтобы мы их не видели. Нам надо торопиться, Блэз. Тебя нужно защитить.

— Защитить? Мне грозят неприятности?

— И очень крупные. Я тебе сейчас расскажу. Ты слушаешь?

Он кивнул.

— Тогда слушай. Никаких вопросов. — Гретхен все быстро рассказала, и его недоумение уступи-

ло место ужасу и растерянности. — Теперь тебе понятно, — закончила она, — что не должно быть ни малейшей связи между господином Хочем и доктором Шимой.

— Но… но связь непременно есть. Если я убил ко-го-ни…

— Нет! — резко перебила она. — Не думаю. Я и вправду так не думаю, Блэз. Но признаюсь, что я не знаю наверное. Полагаю, что Летальные — дело рук этих двоих, а ты был Иудой и козлом отпущения одновременно. Богу только известно, как они начали следить за тобой. Мы этого не узнаем никогда, но в Гили полным-полно непостижимого. Так что уходи отсюда и ступай домой. Мне нужно позвонить в участок.

— Гретхен…

— Нет. Уходи.

— Почему ты для меня?..

— Потому что я тебя люблю, пень ты безмозглый, и будь оно проклято, что именно сейчас я это поняла!

— Но ты будешь совсем одна. Слепая.

— Да, у нас у каждого свой крест. Ты несешь свой, я буду нести свой. Иди. Как только приедут из Отдела по расследованию убийств, я снова прозрею.

— Я…

— Блэз, если ты не уберешься, то я, ей-Богу, закричу. Забери весь этот мусор для самоубийц с собой. Оставь мне лазерный резак — он понадобится для разговора с полицией. Сейчас мне нужно несколько минут, чтобы составить легенду, поэтому, умоляю, иди вон!

— До завтра?

— Если хочешь.

— Хочу.

— Тогда до завтра, если я смогу нас вытянуть из этой каши.

— Когда-нибудь, — с расстановкой заговорил Блэз Шима, — когда-нибудь я придумаю, как мне отблагодарить… Сейчас я впервые чувствую, что кто-то превзошел меня… Не забудь запереть покрепче дверь за мной.

Он ушел, и его серое видение постепенно удалялось вместе с ним. Все же Гретхен смогла как следует закрыться и позвонить в участок. Потом она ощупью вернулась на мохнатую кушетку, тихонько села и сосредоточилась, начав подготавливать свой рассказ. Отдаленные шумы Оазиса и Гили успокаивали. Калейдоскоп образов перед ее внутренним взором перестал быть пугающим — ей даже стало интересно. Понять — это

наполовину выиграть сражение.

«Блэз прав, — думала она. — Я просто никогда этого не замечала, потому что в Гили очень редко остаешься один… Вокруг меня всегда достаточно глаз, которыми я могу смотреть… Но если я наедине с кем-то в комнате, что тогда? Они-то себя не видят, как же я могла их видеть? Почему я ничего не замечала?»

Она задумалась. А, вот что!

«Наверное, отражения. Они-то себя раньше видели и передавали мне отражение… К тому же, при нашем энергетическом голоде, сейчас повсюду зеркала, чтобы усилить освещенность. А я, наверное, так же воспринимаю и звуки… Когда мы были в постели с Блэзом, я через него воспринимала звучание и осязала тоже… Поразительно, как можно заворожить себя до полного отторжения реальности… Эта консультация с Миллсом Коуплендом… Да, конечно, когда кто-то из персонала был в помещении, я видела его их глазами, но когда мы остались вдвоем? Ну-ка, вспоминай, Гретхен! Ага! Нет, я его на самом деле не видела — только проблески, когда ему на глаза попадалось собственное отражение… По большей части он был только голосом… Я не замечала, я никогда ничего этого не замечала, мне ведь казалось, что

я так глубоко погружаюсь в обдумывание поставленной передо мной задачи… Так, наверное, происходило сотни раз и раньше, но я никогда не сознавала… Чертовский изъян, но теперь я все понимаю и могу с ним справляться и заставить его работать на себя…»

Теперь она не отрицала сама перед собой и того, что оставила феромоновый след — запах саморазрушения, по которому к ней пришел господин Хоч. Она приняла это как еще один факт. Ее постиг разрушительный удар, и сидевший в душе ребенок предпринял детскую попытку к бегству. Спрятаться — и конец всему. Смерть — самое простейшее решение, конечный предел всему.

— Да, но только для детей, — прошептала Гретхен. — Блэз в шутку сетовал, что ему не избавиться от своего образования, а я хочу избавиться от того ребенка, который кроется у меня внутри, но это вовсе не шутка.

Она вдруг снова испугалась.

«Что, если теперь, когда он узнал, кто я и что я, он переменится ко мне? То, что он сказал, как его «превзошли»… — Она задумалась еще на минутку. — Но кто же я? Да, это, должно быть, любовь, если перестаешь понимать, кто ты есть. Ну хоть на один вопрос нашелся ответ».

Ее зазнобило.

«Силы небесные! Как здесь стало вдруг холодно! Надо что-нибудь на себя накинуть. Нет, убийственники должны меня увидеть так, как есть, чтобы вся моя легенда не рухнула».

Следователи из Отдела по расследованию убийств увидели ее «так как есть» минут десять спустя: платье в клочьях, кожа в бороздах ссадин, резак в руке. Она испытывала благодарность к ним за яркий свет, увиденный их глазами. Она была благодарна за деликатную учтивость субадара, который, по отзывам, внушал трепет. Хотелось бы знать, неужели ненавязчивая рыцарственность господина Индъдни вселяла страх Божий в негодяев и бродяг Гили. Она знала, что его звали не Индъдни — это просто было сокращением семи непроизносимых слогов его настоящего имени.

Облик субадара воистину устрашал негодяев и бродяг Гили: высокий, худощавый, аскетичный, безусловно и очевидно неподкупный, кожа цвета старого янтаря, аккуратная смоляно-черная бородка, прямые черные волосы так странно, прядями, седеющие, глаза будто прожекторы, голос, созвучный гобою. Гретхен было чрезвычайно приятно беседовать с этим незаурядным

человеком, хотя она и понимала, что ее ждет непростое испытание.

— Я могу оставаться на этом месте, субадар?

— Где вам угодно, мадам.

— Я не хочу смотреть на них.

— Вполне понятно.

— Благодарю вас.

— Это приятный долг — быть полезным коллеге с такой высокой репутацией, мадам.

За их спинами переговаривались сотрудники бригады по расследованию убийств, раздавались восклицания. Гретхен слишком сосредоточилась на том вранье, которое ей предстояло, чтобы заметить отсутствие удивления в их возгласах.

— Что произошло, мадам?

— Эти громилы. Двое. Вломились сюда.

— Простите, мадам, поточнее. Хорошо известно, как вы осторожны. Вломились? Проникновение со взломом, говоря языком закона? Насильственно и с оружием? Vi et armis[8], как сказали бы Законники. Верно?

— Вы совершенно правы, субадар Индъдни. Я должна быть профессионально точна. Не взлом и проникновение в юридическом смысле. Боюсь,

---

[8] Примечания: 8

С применением силы и оружия *(лат.)*.

что я не обезопасила дверь.

— Крайне необычно для вас, мадам. Так? При вашей профессии. Позвольте спросить, как это случилось?

— Я отослала прислугу на ночь.

— Всю прислугу? Весьма необычно.

— А в суматохе забыли о двери.

— Хотели сказать, забыли о замках?

— Да.

— Вы сама?

— Да.

— Если позволено спросить причину небывалого волнения?

— Я так никогда раньше не поступала.

— Да. Почему поступили, прошу вас?

— Я работаю над трудным и запутанным делом, капитан Индъдни. Мне было необходимо побыть одной и поразмыслить.

— В чем означенное дело?

— Простите, я не могу вам сказать.

— Разумеется. Профессиональная этика. Понимаю. И тогда вошли эти два? В незапертую дверь?

— Да.

— Время означенного вхождения?

— Тридцать — сорок минут назад.

— Вот вам и система. Сожалею узнать, что безопасность этого Оазиса не в надлежащем виде. Так, мотив?

— Разве он не очевиден, капитан Индъдни? Изнасилование и ограбление.

— В таком именно порядке? Чрезвычайно любопытно.

— Нет, я ошиблась. Простите меня, капитан. Я еще не пришла в себя.

— Само разумеется.

— Я полагаю, что задумана была кража. Когда они обнаружили меня, то решили к тому еще и изнасиловать.

— Гораздо более разумное предположение, мадам. И тогда?

— Я сопротивлялась.

— Свидетельства этому весьма наглядны.

— Да, мне повезло. Мне удалось остаться в живых.

— Одна против двоих?

— Да.

— А они были вооружены?

— Да, вот этим. Возьмите, прошу вас.

— Благодарю, мадам. Вы это у них выхватили?

— Мне повезло, или они утратили осторожность.

— И вы убили нападавших?

— В порядке самозащиты.

— Летальный-Законный, безусловно. Опишите их, пожалуйста.

— Это необходимо, капитан Индъдни? Вам стоит всего лишь на них посмотреть.

— Мадам, верно, изволит шутить. Мадам знает, что там не на что смотреть.

— Что?

— Мадам весьма удивлена? Крайне странно.

Гретхен вскочила с места и обернулась. Тесный кружок сыщиков распался, позволяя ей заглянуть внутрь.

На полу лежали два чистеньких скелета. Кости были сухие и отполированные. Нигде не видно было и ошметка плоти. Нигде не было ни единой капли крови.

Она лишилась дара речи.

— Как та женщина на свалке, — пробурчал один из сыщиков, — только на сей раз обошлось без жуков.

Субадар Индъдни резким жестом заставил его замолчать. И мягко продолжал, обращаясь к Гретхен:

— Безусловно, причина не этот резак, мадам? Сверла для плоти, да. Проникающие сверла, одно

или несколько, да. Но полное уничтожение? И только плоти и крови? Вы поймете мое замешательство.

— Я… Да, капитан.

— Я знаком со всеми видами Летальных в результате насилия, мадам. Уверен, что вы тоже. Никогда ранее я не видел ничего подобного. А вы?

— Я… Никогда… До сих пор.

— Однако вы полагаете, что сделали это. У меня очень особая причина просить весьма обдумать ответ. Это ваша работа?

— Я… да.

— Позволено ли узнать, как добились? Это весьма важно, мадам; более важно, чем вы можете знать.

— Позволено.

— Благодарю вас. Итак?..

Он дал ей достаточно времени, чтобы собраться с мыслями. За эти несколько мгновений она подготовила импровизацию того, что будет говорить в ближайшие полчаса.

— Очень жаль, но я не могу вам ответить, капитан Индъдни.

— Нет? Но отчего, мадам? Снова я должен предупредить вас. Это хранит большую важность и

опасность: больше опасности, чем вам известно.

— Я использовала новое и совершенно секретное оружие. Откровенно говоря, это и есть изюминка того дела, над которым я работаю. Никто его еще не видел и никто не должен видеть. Вот почему мне пришлось отпустить сегодня всю прислугу.

— Ага. И вы применили это оружие из вашего дела против напавших? Не лазер, который вы передали мне?

— Да.

— И произвели такой эффект?

— Да.

— Вы никогда не пользовались им раньше? В другом месте? В другое время? Будьте очень точны, мадам.

— Никогда. Я как раз билась сегодня над этим тоже: как мне втайне его испытать.

— И случился очень своевременный грабеж. — Тон субадара Индъдни отдавал иронией. — Поздравляю и благодарю вас, мадам. Откровенно говоря, мне трудно было поверить, что вы отразили двоих нападавших, обезоружили их и убили из их собственного лазера. Вы весьма грозная дама, но не физически.

— Простите мне неловкое вранье, капитан

Индъдни. Я только еще прихожу в себя и пытаюсь оберечь клиента.

— Весьма понятно, мадам. Увы, защита клиента уже не случится. Необходимо, чтобы мне отдали это оружие.

— Это совершенно невозможно.

— Это не мое требование, а Законников. Оружие должно быть предъявлено. Вы это знаете, мадам.

— Мне очень жаль.

— Вы тверды в этом, мадам?

— Таков мой долг.

— Вы делаете наше положение весьма затруднительным. Я имею дело с наиуважаемым коллегой, пользующимся великим почетом и уважением. Это — с одной стороны, но есть и другая. Законники требуют от меня, чтобы я собрал все имеющиеся улики и показания, чтобы оформить дело и передать его обвинению.

— Разумеется.

— Но вы же не сдали оружие, причинившее смерть.

— Я не могу.

— Тогда что же мне делать? Ваш отказ требует от меня следования процедуре дознания при убийстве.

— Я предлагаю, чтобы вы следовали требовани-

ям процедуры.

— В таком случае вы арестованы, мадам.

— Летальный-Один? Летальный-Два? Летальный-Законный?

— Вы настоятельно превращаете трудное дело в еще более запутанное, мадам. Никогда раньше мне… Вы стоите выше подозрений, но все… Нет. Нет. Мы не предъявляем вам ни одно из этих обвинений. Я обвиню вас по вновь придуманной категории. Это… Как же его назвать? Ага. Да. Преступление-Пять.

Гретхен залилась смехом. Ей это удалось!

— Браво, капитан Индъдни! А вы придумали заодно и процессуальные моменты для Преступления-Пять? Меня поместят в тюрьму? Могу ли я выйти под залог?

— Я продолжаю изобретать даже под весьма немилосердный смех. Вы находитесь под распространенным домашним арестом. Назовем его Гиль-арест. Вы можете практиковать в вашей профессии, но ни при каких обстоятельствах не покинете Гиль без hukm[9] от меня.

— Благодарю вас, субадар.

— Хотя я и не обладаю вашими дарованиями,

---

[9] Примечания: 9
Разрешение *(хинди).*

мадам, у меня есть некоторые возможности. Предупреждаю, что если это страшно секретное оружие существует, то я его найду.

— *Если?* Вы сомневаетесь в моих словах, капитан?

— Я не приношу извинений. Неверие искони присуще бомбейцам, но дело сейчас вовсе не в этом. Вы, как ни жаль, оказались связаны с одним из преступлений в целой серии очень и крайне отвратительных зверств, о которых, надеюсь, вам ничего не известно.

— Это и в самом деле что-то новенькое. Каких зверств, капитан Индъдни? Я ничего такого не слышала.

— О них еще нет сообщений.

— Почему же?

— Потому что они слишком невероятно outre.

— Понимаю. Вернее, мне кажется, что я понимаю. Что ж, благодарю за любезность, субадар. Я постараюсь вам помочь всеми доступными мне способами. Чертовски неприятно, не так ли?

— Соглашаюсь при всем огорчении, мадам. Боюсь, что огорчение наше будет еще глубже, когда я, наконец получу ясные ответы на все вопросы.

— Когда это случится, надеюсь, что вы мне расскажете.

Гретхен жарко молилась. Все навыки психотеха в построении и проектировании временно покинули ее. С этим животным — человеком — такое иногда творит любовь.

Глава 7

Сдав заключительный отчет (который, безусловно, не был правдой, всей правдой и ничем, кроме правды) председателю правления Миллсу Коупленду, госпожа Нунн приняла его благодарность, подкрепленную чеком, и отправилась прямо в лабораторию новых ароматов, в которую и вошла, не объявив о своем приходе. Доктор Шима творил что-то несусветное с колбами, пипетками и бутылками с реагентами.

Не поворачивая головы, он приказал:

— Вон! Вон! Вон!

— Доброе утро, Блэз.

Он резко обернулся — лицо его носило следы схватки.

— Так-так-так, прославленная Гретхен Нунн, я полагаю?[10] Та самая, которую три раза подряд избирают «Личностью года»?.

У нее радостно дрогнуло сердце; в его голосе не было ни малейшего оттенка неприязни.

---

[10] Примечания: 10

Парафраз знаменитых слов, которыми журналист Стэнли приветствовал доктора Ливингстона в Центральной Африке: «Доктор Ливингстон, я полагаю?

— Нет, сударь. Людей моего положения не зовут по фамилии.

— Обойдемся без «сударя», ладно?

— Благодарю вас, су… господин Хоч.

Блэз мучительно скривился.

— Не напоминай мне об этом непостижимом безумии, Гретхен. Я… Как все прошло с Убийственниками?

— Я им всем забила баки.

— А с председателем?

— Я и ему забила баки. С тебя все снято.

— Для «ФФФ», возможно, и снято, но не для меня самого. Ты знаешь, я серьезно подумывал лечь в психушку, еще этим утром.

— Что же тебя остановило?

— Ну, отчасти ты.

— Только отчасти? Я возмущена. Ты заставил меня поверить, что рабски предан мне!

— А потом я так увлекся синтезом аромата пачулей[11] и… и как-то обо всем позабыл.

Гретхен рассмеялась:

— Можешь не волноваться. Ты спасен.

— Но не вылечен.

— Не более, чем я, от своей странной слепоты.

---

[11] Примечания: 11

Эфирное масло цветочного растения в Индокитае, широко используемое в парфюмерии.

Мы — пара уродцев, но мы спаслись, потому что все о себе знаем. Теперь мы с этим справимся.

Доктор Шима грустно кивнул в ответ.

— Ну и какие у тебя планы на сегодня? — бодро спросила она. — Грандиозная битва с пачулями?

— Нет. По правде сказать, я механически перекладываю все с места на место. Я ведь все еще по уши в неприятностях. Знаешь, Гретхен, наверное, мне стоит отпроситься сегодня.

— Лучше не придумаешь. Прими заказ на два обеда. Никаких шалостей: нужно держать военный совет. Мы оба по уши в неприятностях.

* * *

— Ты мне все рассказала?

— Да, Блэз, полностью.

— Ничего не упущено по недосмотру или пересмотру?

— И даже посредством ясновидения. Я оперирую фактами, парень.

— И я тоже, госпожа, но я химичу, а ты интуичишь; стало быть, я мозгую, а ты нутром чуешь.

— Хочешь сказать, что я мыслю кишечником?

— Именно. Ты же не можешь не сознавать, что сначала ты *чувствуешь* решение своей проблемы. Лишь потом твой могучий ум возводит строение

из доказательств.

— А ты работаешь иначе?

— Прямо противоположным образом. Обнаружив факт, я стараюсь перевести его в ощущение — так я создаю духи.

— Тогда разъясни мне, могутный созидатель, что такое Летальный-Один — факт или ощущение?

— Может быть и любовной горячкой в чистом виде. Послушай-ка, если мы открываем военный совет, то, будь добра, слезь с меня.

— Да, ты лучше соображаешь в вертикальном положении.

— Как ты до этого додумалась? Психодинамика помогла?

— Я знаю, как ты занимаешься любовью.

— Это оставляет мне почву для сомнений. Но кроме шуток, Гретхен. Я хочу поразмыслить всерьез.

— Продвигайся с осторожностью.

— Мы должны бы ненавидеть друг дружку.

— Да? Почему же?

— Потому что мы совершенно по-разному мыслим. Ты ориентирована на психику, а я на химию. Мы на разных полюсах. Это же помогает нам идеально работать в одной упряжке. Я назвал бы

нас «психемо»… Чему ты смеешься?

— Я только что надумала несколько оскорбительных терминов из двадцатого века, которые могут быть приложены к нам.

— Попрошу меня не шокировать.

— Никогда в жизни, Блэз!

— Постоянно, Гретхен!

— Только в профессиональном смысле.

— Да? А кто еще этим утром сказал насчет никаких шалостей? Так говорить о любви!

— А кто забыл доставить два обеда?

Шима помедлил, после чего буркнул:

— Мой закадычный друг, господин Хоч.

Гретхен стала серьезной:

— Так его, молодец. Слава Богу, что ты можешь об этом шутить.

— Юмор висельника. — В ответе Шимы и этот юмор отсутствовал.

Они опять помолчали. Наконец Шима встретил грудью шквал смертельного свинца.

— Думаешь, вся эта заваруха связана с господином Хочем?

— Думаю? Знаю наверняка. Иначе и быть не может.

— Нутро чует?

— Да.

— Значит, мы не в силах отринуть эту заморочку со скелетами как еще один извратГили и на этом успокоиться?

— Ну подумай сам! Присмотри, что на нас висит. Я — главный подозреваемый по делу Летального-Один. Более того, уж по делу — не подкопаешься.

— Не Летальный-Один. Летальный-Законный.

— Ну какая разница? Обе наши карьеры повисли на волоске. — Гретхен тяжело вздохнула. — Даже если я оправдаюсь за этих Летальных перед Индъдни, события станут достоянием общественности, и я потеряю доверие — я же гарантировала конфиденциальность, это немалая доля моей репутации. Индъдни придется вынести на люди и участие господина Хоча, и где окажется тогда твоя карьера?

Шима задумался.

— Ты права. Куда ни кинь, всюду клин. Но поверь мне, Гретхен: я готов предстать как господин Хоч, если без этого тебе не выкрутиться.

Гретхен поцеловала его в затылок.

— Что я в тебе люблю, Блэз, так это — как ты мне нравишься! Такой славный парень… Благодарю за предложение, однако правда о Хоче не даст ответа на все вопросы Индъдни. Не забывай об этих треклятых скелетах.

— Я бы забыл, если б смог. Но разве теперь это не забота субадара? При чем здесь мы?

— Неверно. Они — все еще наша забота. Кто сделал это с громилами? Как? Почему? Повторится ли такое? Все это — проблемы Индъдни, да, но ответь мне на такой вопрос: кому предназначалось стать этой жертвой, тебе или мне?

У Шимы отвисла челюсть.

— Ты хочешь сказать, что быдлонов разделали по недосмотру?

— Ну. Целиться могли в нас. А если это так, повторится ли попытка и как нам отбиться? — Гретхен перекосилась. — Нужно придумать, как нам обороняться, только не спрашивай меня, от чего.

Шима нахмурился.

— Тогда отводим войска и перестраиваем ряды. Индъдни упомянул о других злостных зверствах?

— Да.

— Не уточнял?

— Он сказал, что сообщений не делалось, потому что они были неправдоподобно outre.

— Должна быть небывалая чертовщина, — покачал головой Шима, — чтобы в нынешней жизни Гили это сочли outre.

— Он дал мне понять, что это было хуже, чем случившееся здесь.

— И ты не представляешь, что же здесь случилось?

— Ни малейшей зацепки.

— Ты надежно заперла дверь после моего ухода?

— Да.

— Так как же, помилуй Бог, он попал внутрь? Иисус-Мария и святой Иосиф! Непостижимо! Ты ничего не видела?

— Ничего.

— Значит, ты не могла видеть его глазами. Значит, он слеп. Невероятно!

— Он или она… — Гретхен осеклась. — Слепой? Не знаю, но чувствую я что-то другое.

— Чувствуешь… Ты ничего не почувствовала, когда ждала Убийственников?

— Ничего. Я… постой, на мгновение потянуло холодом, но я была почти раздета, да и все мы привыкли к ознобу и сквознякам. «Как Ему пчела предстанет, коли Божий Хлад нагрянет?»

— Холод, говоришь. Прошел сквозь запертую дверь, и потянуло холодом. Ты что-нибудь слышала?

— Ни шороха.

— Другие ощущения были?

— Нет. Хотя погоди. Помнится, повеяло странным запахом.

— Вот это по моей части. Какого рода запах? Сладкий, резкий, тяжелый, приятный, скверный?

— Чужой и тошнотворный.

— Проникновение. Холод. Молчание. Тошнотворный запах. А потом потребил плоть и кровь мертвых громил?

— Все подчистую. Кости были обглоданы добела.

— И ушел сквозь надежно запертую дверь, оставив ее запертой. Не мог, но ушел. Точка. Ну, как наши дела? Я доложу, куда добралась моя половина психимика… Никуда! Вот вам и могучая сила фактов. Какие ты оскорбления имела в виду?

— Как тебя кидает, Блэз, — смех Гретхен показал, что напряжение ее отпустило. — Нигра и япошка.

— Ясно.

— Тебе не смешно?

— А должно быть? Я не знаю, что такое нигра. Япошка — это вроде меня, да? А ты — нигра?

— Ага.

— Что такое нигра?

— Чернокожая.

— Почему это должно быть смешно?

— Потому что было совсем не смешно.

— Когда?

— Лет двести тому назад.

— С возрастом шутка лучше не стала. Хорошо. Госпожа Нигра, твоя очередь.

— Милый япошка, ты не сможешь систематизировать эти факты, их нужно прочувствовать.

— Я привык начинать с эмпирического уравнения.

— Иногда это упрощает дело, но в нашем случае где будет знак равенства? Нет, здесь надо ощущать.

— Не знаю, что и почувствовать.

— Но ты чувствуешь что-то?

— Бог мой, конечно!

— Только не знаешь, что именно.

— Не знаю.

— Благодарю вас, сударь. К этому я и веду.

Недоумение Шимы было таким явным, что Гретхен пояснила:

— Твое нутро откликается на происходящее?

Он кивнул.

— Я хочу сказать, что может произойти что-то неизведанное, неожиданное, внезапное, но внут-

ри себя ты способен это принять, прийти к новому знакомыми путями, потому что ты чувствуешь, что *можешь* осознать любую неожиданность.

— Помилуй, Гретх, на таких высотах у меня в ушах звенит. Но я, кажется, понял. Ты говоришь, что мы реагируем на происходящее, только если чувствуем, что оно вписывается в картину жизни, как мы ее понимаем или *в состоянии понять.*

— Да, в этом вся суть дела.

— Продвигайся с осторожностью.

— Что мы получаем, если мы не знакомы с нашими реакциями и не понимаем их?

Шима разглядывал ее лицо, словно это был какой-то новый осадок, неожиданно выпавший на дно колбы.

— Тогда, — с расстановкой заговорил он, — Данное. Событие. Является. Непознаваемым. — Внезапно его осенило. — Бог мой, ты это сделала, Гретхен! Ура псиметрике! Мы не имеем дела ни с животным, ни с растением, ни с минералом… ни с чем известным, ни с чем постижимым… Мы столкнулись с чем-то совершенно чуждым; не поддающимся описанию никакими параметрами.

— Да. К этому я и шла.

— И с блеском достигла цели.

— Спасибо. Можно перерыв для вопроса?

— Давай.

— Чуждое из глубокого космоса?

— Ерунда! Нет ничего жизнеспособного во всей Галактике, что могло бы прибыть в гости в Солнечную систему. Все наши зонды это подтвердили. Нет, мы имеем дело с местной, жизнеспособной, доморощенной разновидностью чего-то полностью чуждого… Вроде Голема.

— Какурабби-Льва[12]?

— Нет. Это была просто еврейская версия классического сюжета об искусственно сотворенном слуге.

— Тогда о чем ты?

— Я возвращаюсь к исходной легенде о Големе. Согласно талмудической традиции изначальным Големом был Адам во втором часу творения, когда он уже жил, но представлял собой бесформенную массу, лишенную души.

— Бесформенный и лишенный души. Н-да, — Гретхен поразмыслила и кивнула. — Поэтому мы не можем постичь, что такое этот Голем, чего он хочет, почему он чего-то хочет.

---

[12] Примечания: 12

Лев бен Бецалель, средневековый пражский алхимик и талмудист, вошел в легенды как чернокнижник, создатель Голема — одухотворенного глиняного существа.

— Мы даже не знаем, *как* он хочет и достигает желаемого. Этим объясняется непостижимый вход, выход и все, что произошло в промежутке. Господи, да мы не знаем, *хочет ли* он чего-то.

— Чего-то он хочет, Блэз. Как насчет людоедства и всего другого — на что намекал Индъдни?

— Думаешь, это все на счету нашего Голема?

— Так думает мое нутро. Кишками чувствую.

— Тогда возражения снимаются. — Шима ощущал небывалый подъем. — Потрясающе, Гретхен! Что-то небывалое! Мы не знаем, есть ли у него чувства и желания, доступные нашему описанию. Его органы чувств могут функционировать на ангстремных волнах — выше или ниже границ нашего спектра восприятия.

— Покупаю, но, Блэз, независимо от того, живой ли он или псевдоживой, у него должны быть потребности. Это — синоним слова «жизнь».

— Как ты думаешь, Гретхен, он живет в нашем смысле слова?

— Скажите мне, доктор, что есть жизнь, и я отвечу на ваш вопрос.

— Я и сам бы не прочь узнать. Хоть бы кто-то дал определение жизни. Какой это потрясающий вызов разуму! Я… — Внезапно Шима содрогнулся и поник. — Я почти забыл о нашем реальном

положении. По правде сказать, Гретх, где-то глубоко внутри я очень напуган, очень, словно меня мучает кошмар, а я не в состоянии проснуться… Этот паршивый Голем…

— Легче-легче, парень. Я чувствую то же самое: интеллекту брошен увлекательный вызов, но эмоционально это кошмар.

— Ну и как нам проснуться? Твоими же словами: некуда поставить знак равенства, потому что не к чему что-либо приравнять — сплошные неизвестные.

— Кроме случаев зверства, — напомнила Гретхен.

— И кроме опасности. Этот чужак, этот Голем, «оно», может быть где угодно и делать Бог знает что и — меня это просто убивает — в любой момент способен пройти через эту наглухо запертую дверь… хоть сейчас.

Гретхен кивнула.

— Да. Если один раз он уже здесь побывал, то может прийти и снова… за тобой, за мной, за нами обоими или за господином Хочем.

— Ты хочешь сказать, что чужак мог идти по следу господина Хоча?

— Возможно. Все возможно. Мы не знаем. Мы в нулевой точке отсчета посреди кошмара.

— Так что нам делать?

— Найти Голема да прихлопнуть.

— Ты и в самом деле считаешь, что опасность так близка?

Гретхен пристально поглядела на Шиму.

— Блэз, у меня каждая жилочка в теле дрожит — не только из-за нас, но и за других тоже. Субадар Индъдни все время упирал на опасность. Что-то совершенно новое, сатанинское выпущено на волю в Гили.

Шима затряс головой:

— Словно чума, которую надо изничтожить… Только мы не знаем, что она такое, почему она случилась, где она и чего хочет.

— Черная Смерть ничего не знала и не хотела — она просто *случилась*.

— Согласен, Гретхен. Кстати, чертовски хорошая аналогия. Раз мы ничего о Големе не знаем, то и вести себя надо так, словно боремся с занесенной извне эпидемией. То есть надо определить вектор, который приведет нас к своему источнику — рассаднику чумы. Тут мы и сможем его прихлопнуть.

— Да-да, это твердая научная линия.

— Рассмотрим возможное направление векторов. Чудище преследует меня.

— Или тебя в облике господина Хоча.

— Возможно, он охотится на тебя.

— Или на нас обоих.

— Он как-то связан с громилами.

— Не исключено, — на мгновение задумалась Гретхен. — И наиболее вероятно.

— В его действиях может отсутствовать система,

— Тогда мы бессильны. Как ни проектируй, ни конструируй, до него не добраться.

— Неверно, милая дама. Если говорить о жизни, то и в бессистемности есть своя система.

— Это же противоречие в терминах.

— А разве то, с чем мы собираемся сцепитьс, — не противоречие?

— Черт бы тебя побрал, Блэз, ты опять прав,

— Странные задачи требуют странных решений. Как ты заметила, наиболее вероятный кандидат из всех векторов — возможные связи в прошлом с громилами. Значит, нам нужна информация субадара Индъдни о других злодействах.

— Придется идти к нему, — насупилась Гретхен. — Не по душе мне это, Блэз. Он проницателен, у него большой опыт и развита интуиция. Он может быть опасен.

— Выходит, ты боишься, не свяжет ли он меня с господином Хочем. Благодарю вас, моя дама, но я должен рискнуть. Мы объединяем усилия с Индъдни. Есть у нас повод?

— Без проблем. Я предлагаю добровольное сотрудничество, потому что Гиль-арест вредит моему бизнесу. Я хочу помочь ему расколоть это дело как можно скорее.

— Он пойдет на это?

— Только если мы будем с ним честны до конца, Блэз.

— Включая господина Хоча?

— Нет, это пока придержим.

— Тогда твоя побасенка об оружии остается в силе?

— Да.

— Так в чем же мы будем честны?

— Во всем, что он может проверить. И не промахнись, детка, он проверит все, что касается нас.

— Это опасно.

— Да, но не для меня, а для господина Хоча. Ты еще в игре?

— Богом клянусь, да, моя госпожа. Да. А в чем, считается, я тебе помогаю? В психодинамике?

— Мне? Просить у тебя помощи в моей области?

Неправдоподобно. Нет, как химик.

— Зачем?

— Попытаться идентифицировать громил путем химического анализа останков.

Шима подумал, потом кивнул.

— Да, это может пройти.

— Учтивость не позволит Индъдни сказать тебе прямо, что ты впустую потратишь время. У него в штате участка есть свои судмедэксперты. Но он не заподозрит обмана. Просто еще один честный гражданин, пытающийся примериться к роли Шерлока Холмса.

Шима снова кивнул.

— А покуда ты возишься со своим фуфловым химическим анализом, я буду просеивать косвенную информацию — все, что может пригодиться нам, чтобы получить…

— Эмпирическое уравнение?

— Я хотела сказать, «знак равенства», но какая разница?

— А ну ложись, и я тебе это покажу.

— Что это, Нелл?

— Последнее грандиозное волшебство от моего Нудника, Реджина.

— ПОЧЕМУ? Он пытается влезть в НАШЕ ДЕЛО?

— Он просто старается услужить Царице пчел и ее приближенным, Сара.

— Извини, Нелл, но мы — пас. — В голосах близнецов звучало отвращение. — Его двоичный фокус-покус лопнул. Мы отклоняем.

— Никаких двоичностей. Это, сестры по улью, цена!

— Какая цена? — Определенно, Енту это заинтересовало.

Глава 8

— Цена, которую мы должны заплатить Дьяволу.

— Нет-нет, только не Господин с Испорченным Телефоном!

— Да погодите вы, — Мери Наобум была озадачена. — Цена, Нелл? Эти черточки?

— Ну да, разве ты не знаешь? У тебя в маркетоне на каждой покупке будут такие черточки.

— МЫ, мадам, НИКОГДА не ходим сами за покупками!

— Тогда, если разворачиваешь их при доставке.

— Я, мадам, НИЧЕГО не разворачиваю Л*И*Ч*Н*0. Я предоставляю это (ПФУИ!) Пи-девкам *(брр-р!).*

— Тогда, Сара, тебе придется поверить Нуднику на слово. Компьютер в магазине считывает этот штриховой код и переводит его в цифры — получается цена товара. Потом все цены суммируются и вносятся в счет, который пересылается на твой банковский компьютер.

— Да-да, а тот вопит и брыкается, но платит, —

проворчала Ента. — С этой частью процесса мы все знакомы лично.

— Нудник сказал, что Люцифер мог и не показаться, потому что мы не назвали ему цену, которую готовы заплатить за личное выступление.

— Так это и есть цена, Нелл? — Реджину это позабавило.

— Да. Правда, fabelhaft[13]?

— Как решит мой банк. — Енту это не позабавило.

— Нет-нет. Платит не банк. Платим мы.

Мери снова не поняла:

— Платим? Мы?

— Да, лично.

— Сколько? — осведомилась Ента.

— Нудник мне не захотел говорить. Сказал только, что Сатана берет плату не в деньгах.

Барышня Гули надулась:

— Как ему не стыдно!

— Ну, Реджина? Стоит попробовать?

— Честно говоря, Нелл, я не знаю, — засмеялась Реджина. — Мы что, должны пропустить этот код через домашний компьютер? Не думаю, что он

---

[13] Примечания: 13
Сказочно *(нем.).*

может прочесть такое сообщение.

— Нудник сказал, чтобы мы просто поместили это внутрь пентакля и сожгли.

— Хорошо. Попытка — не пытка, а мы еще дополним ее нашей симфонией зла, чтобы привлечь зловредное внимание Люцифера… Пидевка! Свечи и вонизмы, будь любезна. Ведьмы, станьте в кружок, и прошу вас — от всей души!

— Это как? — опасливо спросила Ента. — Нам что, распевать: «Толстый штрих, тонкий штрих, пробел, тонкий штрих, тонкий штрих?..» Это будет похуже древнееврейского.

— Нет, душечка, никакого обряда. Только свечи, вонизмы и наше усердие. Мы должны очень захотеть. Изо всех сил. Захотеть появления Сатаны. Захотеть заплатить его цену, в чем бы мы каждая ее не считали.

* * *

— Где ты пропадала, Гретхен?

— Я потеряла субадара.

— Как потеряла?

— Уточнение. Он потерял меня.

— Но он был здесь с нами в полный рост, когда давал разрешение на проведение анализа. Он прогнулся для нас — дальше некуда…

— А потом исчез.

— Он просек твою уловку?

— Нет, вызвали на новое злодеяние.

— Ох! Наш Голем?

— Вероятно.

— Не рассказывай.

— А нечего рассказывать. Освежеванный человек, только и всего.

— Освежеванный?

— С него живьем содрали кожу. Причем в накрепко запертой комнате.

— Боже милостивый!

— Индъдни сказал, что, когда они сломали дверь, человек еще был в сознании.

— Я больше не могу.

— Индъдни тоже. Он весь трясся, когда вернулся в участок. У него нежная душа, Блэз. Он мне нравится.

— Он, по-моему, занялся не своим делом.

— Все в Гили заняты не своим делом.

— Ты что-то получила от него?

— Ничего.

— И магия психодинамики не помогла?

— Совершенно ничего — наверное, он испытал слишком большое потрясение.

— Да уж, все понятно. Освежеванный живьем!

О Господи!

— Его при мне кинуло в мистику. Стал говорить о Сатурне, младшем из титанов (а ты еще тяготишься *своим* избыточным образованием!). Похоже на то, что Сатурн поразил насмерть Урана (Небо), а из капель небесной крови, упавших на землю, проросли фурии и гиганты.

— Это говорит полицейский?

— Да вот, такой уж это полицейский, наш субадар. На чем я остановилась? Ах, да. Сатурна его мать Рея (Земля) предупредила, что один из его детей свергнет его, и он начал их глотать — целиком, — как только они появлялись на свет.

— А вот это я знаю. Гойя потрясающе написал эту сцену. У него Сатурн выглядит, как один из наших психов в Гили, когда он в бреду.

— Индъдни сказал, что Зевс был младшим из детей Сатурна. Мать спасла его, и он одолел Большого Папашу, изгнал его, а стеречь поверженного поручил Гекатонхейрам.

— Кому?

— Сторуким. Торчок, да? Стремно. Индъдни сказал, что не может описать этих мифических чудиков. Сказал, что у них не было ни формы, ни обличья.

— Ни формы, ни обличья. Смахивает на нашего

Голема.

— Индъдни прямо одержим своим Сторуким.

— Вот это ты у него и выудила? Причудливые перлы из мифологического словаря?

— Все, что мне удалось.

— Мне страшно, Гретхен. По-настоящему страшно.

— Почему?

— Мне начинает казаться, что Индъдни — ясновидящий.

— Ты надо мной издеваешься!

— Нет. Его греческие приколы стыкуются с одной моей находкой в костях громилы.

— Нет, ты шутишь. Как из твоего фуфла могло что-то получиться?

— Я не мог жульничать — возможности не было. По мне ползали все субадаровы кудесники из судебной экспертизы, а эти пижоны — настоящие профи. Я не посмел филонить; пришлось делать все по-честному.

— И?

— И меня теперь вконец подкосило.

— Поняла. Но почему?

— Потому что я выудил еще одну мифологическую жемчужину для Индъдни.

— Да не тяни же, Блэз! Что ты раскопал?

— Я нашел в костях прометий.

— Прометий?

— На все сто.

— Как Прометей? Тот крутой мужик, который стибрил солнечный огонь и дал его людям, а его за это сцапал Зевс?

— Ага, его-то и имели в виду те хохмачи, которые открыли этот элемент где-то в девятнадцатом веке и дали ему такое название.

— А что это?

— Редкоземельный элемент. Символ прометия — большое латинское «Р» и маленькое «т», Рт. Атомный вес — 61. Продукт распада урана. Я обнаружил розовую соль — хлорид прометия.

— В костях.

— В тех самых костях.

— Это нам что-нибудь дает?

— Еще как! Подумай только, в обычных человеческих костях нет никаких — повторяю, *нет никаких* солей редкоземельных элементов.

— Никогда не бывает?

— Никогда.

— Никогда-никогда?

— Никогда.

— Тогда такого не может быть?

— Определенно не может. Похоже, что это наша

подсказка — искомый вектор. Никак только не пойму, что это значит и на что нам указывает.

— Так, я думаю… Нет, отменяется. Я на минутку попробую почувствовать.

— Чувствуй себе на здоровье.

Минутка тянулась невероятно долго. Наконец Гретхен спросила:

— Может быть, этот Рт стал попадаться из-за такого загрязнения в нашем Коридоре?

Шима отрицательно помотал головой.

— Значит, наши громилы никак не могли его ненароком подцепить?

— Никак.

— Так, может быть, они им специально обзавелись? Сознательно?

— Возможно.

— Его можно получить из еды или питья?

— Никоим образом.

— Ну разве он не содержится в консервантах, укрепляющих средствах, разбавителях, афродизиаках, во всякой оздоровительной рекламируемой дряни?

— Никогда, Гретхен. Слишком редкий элемент и чертовски дорогой, чтобы пользоваться им в промышленности.

— Дорогой… — Гретхен задумалась. — Это важ-

ная зацепка. Подумай, чем может пользоваться таким дорогим обычный здоровущий американский хулиган?

— Тоже мне загадка — наркотой.

— Q.E.D. Вот и твой вектор.

Шима неуверенно кивнул.

— Все может быть, да вот беда — никогда в жизни не слышал, чтобы прометий входил в состав тинка, хрома, морда, щекотуна, вообще хоть какой-то дури, а ведь я — по работе с запахами — знаю все эти приколы.

— Тогда наш след еще надежнее, Блэз. Значит, на рынке появилось что-то новенькое, и нам не нужно вязаться со всякой мелюзгой, отслеживать связи — мы выходим прямо на самую верхушку.

Шима снова кивнул, встал и начал слоняться по ее лаборатории. Гретхен его, разумеется, не видела, потому что с ними больше никого не было, но следила за ним по звуку шагов. Наконец он заговорил:

— Это ты будешь копать под саму верхушку, любимая. Я попробую несколько другой путь.

— Какой же?

— Потолкую с оптовыми поставщиками химикалиев. Они меня знают и скажут мне то, что нам нужно.

— Но они же не торгуют наркотой? Я, конечно, понимаю, что это все сейчас законно, но заниматься этим, если у кого высокий класс, — нет, полный облом!

— Безусловно, однако у толкачей на углу ты не найдейшь прометия. Значит, его добавляют, чтобы как-то по-новому улететь, в какую-нибудь дурь; а купить его они могут только у крупных поставщиков, все по-честному. Ну, а у тех учет всех сделок ведется как надо.

Гретхен кивнула.

— Выглядит заманчиво. — Внезапно она хихикнула: — А у тебя в лаборатории не найдется щепотки Рт, глупыш? Может, нам самим полетать?

— Ты знаешь, совершенно случайно у меня есть сто гран гидрида прометия. Но как нас это приведет к Сторукому Голему?

— Да никак, просто мы возьмемся друг с дружкой за сто рук и полетим в психоделическое будущее, забыв обо всем…

— И нас изберут «Торчками года». Прекрати, Гретхен. Мне вовсе не смешно. Этот Сторукий может сию минуту нас разыскать и содрать с нас кожу!

Гретхен помрачнела.

Шима потрепал ее по плечу.

— Будь осторожнее, dozo[14], ладно? Мы наконец получили наше эмпирическое уравнение! Рт плюс дурь плюс два неизвестных хулигана равняется Сторукому-Голему-Что-Бы-Там-Ни-Было! Нужно пошевеливаться, а ты, Бога ради, не заводи разговоров с грубиянами на углах.

— Хорошо, но и ты побереги себя. Тебя тоже подстерегают неприятности.

— Меня? Какие еще неприятности?

— Индъдни.

— Субадар опасен для меня? Но почему?

— Индъдни подозревает, что ты как-то связан со Сторуким. Потому он так охотно и пошел на сотрудничество. Он сам не прочь втихомолку подманить рыбку.

— Какую рыбку?!

— Твое участие в том, как угробили громил.

— Что за черт, ну я участвовал!

— Не так, как это ему представляется.

— И что же надумал этот индус?

— Что как гениальный химик ты приложил руку к сотворению Голема.

— Что? Франкенштейнов мешок с фокусами? —

---

[14] Примечания: 14
Пожалуйста *(яп.)*.

расхохотался Шима. — Что за дичь! — Внезапно смех оборвался. Его поразила новая мысль: — Неужели это может быть делом рук господина Хоча?

— Все что угодно может случиться в Гили.

Глава 9

Гретхен, конечно, видела Оазис ООП. Всем, кто жил в Гили, он был знаком, хотя попасть внутрь удавалось немногим. Одно из местных «Чудес»: перед глазами вставала пирамида, окруженная синтетическими пальмами на газонах, посыпанных блестящим слюдяным песком; по углам взметали ввысь струи четыре фонтана — нет, это была не драгоценная вода, а хлорбензол, в чем уже со скрежетом зубовным убедились незадачливые водяные воры: одним словом, это был настоящий Оазис.

«Только верблюдов не хватает», — подумала Гретхен, проходя между лап сфинкса (уменьшенной копии Фиванского) к воротам. На страже стоял взвод боевиков ООП в традиционном хаки бойцов пустыни с древними автоматами наперевес. Ее остановили, направив на нее автомат.

— Ты что? — потребовали охранники.

— Шолом алейхем, — ответила она.

— Ты что? — деловито щелкнул досылаемый патрон.

— Гретхен Нунн. Шолом алейхем.

— Говоришь на еврейском. Еврейка ты?

— Vudden? Frig mir nicht kein narrische fragen[15].

— Не еврейка когда смотреть.

— Nudnick! Ich bin Falasha Yid[16].

Воцарилось молчание, и внезапно лицо часового расцвело улыбкой:

— Так? А! Черные евреи! Я слышать. Не видеть. Ты очень черный еврейка. Зайти, — и, обращаясь к подчиненным: — Она в порядке есть еврейка. Пустить.

Первая уловка Гретхен сработала. Ее пропустили в громадный холл, невыразимо грязный и вонючий. Там перекатывалось гулкое эхо — у двадцати привязанных верблюдов бурчало в животах, и они мощно рыгали. Там же были разбиты шатры. Там же играли в слюдяном песке голые ребятишки, прервавшие свои занятия, чтобы поглазеть на вошедшую незнакомку. Там же были женщины с закрытыми лицами, во всем черном — они поддерживали сушеными кизяками огонь небольших костерков и тоже глазели на нее, впрочем, не отрываясь от дел. Соборные своды

---

[15] Примечания: 15

Что такое? Не задавай глупых вопросов *(идиш).*

[16] Примечания: 16

Зануда ты! Я фалашка *(идиш*). Фалаши Эфиопии.

купола скрывались в клубах едкого дыма.

К ней двинулся с приветствием бородатый шейх в роскошных одеждах.

— Шолом алейхем.

— Алейхем шолом.

— Доброе утро, милостивая госпожа Нунн. Как мило с вашей стороны посетить нас.

— Доброе утро, сударь. Простите, но, в отличие от вас, я не знаю, с кем говорю.

— Шейх Омар бен Омар. Нет-нет, не вспоминайте, мы никогда не встречались, но ведь вы одна из знаменитостей у нас в Гили! Вы оказали нам честь, милостивая госпожа Нунн.

— Честь — говорить с вами, шейх Омар.

— Я вижу, вы используете наши формы вежливости, и я вам благодарен за это. Выпьете кофе?

Последовали ритуальные чашечки кофе, который пили в шатре, сидя по-турецки, наедине, если не считать сонма непрерывно заглядывавших внутрь сорванцов. После бесконечного обмена любезностями Гретхен начала подбираться к интересующему ее вопросу, начав с признания в обмане стражи. Шейх Омар расхохотался.

— Нашу стражу набирают и обучают, руководствуясь силой, а не высоким интеллектом. Я потрясен, что хоть один из них слыхал о фала-

шах. Наша стража в конце концов — то же, чем в старину были «бойцы» мафии.

— Ну, а вы точно так же представляете собой мощь современной мафии.

Омар с небрежным изяществом отмахнулся от комплимента и продолжал оттягивать переход к неотложным делам — свернул на ученую беседу.

— Ах да, фалаши, — несло его, — черные евреи из Эфиопии, Они заявляют, что их прародители — царь Соломон и царица Савская, которая, по преданию, была чернокожей. Еще кофе?

— Благодарю вас.

— На самом же деле их предками были простодушные туземцы, которых обратили в иудаизм задолго до Рождества Христова. После этого некоторые из них крестились, а еще позднее гораздо большее число их приняло Истинную Веру. Очень неустойчивый народ. Мои друзья-израильтяне намучились с этими фалашами в годы становления их великолепного государства.

Гретхен могла тайком порадоваться — сработала и вторая ее уловка. Организация Освобождения Палестины пришла в конце концов к власти в Объединенной Арабской Республике как раз вовремя, чтобы убедиться в полном истощении тех запасов нефти, с которых там раньше как сыр

в масле катались. Проявив глубокую мудрость, ООП переключилась на выращивание опиумного мака и нелегальную торговлю производными опиума. Тут снова настало благоденствие, которого хватило до того времени, когда и наркотики и наркомания были узаконены. Рынок рухнул. Гордый и высоконравственный Израиль остался единственным государством, все еще гневно отвергавшим наркотики и яростно боровшимся за то, чтобы поставить их снова вне закона. За это мафия ООП горячо возлюбила израильтян.

— Возможно, мы не станем выводить их из заблуждения, госпожа Нунн, — продолжал шейх Омар. — Наверняка мои бойцы уже всем рассказали о вас, так что не будем их опровергать. У нас здесь не любят чужих, но очень любят израильтян. Поэтому так для вас будет лучше.

— Вы оказываете мне честь.

— А вы так милостивы, госпожа. Ну а сейчас, если простите мое неучтивое нетерпение, что привело прославленную госпожу Нунн в наш убогий Оазис?

— Весьма необычный заказ. Он требует от меня беседы с Самим Оопом.

— С Самим? Вы на самом деле пришли, чтобы поговорить с Самим?

— Да, с Отцом-Оопом, с Самим.

— Неслыханно! И я не могу вам его заменить?

— Это была бы для меня высочайшая честь, шейх Омар, но я очень сожалею — нет. Мне нужны сведения, которые можно получить только на самом верху.

— Могу ли я осведомиться о характере заказа, требующего таких невероятных действий?

— Заказ секретный — дальше некуда, однако я с доверием вручаю свою судьбу вашей чести, шейх Омар, и буду откровенна и прозрачна до самого донышка.

— Это мне вы оказываете высокую честь.

— А вы так милостивы!.. Заказ касается смертельно опасного небывалого оружия. Никогда еще не было ничего подобного. Я не могу вам ничего рассказать о самом оружии, потому что я как раз занимаюсь составлением несокрушимых патентов для его защиты, но признаюсь, что испытала его мощь на двух громилах из Гили.

Шейх изобразил любезную улыбку:

— Надеюсь, не из наших людей? И каковы же последствия испытания?

— Ах, это! Разумеется, Смертельный-Один, — небрежно уронила Гретхен. — Невероятная поражающая способность. Это очень расстроило

субадара Индъдни.

По лицу шейха опять скользнула улыбка.

— При испытании выявилось очень странное побочное действие нового оружия, и мне необходимо — для оформления заявки на изобретение — исследовать это действие и найти ему объяснение. Вот для того мне и необходима помощь Отца-Оопа.

— Это все? Вы хотите всего лишь задать несколько вопросов?

— Именно так. Всего несколько вопросов.

— Каких же?

— Вы их узнаете, когда будете задавать их от моего имени, — я надеюсь, что вы не откажете мне в такой чести. Я никогда бы не осмелилась и помыслить о личной беседе с Самим Оопом.

— Вы так милостивы, госпожа Нунн. Будьте любезны подождать.

Гретхен, на которую обрушились грохот и все запахи Главного Зала, ждала, лениво гадая, как же выглядит устрашающий Отец мафии ООП. Ее опосредованное зрение не помогало ей. Она как раз пыталась сделать выбор между образом здоровенного бугая, по трупам забравшегося на самый верх, и скромным счетоводом, пробравшимся к власти по стопкам бухгалтерских документов,

когда после долгого отсутствия вернулся шейх Омар бен Омар. Вид у него был несколько ошарашенный.

— Вас примут. Никогда бы не поверил… Окажите любезность, пойдемте со мной.

— Мне прикрыть лицо?

— Нет необходимости, госпожа Нунн. Долгие годы мы привыкали к странным обычаям неверных.

Она последовала за ним.

По крутым пандусам они забрались на самый верх пирамиды, где их подвергли осмотру четверо горилл-боевиков, и вошли в пирамидальное помещение. Гретхен была вынуждена перевести дыхание.

Огромная зала была выстлана великолепными коврами, увешана бесценными вышивками с изображениями побед Ислама. Через всю комнату тянулся длинный, покрытый инкрустациями низкий стол для заседаний; сидеть за ним следовало по-турецки, на что указывали разложенные по бокам расшитые подушки. Во главе стола возвышался трон черного дерева, вокруг которого столпились шейхи в своих великолепных одеждах. Они точно прислушивались к божественному откровению, так благоговейно

склонены были их головы.

Шейх Омар указал на ближайшую к ним подушку, и Гретхен опустилась на нее. Продолжая стоять, он кашлянул. Группа шейхов обернулась и раздалась, но Гретхен никак не могла разглядеть на троне Отца-Оопа.

Омар объявил:

— Женщина фалашей здесь.

Один из шейхов почтительно склонился, вслушиваясь, потом выпрямился:

— Отец-Ооп приказывает неверной суке из евреев подняться и показаться ему.

Гретхен начала вставать, но Омар остановил ее, положив руку на плечо. Глядя на нее сверху вниз, он произнес:

— Отец-Ооп приказывает, чтобы ты встала и дала посмотреть на себя, — и только потом убрал руку.

Гретхен поднялась на ноги. Кучка шейхов у трона раздалась еще чуть-чуть, чтобы открыть ее для взора Отца-Оопа, и ей наконец-то впервые удалось взглянуть на эту легендарную личность. Она увидела древнего старичка, усохшего так, что его руки и ноги походили на палочки, скорчившегося на величественном троне. Пальцы его были изуродованы ревматизмом. Под длинными

жидкими, совершенно седыми волосиками розовели проплешины. Лицо… как! Лицо закрыто? Отец-ООП — женщина? Невозможно поверить!

Ее долго разглядывали, потом узловатый пальчик качнулся, напоминая усик какого-то жука, снова застыл. Один из шейхов склонился к закутанной мумии, затем выпрямился.

— Отец-Ооп говорит, что впервые ты встала у нас на пути в 71-м.

Уже наученная, Гретхен подождала, пока шейх Омар передаст ей сказанное. Затем она ответила:

— Да, заказ для Оберлина. Я не знала, когда подписывалась, что затронуты интересы ООП. Мне очень жаль, если я причинила вам неудобство. Я этого не хотела. Передайте мои уверения Отцу-Оопу.

Ее посредник сообщил сказанное посредникам Отца-Оопа. Таким же затейливым путем к ней пришел вопрос:

— Почему же ты, узнав, не отказалась от заказа?

— Это вопрос профессиональной чести.

— В 72-м по твоей вине был уничтожен целый отряд боевиков ООП.

— Да, заказ для Графита. В тот раз я уже знала об участии ООП и предупредила боевиков, что

им нужно уходить. Предупреждение было ясным и заблаговременным, но ваши бойцы оказались глупыми или упрямыми. Я тоже пострадала в той истории — два месяца пришлось провести в больнице. Я…

Она прикусила язык. Яркой вспышкой сверкнула догадка: «Я ослепла под перекрестным огнем. И врачи, и я считали, что зрение ко мне вернулось, но это не так — просто включилось мое ясновидение, а никто из нас не понял».

Отец-Ооп, однако, продолжал:

— Тебе было предложено вдвое больше, чем ты получала по договору с Графитом. Почему ты отказалась?

— Профессиональная честь дороже, к тому же я не беру взяток.

— В 74-м ты помогла девчонке бежать из ООП к ее любовнику — неверному христианскому псу.

— Да, верно.

— Где она сейчас?

— Не скажу.

Гретхен услышала рядом вздох ужаса, вырвавшийся у Омара.

— А знаешь?

— Да.

— Но не скажешь?

— Нет. Ни за что.

Она снова услыхала, как задохнулся Омар.

— Тебя связывает договор?

— Нет, милосердие.

Наступило молчание.

Шейх Омар прошептал:

— Очень сожалею, но это конец. Я бессилен защитить тебя.

Закрывавшее лицо мумии покрывало колыхнулось. Один из шейхов склонился, чтобы услышать шепот, затем выпрямился.

— Отец-Ооп доволен твоей стойкостью. Отец-Ооп доволен твоей силой. Отец-Ооп говорит, что вам двоим следовало бы родиться мужчинами.

— Я благодарю Отца-Оопа.

— Отец-Ооп спрашивает, чего ты хочешь.

— Информации.

— Чем ты собираешься расплачиваться?

— Ничем. Я прошу об одолжении.

— Отец-Ооп твой должник?

— Нет.

— Неважно, тебе будет оказано одолжение. Спрашивай.

— Благодарю. ООП торгует любыми наркотиками. Не появилась ли недавно на улицах Гили новая дурь, в которую входит невероятно редкий

металл прометий? П-Р-О-М-Е-Т-И-Й.

Общение через двойной комплект посредников заняло, казалось, вечность, но ответ наконец-то прозвучал:

— Нет.

— ООП известны все источники поступления наркотиков. Возможно ли, чтобы толкач потихоньку сотворил что-то новое и начал предлагать это на улицах?

Новая проволочка, затем ответ:

— Решительно нет. Нашим Enforceurs[17] не позже чем через неделю все было бы известно. Они не сообщали ни о чем новеньком, ничего, что производилось бы частником или в промышленном масштабе.

Гретхен разочарованно вздохнула:

— Тогда у меня все. Благодарю, Отец-Оop. Мое почтение и благословение всем вам.

Она повернулась к выходу.

— Постой, будь любезна. — Свистящий шепот был тихим, но таким же пронизывающим, как шипение гадюки.

Гретхен застыла в изумлении и обернулась — Отец-Оop сама заговорила с ней!

---

[17] Примечания: 17

Стражи порядка, т. е. рэкетиры-вышибалы *(фр.).*

— Ты не из фалашей. Ты Гретхен Нунн, могущественная и уважаемая.

— Благодарю вас, Отец-Ооп.

— Ты сама всего добилась.

— Вы оказываете мне честь.

— Если бы ООП предложила тебе контракт, ты приняла бы его?

— У вас же есть своя организация.

— Ты приняла бы его?

— Чем я могу быть вам полезна?

— Ты приняла бы его?

— Как взятку?

— Нет, не как взятку. Ты приняла бы его?

— Я не могу ответить на этот вопрос, пока не узнаю, почему он мне задан.

— Ты на редкость отважна, независима, умна. У тебя есть и редчайшее — благоприобретенное — нахальство. Так ты приняла бы его?

Гретхен стала поддаваться несокрушимой воле, силе, которая неудержимо исходила от этой ссохшейся фигурки. Ей вдруг припомнилась Цу-Чи — последняя вдовствующая императрица Китая, коварством, убийствами, блеском очарования и тонкостью ума проложившая себе дорогу от койки рабыни-наложницы к Поднебесному Трону.

Она заговорила, тщательно подбирая слова:

— Я приму и выполню все и всяческие контракты при одном условии — они не должны причинять прямого вреда никому и ничему. Я не разрушительница. К великому сожалению, я не всегда могу предвидеть все отдаленные последствия, но за это уже в ответе я сама, а не мой заказчик.

— Да-да-да, — донеслось шипение, — я довольна тобой. Очень довольна. Я устрою нам еще одну встречу, и ты тоже останешься довольна. Теперь иди, Гретхен Нунн.

Шейх Омар — воплощенная любезность и море лести — проводил ее к выходу из Оазиса. Гретхен перевела дух и содрогнулась.

— Бог мой! При ней я снова почувствовала себя ребенком!

* * *

Шима полагал, что уж ему-то известны наперечет все производители медикаментов, аптеки и фармацевтические лаборатории в Гили — это в конце концов было частью его работы, но такого монстра он не ожидал встретить.

Покосившийся каменный дом в Гнойном тупике был залеплен бумажками с криво нацарапанным предупреждением: «Здание разрушается!»

— надписи были, пожалуй, современниками Декларации независимости. Ржавая вывеска, крепко прибитая к еле держащемуся кронштейну, гласила: «Рубор Тумор». Буквы были обведены рисунками, на которых недвусмысленно и гротескно изображались эрогенные зоны. Кучка порочного вида зевак околачивалась возле витрины, в которой на прозрачный экран проецировалась крутая порнуха — поцарапанной и мутной киноленте было лет сто. Кое-кто из глазевших вяло и безуспешно пытался онанировать.

Шима вошел в «Рубор Тумор» под пронзительный свист насмешливых гуляк. Внутри он молниеносно сориентировался.

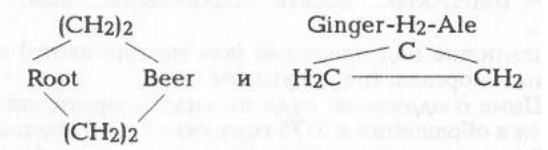
— Боже ж мой! — вырвалось у него — Да это заведение — ровесник тысячелетия! Треклятый музей — вот это что!

Повсюду громоздились чаны, бочонки, оплетенные бутыли, мензурки, колбы и реторты, черпаки и мерные стаканы.

«Еще не грабанули ни разу? — озадачился Шима. — Как это? Почему?»

На стеллажах, как в сотах, торчали склянки с давно устаревшими зельями — склянки и ярлычки были такой же древности, как и остальное. Для коллекционера сами эти склянки представляли

целое состояние: «Два-пропинил-пепси»; «Новая Улучшенная Окси-Шаста-!-»[18]; «Пластырь-Сверхновая»; «7-CH3.S.C3H7-YX!»; «Клаб (K° + высокое напряжение) Сода»; «Феноловый тоник доктора Брауна[19]»; «1,3-гексадин-5-иновый Спрайт»; «4-n-гексил-резорцинол Д-р (Пеппер3)2»; «Кока (R.N +) Кола».



Шима обнаружил там бутылочку, стекло которой от действия света и времени приобрело занятный пурпурный оттенок: «Ультра-Вмиг-Эректол». Он попытался вытащить склянку из ячейки, чтобы проверить, не испарилось ли содержимое (стекло ведь пористое), но отдернул руку, получив дьявольски мощный электрический удар — гораздо сильнее, чем нужно бы для простого предупреждения.

---

[18] Примечания: 18

Шаста — калифорнийская хризантема.

[19] Примечания: 19

Браун — коричневый *(нем., англ.);* намек на умерщвление узников фенолом в фашистских концлагерях.

— Так, теперь понятно, почему тут до сих пор все не разнесли, — буркнул он, потирая руку. — Если бы я все равно попытался хапнуть бутылку, то — ставлю десять против одного — лишился бы руки. Хозяин этой аптеки, где бы он ни был, не собирается ничего разбазаривать… — Шима крикнул, — Эй, провиз! Есть тут кто? Господин Рубор! Господин Тумор! Или госпожа?

Стены испустили невнятное жужжание:

— Здравствуйте, я ваш Фармац. Чем могу… *шлеп-вззз-шлеп…* я ваш Фарм… *шлеп-вззз-шлеп-ввззз-ац…* Фар… *шлеп-вззз…* гу вам… *шлеп-вззз…* Здрав…

— Боже милостивый! — вырвалось у Шимы от изумления. — Это, черт бы ее побрал, компьютерная аптека двухтысячных годов, и все еще работает!

— Ац… *шлеп…* Фармац… *вззз…* Здравствуйте, яваш *вззз…*

— Ну, скажем, почти работает, но все равно это чудо какое-то. Интересно, откуда берется энергия.

— Фарма…

— Я хочу заказать по рецепту, Фармац, — заорал Шима, — если возможно. Сможете ли вы меня обслужить?

— Шиллинги… десять… наличными… в прорезь… *шлеп-вззз*…

— Шиллинги? Да их прекратили чеканить еще до того, как Ирландская Революционная Армия вышла из игры в…

— *Шлеп-вззз*… десять… наличными… *вззз*… прорезь…

Лампочка над прорезью (как на турникете) судорожно заморгала, требуя уплаты.

Шима озадачился: судя по виду прорези, ни одна монета в обращении к 2175 году туда бы не прошла. Он уже было повернулся к выходу, негодуя про себя, когда его осенило. Доктор задрал ногу и изо всей силы врезал по монетоприемнику каблуком.

— Преимущества высшего образования, — ухмыльнулся он. В студенческом общежитии на стенке возле телефона-автомата висел деревянный молоток — чтобы поберечь ноги.

— *Шлеп-вззз-шлеп*… Не обучен давать сдачу… Нет в программе. Можете *ввззз* по двум рецептам. *Шлеп. Я* ваш *вззз* мац. Чем могу *шлеп* вам?

— У меня необычный рецепт.

— Назовите лекарство *шлеп* наркотик микстура *вззз* эликсир *ввззззз* мазь припарка шлеп отрава яд *вззз* токсин…

— Я хочу то же средство, которое уже заказывали у Рубора Тумора.

— Назовите *шлеп* личность заказчик.

— Не могу, но зато могу сказать, что средство по рецепту делалось совершенно особое — содержащее прометий. П-Р-О-М-Е-Т-И-Й.

— Содержало ПРОМММММтий.

— Да, лантанид. Редкоземельный элемент.

— Группа *шлеп* из таблицы элементов. Атомный номер G1. Атомный вес *вззз.* Продукт распада урана. *Шлеп шлеп шлеп.* Требуйте справку описание рецепта.

— Требую справку о рецепте.

После короткого молчания раздался новый отчетливый голос — женщина деловито спросила:

— Справку о рецепте? Опустите десять шиллингов…

Шима снова лягнул автомат.

«В хвост тебя и в гриву», — посетовал он.

— Начиная с две тысячи сотого года описания…

— Нет-нет, — прервал Шима, — начните с последних записей и переходите ко все более ранним.

— Опустите десять шиллингов.

— Придется принести киянку! — рявкнул он и

снова лягнул.

Деловитой скороговоркой голос принялся читать рецепты из архива, сообщая дату, номер рецепта и состав выписанного средства. Шима терпеливо слушал долгий перечень со все нарастающим изумлением — старая свихнутая аптека работала без остановки! Интересно, что использовали заказчики вместо шиллингов? «Не могли же они все лягаться! — размышлял он. — Монетоприемник давно бы развалился». Наконец его слух уловил искомую волшебную тарабарщину:

— Хлорид прометия. Пятьдесят гран.

— Стоп! То, что нужно! — завопил доктор Шима и лягнул автомат прежде, чем его снова попросили о десяти шиллингах. — Имя и адрес заказчика.

Пауза. И вдруг:

— Жгун, Салем. 666[20], Адовы Врата.

— Так. Черт меня побери, — едва выговорил Шима. — Черт. Меня. Побери.

Идеалисты из КПССБ выстроили через пролив Адовы Врата дамбу наподобие той, что в Зюйдер-Зее, и дотянулии ее до устья реки Гудзон (ее еще называют Северной рекой, потому что она проте-

---

[20] Примечания: 20
Число Зверя, в Каббале обозначает Сатану.

кала к западу от старого Нью-Йорка. Одно из двух — либо у картографов в старину были паршивые компасы, либо они ненавидели Генри Гудзона).

Постройкой дамбы преследовали следующие три-цели:

— Воспрепятствовать попаданию соленой воды во время приливов в пресный Гудзон;

— Сберечь воды Гудзона исключительно для промышленных нужд;

— Обеспечить слив в гавань Нью-Йорка — в верхней и нижней ее частях — «горячих» стоков из атомной электростанции, построенной на дамбе.

Зануды-экологи приставали с вопросами" почему изводят все живое в гавани ради энергии, от которой людям ничего не достается; и почему, по крайней мере, теплом радиоактивных стоков не греют вечно мерзнущую Гиль.

Добряки из КПССБ терпеливо разъясняли, что это нецелесообразно из-за дороговизны, а уничтожение всего живого на литорали[21] и в океане на площади всего-то в несколько сотен квадратных километров — разве это существенно, если вот-вот наступит Светлое Будущее?

---

[21] Примечания: 21
Пограничная зона суши и океана.

Сооружение дамбы через Адовы Врата и Гудзон привело к любопытному эффекту: поднявшаяся на три метра вода затопила тысячи зданий, образовав множество маленьких островков и кочек по берегам водохранилища. Такая вот рукотворная Венеция. Несколько сотен частных домов еще уцелело или было построено заново на этих островках. Одним из таких элитных домов и был номер 666 в Адовых Вратах.

Это вовсе не был венецианский дворец. Тяжелое гранитное сооружение напоминало скорее небольшую крепость — казалось, что окна-амбразуры сделаны для прикрытия лучников. Подгребая на лодочке к причалу, Шима ощутил скрытую гнетущую угрозу, исходившую от замка. Гретхен тоже это почувствовала.

— Знаешь, Блэз, я легко могу представить, как из этого местечка возникает наш Голем-Сторукий-или-Какегобишь.

Он кивнул.

— Для полноты картины нужен еще горбун, который бы звал Жгуна Хозяином и по недомыслию приносил бы ему не те мозги.

Она улыбнулась.

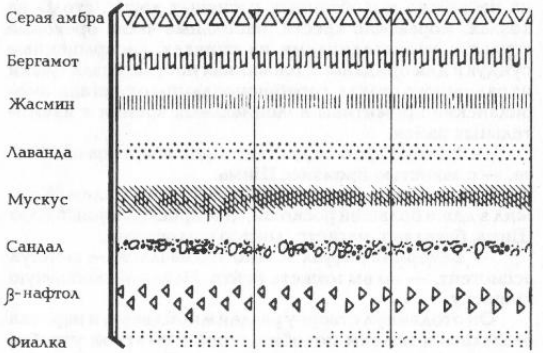
— Жалко, что день такой чудесный. По правилам должны быть гром и молнии.

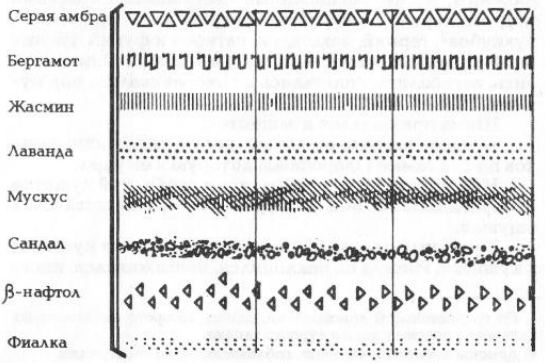
— Наверное, у Жгуна все это делается внутри.

Вопреки ожиданиям, анфилада приемных в доме № 666 по Адовым Вратам приятно удивила Шиму и Гретхен. Обстановка была в духе квакеров и трясунов[22]: полы

[22] Примечания: 22

Протестантские секты, среди прочего известные крайней скромностью в быту.





из небрежно подобранных сосновых досок, сто-

лы на козлах, моравские кресла, напольные часы, ореховые стулья с перекладинками на спинках, раскрашенные сундуки для приданого, оловянная посуда, безделушки из радужного стекла, серебряные лампы от Аргана, американские примитивы колониальных времен в изумительных рамах.

— В этом сарае не достает лишь оберегов от сглаза, — с завистью произнес Шима.

В глаза бросалось, что этот шарлатан Салем Жгун жил в даже большей роскоши, чем прославленный Блэз Шима, бакалавр, магистр, доктор философии.

— Вечерний ритуал только что начался, — шепнул ассистент, — но вы можете войти. Найдите свободную кушетку.

Он отодвинул створку раздвижной двери, и парочка оказалась в некоем подобии серой бархатной утробы, лишенной, казалось, стен и потолка. Повсюду в клубящейся полутьме были расставлены бархатные кушэтки, на которых возлежал кто-то неразличимый.

— Групповая терапкя? — шепотом спросила Гретхен.

В центре утробы извивались танцоры — дюжины и дюжины, нагие, расписанные светящимися

красками под вампиров, пожирателей мертвых, какодёмонов[23], суккубов[24], гарпий, людоедок, сатиров и фурий. На них были странные маски — спереди и сзади. Они светились, изгибались, сплетались и выворачивались под музыку.

Шима принюхался и зашептал:

— Черт возьми, он создал целую симфонию запахов по той гамме Одорофона, которую я ему дал.

На цыпочках они прокрались к свободной кушетке и опустились на нее, вглядываясь, прислушиваясь и ощущая.

Туманный силуэт психоманта скользил от кушетки к кушетке. Иногда он наклонялся, присаживался, иногда — опускался на колени; и все время что-то нашептывал простертым на ложах. Он, казалось, был вроде традиционно распоряжающегося на сцене персонажа традиционного японского театра — одетый в черное, тот скользит по сцене, и все условились, что его там нет и они его не видят. Наконец психомант приблизился к Шиме и Гретхен.

---

[23] Примечания: 23

По средневековой демонологии, демон, которого сопровождает появление повсюду кала и дурного запаха.

[24] Примечания: 24

Демоны в женском обличим, соблазняющие во сне мужчин.

— Доктор Шима, какой приятный сюрприз, — тихо сказал Жгун. — Аэто, вне всякого сомнения, моядосто-почтенная коллега, Гретхен Нунн. Я ошеломлен долгожданной честью встречи с вами, мадам.

— Благодарю, господин Жгун. Или следует сказать «доктор»?

— Никогда — только не в присутствии подлинного доктора Шимы. Я знаю свое место. Ну, как вам ваш Одорофон, доктор?

— Вы меня поразили, Жгун. Все прекрасно сочетается с балетом и оркестровой музыкой. А какова реакция пациентов?

— С полной отдачей, как видите. У них рухнули все барьеры. Они болтают без умолку о волшебстве запаха, танца, музыки, а я читаю красноречивые признания их тел. Не знаю уж, как и благодарить вас, доктор.

— Да Бога ради, всегда к вашим услугам. Мне ничего подобного и в голову не приходило.

— Еще раз благодарю. Извините, что приходится вас торопить, но меня ждут пациенты. Вы и мадам без единого слова даете мне понять, что вас привела сюда какая-то неотложная нужда. — Жгун перевел взгляд на Гретхен. — Фуга?

Она встретилась с ним взглядом:

— И да, и нет. Очень жаль, но мы не можем быть откровеннее.

— Понимаю, госпожа Нунн, однако как друг и коллега должен предупредить, что ваша соматическая речь поведала мне о смертельной опасности.

— Это так.

— И что же?

— Блэз вам расскажет.

— Господин Жгун, — осторожно начал Шима, — у нас возникла необходимость отследить продажу очень редкого элемента — прометия. Компания «Омни-Хим» сообщила мне, что вся торговля редкоземельными элементами сосредоточена в их руках и продавали они прометий только раз — Рубору Тумору, розничному торговцу из Гнойного тупика в Гили. Мы подняли отчетность у Рубора Тумора: там значится только одна продажа хлорида прометия — вам.

— Это так. И что же?

— Как и зачем вы его используете?

— Никак.

— Что?

— Именно так — не использую вообще.

— Так зачем вы его покупали?

— По просьбе одной пациентки.

— Женщины? — воскликнула Гретхен.

— Госпожа Нунн, дамы составляют большинство моих пациентов.

Шима продолжал гнуть свою линию:

— Она попросила именно о прометии?

— Вовсе нет. Она просила меня составить курение — совершенно новое, экзотическое, злокачественное, издающее сатанинский запах. Для постоянной и весьма выгодной клиентки я постарался как следует — с вами, доктор, можно всегда говорить прямо и начистоту. Я измыслил для нее вполне отвратную помойную пакость, а Рубор Тумор изготовил состав по моей прописи. Я сунул в смесь пригоршню непривычных химикалиев, которые отыскал в своих книгах, в том числе и хлорид прометия.

— И вы отдали состав клиентке?

— Ну естественно!

— Господин Жгун, мне до крайности неприятно, но я вынужден…

— Прошу вас, доктор, — прервал его Жгун. — Самым недвусмысленным образом вы и госпожа Нунн свидетельствуете о том, что у вас жесточайший кризис. Безусловно, ради коллег я готов нарушить этику. Прошу только, чтобы вы не разгласили источника вашей информации.

— Клянусь, за нас обоих, — сказала Гретхен.

— А в особенности — ни слова субадару Индъдни.

Гретхен и Шима уставились на него.

— Как, черт побери… — начала Гретхен, потом вдруг судорожно прикрыла рот ладошкой.

Жгун улыбнулся ей.

— Как-нибудь, мадам, я смогу научить вас тонкостям соматической речи. — Когда он повернулся к Шиме, во взгляде его мелькнуло что-то странное. — Моя клиентка — это Ильдефонса Лафферти. Ее адрес есть в справочнике для Гили.

Шима хотел что-то сказать, но не смог. Гретхен всматривалась в его лицо, пока он старался прийти в себя.

— Нет, ничего… все в порядке… — бормотал Блэз, ясно понимая, что никого ему не обмануть. — *Я*… просто я хотел выяснить… спросить, как… как господинЖгун… как он расплачивался с Рубором Тумором. Нигде сейчас не найти шиллингов.

— Я делал бляшки из сухого льда, — улыбнулся Жгун. — Да не волнуйтесь так, доктор. Я никому не расскажу о признаниях Ильдефонсы Лафферти. Вы сами расскажете госпоже Нунн ровно столько, сколько сочтете нужным.

Глава 10

— Тебе придется взять ее на себя, Гретх. Я не могу ее видеть. Не хватит духу.

Они шли по Пассажу — надежно охраняемому полицией длинному бульвару в Гили, с шикарными магазинами по сторонам. Здесь разрешалось передвижение только пешеходам. Допускались только покупатели с удостоверениями класса А.

Шима был очень расстроен. Гретхен пыталась успокоить его и удовлетворить свое любопытство.

— Ну что такое, малыш? У тебя что-то было с Ильдефонсой Лафферти? Да?

— Два года назад. Девушка из Ипанемы.

— Ипанема — это должно что-то мне говорить?

— Сотни лет назад был очень популярный шлягер о девушке на пляже, которая не смотрит на влюбленного в нее парня. Чудесная песенка.

— Ильдефонса тоже чудесная?

— Мне так казалось.

— Тогда почему этот crise de nerfs[25]? У тебя была куча баб.

---

[25] Примечания: 25
Истерика *(фр.).*

— Все — до встречи с тобой, и не так уж и много.

— Ты и на других так же реагируешь? Не можешь, духу не хватит?

— Я их даже по именам не вспомню.

— Так что такого особенного в мадам Лафферти?

— Она меня убила.

— Это была любовь?

— Для меня — да.

— Так и осталось?

— Если я все еще умираю — это любовь?

— Любовь не должна убивать.

Некоторое время они шли молча, неторопливо пробираясь в толпе спешащих за покупками. Вдруг Шима заговорил — быстрым шепотом, отводя глаза, словно признаваясь в чем-то постыдном:

— В сороковых годах в Джонстауне… я был тогда ребенком…

— Джонстаун в сороковых? Тогда был пятый потоп?

— Ну да, но я о другом. Мой дед — я его звал Дедул — вдруг решил, что не доживет до того времени, когда я вырасту, и решил довольно зверским методом узнать мое будущее.

— Как?

— Он дал мне пятидесятифранковик. Золотой.

— Франки?

— Ну да, Дедул у меня был по французской линии. В те годы на золотой в пятьдесят франков можно было купить как… ну как на сто компьютерных кредитов сейчас. Для мальчика — целое состояние.

— А в чем же зверство?

— Монета была фальшивкой.

— Боже! А он знал?

— Ну ясно, знал. Он это сделал нарочно, чтобы посмотреть, как я поведу себя, когда обнаружу подделку: попытаюсь всучить ее, продать, обменять, стану просить у него настоящую монету, стукну на него куда следует, ну не знаю, что еще.

— И что ты?

— Ничего. Когда я понял, что его подарок — фальшивка, мне стало больно, я был разочарован, но так ничего с этим и не сделал. Я засунул монету в ящик и ничего о ней не говорил. Дедул очень расстроился. Он сказал: «Ah, le pauvre petit[26] никогда не сможет отражать удары судьбы».

Шима замолк. Подождав, Гретхен спросила:

---

[26] Примечания: 26
Бедный малыш *(фр.)*.

— К чему это ты?

— Я размышлял. Я очень хотел, я верил, что Ильдефонса дарит мне настоящее золото, а в ответ я дарил ей все, что мог.

— Ну да, включая любимый бриллиант! — с ревнивой резкостью бросила Гретхен.

— Я стараюсь дать тебе больше, чем бриллиант. Я старался и ей дать больше, но она была как та фальшивая монета. Подделкой. Я ее тоже засунул поглубже в ящик. Я не могу достать ее снова.

— Так что, за этим блестящим, гениальным, остроумным фасадом — всего лишь бедный романтик, schnook[27]?

— Я не держу удар — потому и прячусь всю жизнь за стенами лаборатории. Есть только одна достоверная вещь в мире — Третий закон Ньютона о юморе. Для каждой шутки есть равная по величине и противоположно направленная боль.

Гретхен поцеловала его в щеку.

— Обещаю, что буду с тобой очень-очень добра и ласкова. Я беру на себя эту сучку Ильдефонсу.

— Она жесткая баба из Ипанемы, Гретх. Ее так просто не расколешь. Чувств у нее нет никаких,

---

[27] Примечания: 27
Простак *(идиш).*

я-то знаю.

— Не мытьем, так катаньем я получу то, что нам нужно. А ты держи тот ящик запертым, ладно? Еще лучше — выброси ключ.

* * *

Ильдефонса Лафферти была готовой мишенью для атаки. Гретхен все поняла и спокойно поместила ее на полочку за один молниеносный взгляд, которым она ее царапнула — так, как могут только женщины. Крашеные ярко-рыжие волосы, хотя совершенно явно она была натуральной рыжей — об этом свидетельствовали и молочно-белая кожа, и брови, и ресницы] и холмик Венеры, просвечивавший сквозь прозрачное белое одеяние. («*Выставилась напоказ! Дешевка!*») Среднего роста. Аппетитная. Выпяченные сочные груди. *(«Ей бы сбросить пяток килограммов».)* Самоуверенная. Вызывающая. Так и сияет — чем? («*ChutzpahИ Отвратительная. Как Блэз только мог?..*»)

— Ну? Что ты увидела? — с вызовом спросила Ильдефонса.

Гретхен приняла брошенную перчатку:

— Что ты — открытое приглашение насильнику.

— Спасибо, но лесть тебе не поможет. Заходи. Гретхен Бунн, не так ли? (О приходе Гретхен точно и внятно сообщила снизу охрана Оазиса.) Заходи же, Гретхен Бунн.

«Блэз прав — с этой штучкой будет нелегко».

Ильдефонса провела Гретхен из зеркальной прихожей в громадную гостиную странного и увлекательного вида. Повсюду были расставлены подсвеченные витрины, набитые удивительными собраниями солнечных часов, слуховых рожков, тростей, спичечных коробков с порнухой на этикетках, презервативов, посмертных масок, собачьих ошейников. Однако детали выглядели смазанными в присутствии самой обольстительницы. Ее полыхание затмевало все вокруг, о чем она сама знала очень хорошо. Гретхен, однако, получила удовольствие, видя, что, несмотря на ошеломляюще богатые природные дары этой fata Morgana[28], ей недоставало изящества движений. *«Плохая координация, но, вероятно, не в постели».*

Отвечая на предыдущее замечание Гретхен о насильнике, Ильдефонса сказала:

— Я их сначала заманиваю в лежачее положе-

---

[28] Примечания: 28

Мираж, наваждение. По имени феи Морганы, героини артуровского цикла.

ние, а обвинения откладываю на потом — если выступление не оправдает ожиданий.

— Вполне верю.

— Да уж, можешь поверить.

— И я уверена, что ты используешь самые высокие мерки.

— Почему бы и нет? Я это заслужила. — Ильдефонса равнодушно созерцала Гретхен. — А вот о тебе я бы сказала, что ты — открытое приглашение вьющемуся растению.

— Да, мне нравится, когда меня окутывают.

— Чем? Мужчиной? Женщиной? Бобами? Лозой?

— Мне никогда не удавалось словить кайф на хлорофилле. Только мужчины.

— Ну что ж, хорошо, что множественное число. Ты не безнадежна, госпожа Фунн.

— Нунн, Гретхен Нунн. Небезнадежна? По-твоему, я нуждаюсь в расширении кругозора?

— Твой кругозор необходимо разъянить[29].

— А, так ты знакома с жаргоном Гили.

— Достаточно, чтобы понимать, что к чему.

«Эти сексуальные потягушки ничего мне не дадут; она в таких делах собаку съела. Попытаемся

---

[29] Примечания: 29

От «янь» — мужское начало в восточной философии.

подласт итъся».

— Это так справедливо, госпожаЛафферти, что я…

— Зови меня по имени, детка.

— Благодарю вас, Ильдефонса. Я пришла, чтобы разъянить мой кругозор.

— Ко мне? Извини, детка, но я не кайфую от лесбийских штучек.

— Нет, не в этом смысле. Я пришла к Венере-Ловушке за советом.

— Ловушке? Ну и нахалка! Да ты знаешь, что у этой рыжей красотки есть настоящие МОЗГИ!

«Ох/ *Да она и по темпераменту настоящая рыжая! Берегись!»*

Гретхен улыбнулась.

— Рыжее — это действительно красиво. Мне-то, хочешь не хочешь, приходится ставить на черное.

— Да уж. — Ильдефонса механически улыбнулась и вдруг запела — пронзительным, как свистулька из стручка, голосом: — «Только длинная, стройная, черная красотка для проповедника с Библией верная заводка…»

Гретхен с жаром захлопала в ладоши.

— Боженьки! Где ты подцепила это сокровище?

— От длинного стройного черного жеребца.

— Как это подходит мне! Спасибо. Знаешь, сегодня и вправду мой счастливый день. Я почувствовала, что так и будет, когда прямо с утра подряд выиграла трижды по шесть, ставя на черное.

— Трижды шесть — восемнадцать. Неплохой счет.

— А если шесть сотен и шестьдесят шесть?

Ильдефонса помотала головой.

— И не мечтай. Не родился еще жеребец, который пройдет такую дистанцию.

— Если кто и сможет, то только с тобой.

— Не ревнуй к более опытным, детка.

«Проехало. Я у нее не связалась с домом 666 в Адовых Вратах. Я сдержала обещание прикрыть Жгуна. Ну за дело — получим от нее, что собирались!»

— Нет, Ильдефонса, я не ревную. Просто завидую.

— Имеешь право.

— Мне не везет с мужчинами так, как тебе.

Ильдефонса фыркнула:

— При чем тут везение!

— Вот я и пошла за своим заветным числом в Гнойный тупик, номер восемнадцать, в аптеку

Рубора Тубора.

— Какую аптеку? Рубор Тумор? Никогда не слышала — что за шкодное имя!

— Как так Не слышала, Ильдефонса?

— Я что тебе, деточка, вру?

— Нет-нет, погоди. Я попросила средство для воспламенения мужчин.

— Ты не шутишь?

— Нисколько. Рубор Тумор сказал, что такое средство они готовили для тебя.

— А уж это вранье! Я в таком не нуждаюсь. — Ильдефонса наморщила белоснежный лоб. — Какая-то дурацкая ошибка. Или они тебя просто поддели. Я никогда там не была. Я и не знала об этой аптеке, пока ты мне вот сейчас о ней не сказала. Над тобой подшутили, точно.

— Рубор Тумор уверял, что они состряпали для тебя сексуальное курение, от которого мужчины возбуждаются.

— Что такое? Какое сексуальное курение?

— Так они сказали, и поэтому я к тебе пришла… спросить, что это и как этим пользоваться… Мне любая помощь пригодится.

— Никогда в жизни я… — Ильдефонса замолчала на полуслове, задумалась и вдруг расхохоталась. — Ну конечно. Наверняка так и было — он

сказал им, что курения для меня. — Она тепло улыбнулась Гретхен. — Спасибо тебе, я тысячу лет так не смеялась.

— Он? Кто, Ильдефонса? Я ничего не понимаю!

Рыжая красавица смягчилась настолько, что в ее чувствах произошел полный переворот и она сделалась почти ласковой:

— Не важно, кто, душка. Моя тайна. Но я могу сказать, что не собиралась приманивать этим курением мужчин. Требовалось средство для приманки… Нет, ты мне все равно так просто не поверишь. Я тебе лучше покажу. Сегодня слет в улье, и я тебя возьму с собой. Нас развлечет новое лицо, и, кто знает, ты, может быть, захочешь к нам присоединиться. У меня такое чувство, что ты как раз нам подходишь.

— Погоди, не так быстро. Что все это значит? Слет? Улей? Какое развлечение? Кому?

— Ты скоро все узнаешь, Гретхен, включая «сексуальные» в кавычках курения, — хихикнула Ильдефонса, — но пока никаких вопросов. Мы позавтракаем вместе и двинемся в улей.

* * *

Квартира была стильно и ностальгически обставлена в авангардистском коммунистическом

духе, присущем Старому Нью-Йорку 1930-х годов. Целого состояния потребовала переделка под коммунальную квартиру с обшарпанным линолеумом на полу, фруктовыми ящиками и старыми бочонками вместо мебели — проект и исполнение фирмы «Антик-Пластик». Занавеси из дерюги на окнах, керосиновые лампы на подставках из стопок книг, дребезжащее пианино, старые кухонные столы из настоящего дерева, застеленные передовицами из «Дэйли Уоркер»[30]. На стенах кнопками приколоты плакаты с Марксом, Лениным., Кремлем и Московским университетом. Эта подделка под левацкий нищий быт стоила сумасшедших денег — не совсем улей, верно?

Дамы-пчелки уже собрались, когда Ильдефонса Лафферти провела Гретхен в гостиную. Их появление было встречено радостным изумлением.

— Нелли, душенька, ты привела новенькую! Просто чудно! Она будет с нами?

— Если захочет, Реджина. Это — Гретхен Нунн. Гретхен, это Реджина, наша Царица пчел (напротив номера квартиры внизу в холле значилось «Уинифрид Эшли»).

---

[30] Примечания: 30
Газета компартии Великобритании.

— Добрый день и прошу быть как дома, ЧК, — прозвучал дивный мелодичный голос Реджины. Это была крупная дама, аристократически изящная в своем просторном одеянии.

— ЧК? — удивилась Гретхен.

— Ах, простите меня, дорогая! Вы такая обворожительная Черная Красавица, что прозвище само вырвалось у меня. Позвольте представить вас новым подругам. С Нелл Гвин вы уже знакомы, разумеется. Эта дама — Мери Наобум, — Реджина указала на тоненькую девушку, светлые волосы которой были подстрижены как шлем, а фигура и ноги выдавали танцовщицу.

— Привет, ЧК, очень рада познакомиться, — отозвалась Мери.

К ним подошла маленькая плотная женщина с живыми голубыми глазами и аффектированными манерами.

— Я просто НЕ ДОЖДУСЬ, когда меня представят, ЧК! Я ДОЛЖНА пожать вам руку и поприветствовать вас! АХ! Ах! Ах! КАК, о как я по-РЫВ-иста!

— Сара Душерыжка, — усмехнулась Реджина, — наша несомненная дива. А вот эта дама — наша совесть.

Барышня Гули показалась Гретхен сошедшей со страниц «Алисы». Ее ну-такой-девичий лепет был

очень мил и, похоже, помогал скрыть заикание.

— Как хорошо, что нас формально представляют, ЧК. Надеюсь, вы к нам присоединитесь. Новый человек заставит их вести себя прилично. У них ужасные манеры! А как они сквернословят!

— Да я и сама иногда прибегаю к жаргону улиц Гили, — с улыбкой отвечала Гретхен.

— ЧК, где вы раздобыли эту клевую tuta[31]? — властно вмешалась здоровенная мужеподобная тетка. — Моя гораздо хуже, а взяли за нее кучу денег. И уж в паху я ею все стерла!

— Прошу тебя, Ента, — взмолилась Гули. — Обойдемся без таких слов в нашей компании!

— Ты слышишь вполуха, — заметила Нелл Гвин.

Мери Наобум засомневалась:

— Вполуха или впахуя?

— Да, ты права, Нелл, звучит почти одинаково.

Реджина захихикала.

— Та, у которой непорядок с tuta, — Ента Калента. Она может попытаться тебя надуть. А это — наши близнецы, Угадай и Откатай.

Два одинаковых экземпляра одной женщины:

---

[31] Примечания: 31
Туземная набедренная повязка.

жгуче-черные волосы, белая-пребелая кожа, точь-в-точь прекрасная рабыня-гречанка в «Монте-Кристо», — улыбнулись и кивнули Гретхен.

— Привет, ЧК. Я — Угадай.

— Вовсе нет, ты — Откатай. В эту неделю моя очередь быть Угадай. Привет, ЧК.

— Они меняются местами, — пояснила Нелл. — Я поспорила с Ентой, что мужья заметят подмену. Эти двое — идентичные близнецы, но они не могут оставаться идентичными в постели, верно?

— Разумеется, Нелл. Все женщины разные.

— Так я проиграла пари?

— Нет, пари отменяется.

— Почему?

— Психодинамика человеческого поведения. Мужья, наверное, уже заметили подмену, но им тоже это понравилось, поэтому они и держат язык за зубами. Гораздо более занятный вопрос, поделились ли мужья тем, что знают о подмене, друг с другом, но тут я пас.

Нелл Гвин с ужасом взглянула на Гретхен:

— Реджина, на помощь! Я привела в улей интеллектуалку!

— Но это же прелестно! Располагайся уютнее, ЧК. Познакомимся поближе. Пи-девка, где кофе! — И вновь повернувшись к Гретхен: — Очень

удачно, что появился кто-то со свежими мозгами, потому что мы уже выдохлись — нам не придумать, чем развлечь себя.

— Она из-за этого и пришла, Реджина, — чтобы разузнать об одной из наших игр.

— Вот как? О какой же?

— Она еще не знает — я привела ее, чтобы все ей показать.

— Что-то сложновато, — усмехнулась Реджина. — ЧК, наверное, будет лучше, если ты сама пояснишь.

Гретхен заколебалась: продолжать легенду, которую она преподнесла рыжей, или сказать правду. Победила ложь.

— В Гнойном тупике есть аптека «Рубор Тумор».

— Это опять грязные слова? — осведомилась барышня Гули.

— Почему вдруг? — опешила Нелл.

— Мне кажется.

— Ты не так уж не права, Гули, — засмеялась Гретхен. — Рубор и тумор ассоциируются с чем-то упругим или тугим — «тургор», другим словом.

— Какой ум! Потрясающе!

— Кто-нибудь знает слова, которые употребляет

ЧК?

— Не имеет значения, — улыбнулась Гретхен. — У меня слова иногда просто сами выскакивают — непонятно как, и я их тоже не понимаю. Может быть, у меня есть неведомый близнец, и, как только я отвлекусь, она начинает действовать.

— Ах, она мне нравится! ОЧЕНЬ! У нее душа настоящего художника!

— А ТЫ говоришь ЕМУ такие слова за моей спиной? — выпалила Угадай (или Откатай) в лицо Откатай (или Угадай).

— А вот и кофе, — тактично прервала их Реджина, когда служанка Пи-рожа вкатила столик на колесах. — Сначала гостье, Пи.

Столик подкатили к Гретхен. Она взглянула и замерла от восторга — центр стола украшала глыба чистого льда с заточенной внутри розой. Когда она получила свой кофе, столик подвезли к Реджине, которая изящно коснулась ладонями поверхности льда, а потом обсушила руки салфеткой. Лишь после этого она приняла чашку с кофе.

Гретхен с трудом удержалась от восклицания. «Так это полоскательница! Фантастическая роскошь! — подумала она. — Хорошо, что Блэза здесь нет — он бы просто с ума сошел!»

— Ну а теперь, милая ЧК, что там за таинственная и сложная история с аптеками и забавами?

— Пустяки, Реджина. У Рубора Тумора делали экзотическое курение для вашей Нелл Гвин. Я поспешно заключила, что экзотическое — значит, эротическое, и пришла ее расспросить об этом сегодня утром.

— Но зачем тебе, ЧК?

— Ей кажется, что у нее с этим трудности, Реджина.

— С чем? С сексом, Нелл?

— Так она думает.

— Такая Черная Красотка, как ты, ЧК? — вмешалась Ента. — Да я бы махнулась…

— Нет, Ента, не сейчас, милая, — прервала ее Реджина. — У всех нас есть свои личные проблемы, и не надо вмешиваться. Что случилось дальше, ЧК?

— Нелл засмеялась и сказала, что курение было не для привораживания мужчин, а совсем для другого, но не сказала — чего. Потом она накормила меня чудесным завтраком и привела сюда, чтобы я узнала обо всем сама.

Реджина тихо засмеялась.

— Ну конечно, для призывания Дьявола.

— Как? Дьявола?

— Я же говорила, что ты мне ни за что не поверишь, — сказала Нелл.

— Мы так развлекались, ЧК. Пытались вызвать Дьявола всякими сатанинскими песнопениями и обрядами. Мы прочитали все злокозненные книги и выучили наизусть разные чудовищные заклинания. Нелл добыла нам все зловония — среди них и то курение, — и [мы снова и снова пытались…

Барышня Гули скривила личико.

— Хуже всего была эта мерзкая Десница Славы, ЧК. Грязь! Непристойность! Рука казненного преступника, в которой зажата свеча из жира дэ-йе-вэ-и-це-ы. Фу!

— Это все, Реджина? Просто вы развлекались, пытаясь вызвать Дьявола?

— Все, ЧК.

— А курением вы хотели его привлечь?

— Да, наряду с другими сценическими эффектами. — Реджина шутливо надула губки. — Сколько труда — и все зря!

— И вас было только восемь?

— Да, если не считать Пи. Она отказалась участвовать. Перепугалась, наверное. — Реджина снисходительно улыбнулась. — Люди ее класса все еще подвержены старинным предрассудкам.

— И у вас никого не было в гостях?

— Нет, никого — мы не зовем посторонних на наши игры.

Гретхен приветливо улыбнулась.

— Ну и как результат? Был ли явлен вам Сатана?

— Нет, ЧК, ни малейшего признака чего-то такого. Сара, правда, утверждает, что ей стало не по себе при чтении заклинания-Призыва.

— НЕ «не по себе», а «сама НЕ СВОЯ»!!! Огромный и туманный знак высокой страсти, как у Джона Китса.

Гретхен заколебалась, но решила рискнуть. Дамы-пчелки так открыто выказывали свое дружелюбие… Она поджала губы и сурово покачала головой.

— Знаете что, — веско уронила она, — мне что-то не верится.

— Что не верится, душенька? — спросила Реджина.

— Что все ваши усилия ничем не кончились — экзотически или эротически. В составе курения столько затейливого и дорогого, что уж кого-то вы должны были вызвать, пусть даже не Сатану.

— Если она говорит то, что я думаю, — начала Нелл Гвин, — то мы раздели бы мужика догола

и…

— И все, Нелл, — твердо сказала Реджина. Она снова повернулась к Гретхен: — Хорошо бы, ЧК, но ничего у нас не вышло. Ничегошеньки.

— УВЫ! Ах! Горе нам!

— Вы уверены, Реджина?

— Совершенно уверена.

— И мы все подтвердим.

— Угадай и Откатай не в расколе.

Неясные конструкции и образы зароились в сознании Гретхен — заявил о себе архитектонический инстинкт… Восемь дам были такими миленькими, занятными, любезными, но что за этим скрыто? «Третий закон Ньютона, любезно предоставленный нам Блэзом Шимой, — подумала она. — На любое очарование есть равное по величине и противоположно направленное — что?»

Вслух же она сказала:

— А знаете, Реджина, я бы хотела это увидеть своими глазами.

— Наш нечестивый обряд?

— Да, понаблюдать за вами.

— Но это же просто развлечение, ЧК.

Гретхен сказала с ударением:

— Это, видите ли, может оказаться гораздо се-

рьезнее, нежели просто забава.

— Ну что за ерунда!

— Нет-нет, послушайте, все послушайте! Может быть, что-то и *происходит*, но вы этого не замечаете, потому что слишком увлечены самим ритуалом. Как говорится, помните, что за деревьями не видишь леса. Ну дайте же мне посмотреть со стороны!

Барышня Гули начала заикаться от смущения:

— Р-реджина, м-мы же не хотим, ч-чтобы нас видели п-п-посторонние!

— ЧК не совсем посторонняя, Гули. Она наша новая подруга… очень simpatico[32]…

— Нам она всем очень нравится и мы принимаем ее как свою.

— Д-да, конечно. Л-ладно. Н-но она н-новенькая, и м-мы все б-б-будем стесняться.

— КТО? Я? С-А-Р-А будет стесняться?! НИКОГДА!

— Но, Сара, может быть, Гули и права! — примирительно сказала Реджина. — Тем не менее, возможно, ЧК *тоже* права. Мы слишком были поглощены самим ритуалом, чтобы обратить внимание на результат.

Нелли Гвин усомнилась:

---

[32] Примечания: 32
Милая, приятная *(исп.).*

— Вот уж не думала, что Дьявол проскользнет тишком, как сопляк, засидевшийся у подружки. Мне казалось, что он появится с помпой, будто щеголь эпохи Регентства, с циничным смехом на устах, в дыму и пламени.

Гретхен ответила с улыбкой, чтс Сатана, наверное, сам выбирает, как ему являться.

— ЧК права, п-р-а-в-а, ПРАВА! Незаметное появление — очень СЦЕНИЧНО!

Ента проворчала, что от еврейских слов сзаду наперед точно можно оглохнуть и ослепнуть.

Двойняшки снова присоединились к большинству:

— ЧК права, Реджина. Мы так захлопотались, что ничего не замечали вокруг. Голосуем за назначение ее наблюдателем.

— Так не получится, Угадай.

— Я Откатай!

— Ну разумеется. Извини, милочка. ЧК должна принять участие в обряде, чтобы нам не было неловко. Но все роли уже распределены.

В напряженном молчании слышно было, как у всех завертелись шестеренки. Внезапно Сара Душерыжка величественно выпрямилась во весь рост, как статуя Правосудия (правда, без повязки на глазах и весов). Гретхен с трудом удержалась

от смеха, и Реджина подмигнула ей.

— Дамы, внемлите! ВНЕМЛИТЕ ВСЕ!

— Осторожно с лампой, Сара.

— Я! нашла реш-ше-ени-и-е нашей П!РЮ!Б!Л!Е!М!ЫП

— Не заставляй же нас ждать.

— А ЧЕМ, я вас умоляю, будет Т-Е-А-Т-Р без напряженного 0!Ж!И!Д!А!Н!И!Я? Вот в чем божественная пытка! Но — в сторону. Вот мое решение. Пусть ЧК держит эту (Бр-р!) «Десницу Славы» (Тьфу!) Ну, mesdames, что вы на ЭТО скажете?

Дамы разразились аплодисментами.

— Браво, Сара, — рассмеялась Реджина, — ты нашла ответ. А теперь все — мы должны серьезно и сосредоточенно предаться злу. Пи-девка! Убери со стола. Достань пентакль, свечи и вонизмы. Мы опять станем призывать Дьявола.

Глава 11

— Так нитчефо и не слутчилосс, Гретч?

— Нитчефо.

— Проклятье!

— Не было проклятья. Не было демонического хохота. Не было Сатаны.

Шима скосил на нее глаза и взревел:

— GEWERKSCHAFTSWESEN! OZONHALTIG![33]

— Это еще что за чертовщина?!

— Взрыв сатанинского хохота, как я себе его представляю, — ухмыльнулся он.

— Больше смахивает на либретто, заблудившееся в поисках Рихарда Вагнера. Ты что, в самом деле ожидал, что я смогу рассказать тебе, как нам явился Дьявол?

— Нет, конечно, но я надеялся хоть на какой-то проблеск реальности — например, появление парочки бабуинов вроде тех наших громил, которые захотели бы принять участие в веселье. В этом доме, где Уинифрид Эшли, ошивались какие-нибудь типчики?

— Ни Боже мой, отлично охраняемый Оазис.

---

[33] Примечания: 33

Ведение профсоюзного собрания! Озоносодержащий! *(нем.).*

— Подмазанные слуги, а?

— Девчонка с кислой физией — единственная прислуга, и она слишком забитая, чтобы решиться принять какое-то предложение.

— Твои пчелки среди прочего жгли это курение от Салема Жгуна — с прометием?

— Угу. Нелли Гвин — твоя сексапилка Ильдефонса Лафферти — все время на меня заговорщицки поглядывала и строила рожи, а Реджина разозлилась, потому что для Нелл — все шуточки и нет в ней должной преданности Люциферу.

— Пчелки как-то воспринимали эту дрянь с Рт?

— Не-а.

— Ты?

— Не-а.

— Может быть, ты мне объяснишь в порядке любезности, как Рт с их чародейной вечеринки попал в скелеты хулиганов?

— С легкостью — отнес наш Голем.

— Он что, там был?

— Нет.

— Как он его раздобыл?

— Неизвестно.

— Как он его унес?

— Неизвестно.

— Зачем он его взял?

— Неведомо.

— Ты можешь мне разъяснить в доступной форме, какое отношение наш Сторукий-Голем-или-Какеготам имеет к твоим дамам-пчелкам и к их игрушечным шабашам?

— Ни малейшего представления.

— Может быть, он там где-то за кулисами околачивался?

— Может быть.

— Зачем?

— Ни малейшего.

— Где?

— Ответ тот же.

— Просто руки опускаются, Гретх. Я-то уж подумал, что мы наконец приближаемся к решению — пусть хоть какому-то.

Шима так расстроился и пал духом от разочарования, что в голове у него промелькнули слова дедушки: «Ah, le pauvre petit. Он никогда не сможет отражать удары судьбы».

Гретхен пыталась его утешить:

— Но может, разгадка и вправду близка, Блэз. Вдруг она там, у них, только я ее еще не опознала? Я опять пойду в улей.

— А тебя пустят? — безучастно спросил он.

— Они меня пригласили — они приняли меня.

— Тебе так надо зря терять время?

— Да, и по двум причинам: я сама хочу, и я чувствую, что это необходимо.

— Необходимо?

— Психотехника мне не дает покоя, Блэз. Я нутром чую, что в этих дамочках таится какая-то зловещая гниль, где-то там, в глубине.

У Шимы затеплился интерес.

— Такое же гнилое, как наш Сторукий-итак-далее?

— Может быть, что и так. Не знаю. Нужно узнать.

— Угу-м. Но ты сказала, что сама хочешь?

— Да. Они очень понравились мне, Блэз. Все они — личности, непохожие друг на друга, в них есть изюминка, прелесть новизны.

— Только не в госпоже из Ипанемы, — угрюмо заметил он.

— Да, наверное, для того слюнтяя, который был влюблен в нее и спрятал память о ней глубоко в ящик, но у женщин другой взгляд. Она — прелестный шарж.

— Ну да, на человечество.

— Что ты! Нелли очень человечна — она все лишь изображает представление школьницы о

femme fatale[34].

— Гретхен молниеносно спародировала неуклюжую манеру Ильдефонсы якобы соблазнительно изгибаться.

Шима рассмеялся.

— Но я всегда считал, что этот тип женщины — обязательно высокая красивая брюнетка… вроде той Енты Каленты, как ты мне ее описала.

— Ни-ни, она лесбиянка.

— Тогда эктриса-manquee[35]? Воплощенная страстность, как ты рассказывала, горящие голубые глаза?

— Сара Душерыжка. Нет, она может только вызвать смех. Нельзя разыгрывать комедию и роковую женщину одновременно.

— Черно-белые близнецы, похожие на парочку обольстительных греческих наложниц?

— Угадай и Откатай. Слишком холодные и упрямые. Они всегда в расколе, в раздрае, в отказе, в несознанке…

— Да-да, и меняются местами.

— Барышня Гули шепелявит и заикается. Очень мило, но я как-то не вижу Алису из Страны Чудес

---

[34] Примечания: 34
Роковая женщина *(фр.)*.

[35] Примечания: 35
Непризнанная *(фр.)*.

в роли роковой женщины. Мери Наобум — просто славная глупенькая киска.

— Это блондинка с волосами как шлем и телом танцовщицы?

— Ага. Но все же требуются мозги, чтобы наповал уложить мужика.

— У Ре джины есть мозги.

— Она чересчур почтенная и величавая.

— Ты же говорила, что она тебе подмигнула.

— Ну да, у нее есть чувство юмора, но уж так, «как в приличном обществе, милочка». Нет-нет, я не пытаюсь ее принизить — она милостивая и благодетельная королева, и без ума от лорда Нельсона.

— Лорда?.. Ах да, адмирал.

— Хорейшо, лорд Нельсон. Он крутил безумный роман с леди Гамильтон, который питал все бульварные листки того времени (тысяча семьсот восьмидесятые). Битый час Реджина читала мне любовные письма Нельсона к Эмме Гамильтон.

— А служанка с уксусной мордахой исключается?

— Вне всякого сомнения. В чем дело, Блэз? Неужели тебя так занимает конструкция femme fatale?

— Любопытно, как живет этот улей, вот и все.

— Все, как же! Давай, колись!

— Ты видишь меня насквозь, как всегда.

— А ты прозрачный.

— Я пытался оценить вероятность того, что одна из твоих пчелок как-то связана с гангстерами из Гили.

— Ясно. Ну что ж, возможно.

— Кто? Пи?

— Нет. Я.

— Ты?

— Ну конечно. Я теперь тоже дама-пчелка, и у меня есть очень неподходящие гнусные знакомства — по моей работе.

— Вроде меня?

— Вроде господина Хоча.

Шима глубоко вдохнул, задержал дыхание и с шумом выдохнул.

— Лучше бы ты так не шутила.

— Хорошо, без дураков: остается факт, что мы все запутались в какой-то странной сети — ты, я, господин Хоч, громилы, прометий, Индъдни, улей и Голем[100].

— Голем-сто? Почему ты его так называешь?

— По всему выходит, что он — полиморф, то есть может принимать сотню разных обличий.

Шима вздохнул.

— Хорошо бы удрать на Марс, колыбель мужей.

— Если ты хочешь прятаться от житейских тумаков, детка, то почему не на Венеру — до нее тоже долгий путь.

— Ah, le pauvre petit? Ты права, — признал Шима, нехотя улыбаясь. Он взял себя в руки. — Какой дальше план действий? Ты отправляешься в улей, чтобы слегка поворожить, да? А я? Ich? Moi?

— Ты подкатись к субадару Индъдни.

— Ах вот как, я подкатись! Зачем бы это?

— А за информацией. Я хочу знать, есть ли хоть какая-то связь между шабашами в улье и зверствами Голема[100]. Во времени. В пространстве. Пусть хоть самая ничтожная, но связь. И кстати, держи эту Рт-гадость под семью замками у себя в лаборатории. Установи сигнализацию.

— Это еще зачем, ради всего святого?

— А вдруг Голем — еще и торчок в своей милой неподражаемой манере?

— Тащится от прометия?

— Ну а вдруг, Блэз? Я просто цепляюсь за соломинки. Вдруг ему невмоготу станет без свежей дозы, и он пойдет грабить кубышку в «ФФФ». Преврати свой запас Рш в приманку. Может быть, что-то занятненькое поймается…

Шима устало покачал головой.

— Если этот долбаный полиморф прошел и вышел через твою надежно запертую дверь, то какого хрена я могу сделать, чтобы его изловить?

— Что? Недавно еще великий Блэз Шима, бакалавр, магистр и доктор философии? Блестящий изобретатель секретного заказного оружия, за которое субадар Индъдни даст себе передние зубы выбить — только бы доказать, что мы все это придумали? Не может изобрести надежную ловушку, чтобы в ней застряло чудище, непостижимое рассудку?

— Да, именно так.

— Вот уж именно… черт бы тебя побрал. Никто не может такое изобрести — пока. Я очень сомневаюсь, что мы его сцапаем, даже если у нас когда-нибудь хватит ума его отыскать, но об этом мы начнем беспокоиться тогда и если мы его найдем. Сейчас мы ищем связь — любую зацепку, а в твою западню может попасть подонок из Гили и — подивитесь-ка — окажется толкачом Рт.

* * *

Население Старого Нью-Йорка насчитывало девять с половинои миллионов к концу XXI века. В конце XXII века Нью-Йорк стал районом Гиль

в Коридоре и кишел несчетным количеством населения — цифры давались только приблизительные. Догадки статистиков плавали между десятью и двадцатью миллионами.

Каждая песчинка из этих миллионов лелеяла мысль, что он или она — единственные и неповторимые. В компьютерном центре субадара Индъдни представления были более реалистичными: по опыту полиции среди этих миллионов попадались сотни тысяч двойников — от простого сходства до полного совпадения по всем основным параметрам.

Начальник центра был циником.

— Сделайте компьютерное описание любого козла из Гили, и машина не отличит его на дискете от сотни других таких же — по меньшей мере, от сотни!

— О, — мягко возражал Индъдни, — возможно, что в целом это так и будет, но наша задача — выявить маленькие единичные особенности, которые отличают каждый экземпляр от всех копий.

Его бесили и терзали семь неслыханных и жутких надругательств, сотворенных полиморфным Големом[100] с семью двойниками.

* * *

Откуда взялся новый ремонтник, кто его нанимал — не было известно никому. Комплекс Уолл-стрит был настолько поражен неразберихой в администрации, что рассказывали о ловкачах, которые умудрялись выписывать и получать зарплату, хотя ни на какой должности они никем не были утверждены. Расчетному отделу требовались месяцы, чтобы добраться до таких умников, пользуясь обычными бюрократическими каналами.

Он был в состоянии вылечить интеллектуальные банки Большого Совета от всех и всяческих поражавших их недугов (если, например, компьютеры выпадают из реального времени, то за считанные мгновения можно потерять целые состояния). Нет, он был не гением-электронщиком, а простым монтажником, который добивался успеха с помощью прямо-таки запредельной интуиции, психического сродства, позволявшего входить во все припадки и придури, которые накатывали на темпераментный электронный мозговой центр, правивший рынком. Некоторые странности были и у него самого.

К примеру: никто не подавал ни заявки, ни

жалобы (по надлежащим каналам), а он уже тут как тут, со своим затейливым ящиком для инструментов в руках. Окружающие сразу соображали, что надвигается гроза: у компьютеров от разрядов молний начинались приступы судорог.

К примеру: если отметить меловой чертой его обычный маршрут, то оказалось бы, что он точно повторяет схему прокладки под полом Биржи силового кабеля в 440 вольт. Его как магнитом притягивали поля высокого напряжения.

К примеру: он непроизвольно генерировал собственное удивительное поле. У любого человека, находившегося с ним в физическом контакте, учетверялся I.Q. — коэффициент интеллекта, умственный потенциал — на все время, пока сохранялся контакт. Он как чумой заражал временной гениальностью. Юмор заключался в том, что у него самого к этой инфекции был иммунитет — всегда и везде он оставался самим собой: симпатичным, вдумчивым, медленно соображающим ремонтником.

Соседка по комнате рассказала ей об этом новоявленном чудике. Она понимала: да, я дурочка, но поскольку никого это не волновало, то и она сама относилась к этому спокойно. Но ей очень хотелось один, только один разочек понять, что

испытывает обладатель такого гигантского интеллекта, который позволяет усваивать целые дискеты с записями, одну за другой, запоминать усвоенное и обсуждать его с другими людьми.

Она завела привычку заходить за своей соседкой, чтобы вместе позавтракать в закусочной на Бирже; и в тот день, когда с запада надвигались свинцовые тучи, а половина обитателей Гили бросилась выставлять на крыши водяные баки, он уже нарисовался на Бирже. Все наружные панели особо нервической ай-би-эмки были удалены, и он наполовину погрузился в ее нутро, оглаживая и успокаивая машину к началу грозы.

Она постучала пальцем по его согнутой спине, ожидая неизвестно чего: то ли он вопьется в нее чарующим взглядом вампира, то ли заворожит наложением целительных рук… Над Гилью сверкнула молния, и разряд отозвался эхом у нее внутри; в ее голове зарокотал небывалый раскат грома. Она услыхала собственный голос:

— Vengon' coprendo l'aer di pero amanto e Lampi, e tuoni ad annuntiarla eletti[36]…

Она испугалась. Какой-то чужак вторгся в ее

---

[36] Примечания: 36

Терцина из «Божественной комедии» Данте *(итал.).*

сознание. Она еще не отняла палец от его спины.

Вдруг:

— Sumer is icumen in, lhude sing cuccu! Groweth sed, and bloweth med, and springeth the wude nu — Sing cuccu![37]

И еще:

— Только после того, как художники полностью исчерпали возможности стиля укие-э[38], японские граверы стали пробовать свои силы в изображении природы.

И еще:

— In einer Zeit des Professionalismus und des brillianten Orchesterspiele hat die…[39]

Он вылез из развороченного компьютера, улыбаясь. Его опутывали влюбленно льнувшие к нему провода, отчего он походил на скульптурную группу с Лаоко- оном — только из одного человека. Вот опять: «ЛАОКО-ОН *(др. греч. миф.)* — жрец храма Аполлона в Трое, который

---

[37] Примечания: 37

«Наступает лето, и в лесу слышится «Ку-ку!». Ты грустишь, вздыхаешь, не спишь ночами — слышишь, «Ку-ку» — песенка из комедии В. Шекспира «Как вам это понравится» (*староантл.).*

[38] Примечания: 38

Портрет в технике гравюры на дереве *(яп.).*

[39] Примечания: 39

Одновременно с профессионализмом и блестящей игрой оркестрантов… *(нем.).*

предостерегал против Троянского коня. Вместе с двумя сыновьями был задушен змеями, которых наслала на него Афина…»

Он снова ухмыльнулся и втянул ее за собой внутрь машины, наслаждаясь корчами и воплями, когда он и ток в 220 вольт пронзили ее тело. «Вольт. Единица измерения напряжения электрического тока, обозначается Уили…»

* * *

Она заметила его, когда он следом за ней входил в театертон на представление «Конечный счет — двадцать». Он так выделялся! «Господи, — подумала она, — да он бы мог сыграть Джона Как-его-там, который застрелил в старину этого президента, Эйба Как-его-там[40]. Интересный. Похож на актера…»

Ей дали игровую бусину, и она засунула ее в ухо. Исполнялась Увертюра. Ей не нравилась одна музыка, без освещения, и она хотела отключить бусину, но побоялась, что ее могут скоро вызвать на сцену, и продолжала молча страдать. Она огляделась в поисках поразившего ее Джона

---

[40] Примечания: 40

Имеется в виду актер Джон Бут, убийца американского президента Авраама (Эйба) Линкольна.

Уилкса Как-его, но тот исчез в толпе. «Сегодня зал битком, — размышляла она. — Спектакль должен получиться отменно — будет просто не дождаться просмотра готовой записи».

Кончилась первая Увертюра, голос в бусине объявил: «Вторая Увертюра. Прошу первый выход занять места. Прошу первый выход занять места».

Эта традиционная фраза старого английского театра ничего сейчас не значила. Не было ни первых выходов, ни мест, по одной простой причине: никто в зале не знал, когда его выход; а мест, разумеется, не было, так как не было сцены — был лишь огромный зал со звукоизоляцией, в котором столпились участники будущего представления, молча ожидавшие подсказки компьютера, когда им вступать. Спектакль «Конечный счет — двадцать» уже начался, но в зале все еще продолжалось кружение, как в неспешном менуэте: кивки, улыбки и шепотом произнесенные приветствия друзьям.

Она знала, что диалоги из сценария читают исполнители, разбросанные по всей толпе зрителей-актеров. Нередко любовный дуэт разыгрывался аудактерами, которых на деле разделяли десятки метров и сотни людей. Как-то по всему

залу аудактеры подняли крик, но ее электронный суфлер не подал ей реплики — она не была в этой сцене. Звуковые эффекты и музыка синхронно с изображением подавались на запись.

Она услыхала в бусине компьютерный голос: «Подготовьтесь, скоро ваша реплика. К вам пристает какой-то хулиган. Вы спокойно говорите: «Отвали, мудак». Повторяю. Спокойно говорите: «Отвали, мудак». Приготовьтесь: три, два, один...».

Зазвучал зуммер. Она произнесла свою реплику, гадая, кем же она была по сценарию, кто к ней приставал (а вдруг этот-как-его Джон Уилкс?) и о чем вообще «Конечный счет — двадцать». Но в том-то и состояла захватывающая суть игры в театертоне. И еще в радости открытия, когда на готовой ленте наконец-то увидишь, какие кадры озвучены твоим голосом.

Ей подсказали следующую реплику (произносить уверенно): «Не беспокойся. Я сама о себе позабочусь». Потом еще (с *подъемом):* «Представление ДОЛЖНО продолжаться!» Потом *(испуганно):* «Но почему ты на меня так смотришь?». Потом протяжный вопль, оканчивающийся словами: «Какая ты скотина! ЧУДОВИЩЕ!» Затем следовал стон. Затем, гораздо позже *(надломлен-*

ный шепот): «Это был ужас. Я не хочу говорить об этом».

Из толпы к ней направился Джон Уилкс Какего-там. Он ничего не говорил, но выразительное лицо — лицо актера — ясно показало, что его притянула музыка ее голоса и безупречность игры. Он улыбнулся и положил руку ей на плечо. Она поняла, что он сказал ей. С ответной улыбкой, вся во власти его магнетического обаяния, она накрыла его руку своей.

А потом, все так же молча, так же улыбаясь, он сорвал с нее всю одежду. Она пыталась сопротивляться, кричать, воззвать о помощи к оцепеневшей в ужасе толпе, но он взял ее прямо там, очень драматично, очень основательно, прямо на полу театертона.

* * *

Она совершила больше, чем преступление, — она поступила как последняя идиотка. Эта хорошо воспитанная девственница из прекрасной семьи, которую бдительные охранники легко пропустили в Пассаж, попыталась украсть изысканную янтарную подвеску-слезку, которую легко могла бы купить. В шелковистой глубине янтаря была заточена крошечная радужная стрекоза. Девушка

за всю свою жизнь ничего не украла, и ее заворожило ощущение сладостной теплоты в паху. Она за всю свою жизнь ничего не украла, отсюда, разумеется, и отсутствие ловкости.

Сигнализация сработала немедленно, и девушка утратила всякую способность соображать. Она даже не попыталась выкрутиться, отболтаться, заявить, что произошла дурацкая ошибка. Ничего. Она бросилась наутек. Охранники Пассажа и не пытались ее задержать.

Они передали по связи сигнал тревоги и описание воровки. Ее не выпустят с бульвара. Ей всю жизнь не удастся развязаться с уголовным судом.

Дальше она поступила подобно любой хорошо воспитанной девице в состоянии паники: укрылась в церкви Св. Иуды, покровителя в случае Безвыходной Ситуации. Там никого не было, кроме высокого, в черном облачении священника подле алтаря. Это мог быть и сам святой Иуда. Он обернулся, услышав, как она несется по проходу центрального нефа — ей представлялось, что за ней по пятам топочет сотня вооруженных охранников. Девушка рухнула перед священником на колени, взывая о защите и убежище. Иуда осенил ее крестным знамением, распростер над ней полу

своей рясы и накрыл ее с головой. Неожиданно она обнаружила, что ее лица касается его чудовищная нагота, и снова ощутила в паху горячий прилив.

* * *

Аристократия Гили могла сказать в пользу КПССБ только одно: Корпорация преобразила заброшенное дитя Нью-Йорка — Стэйтен-Айленд[41]. Безусловно, это было очередным мошенничеством в погоне за новыми прибылями: Корпорации потребовалось получать энерго-концентраты от солнечной станции с минимальными таможенными пошлинами; все же потребители получили ощутимые выгоды. Одной такой новинкой был ресторан «Франко-Порт», славившийся кулинарными изысками.

Взять, к примеру, жесткого светляка с Венеры, формой и размерами с угря. При земных температурах его свечение усиливается, и когда подают суфле из него под бордосским соусом, да еще спрыснутое винцом Пуйи, то блюдо испускает морозное сияние и неоновый аромат. На

[41] Примечания: 41

Остров, на котором установлена статуя Свободы и где происходит прием иммигрантов.

вкус Anguille Venerienne[42] напоминает сибирское мороженое молоко. Или вот марсианская плесень, которую необходимо соскребать возле самой границы изморози (интересно, кем был тот благословенный придурок, который первым осмелился это попробовать?). Terfez Martial[43] подается так же, как черная икра, и пользуется таким спросом, что черноморские севрюги заявили протест, а ССКуР (бывший СССР) распускает гадости о Стэйтен-Айленде.

А знаете ли вы, что камни могут служить экзотической приправой? Представьте себе. Взять один фунт астероида Видманштеттена, размолоть до размера дробленого перца и посыпать этим свежую жареную кукурузу. (Упаси вас Бог от масла, соли, перца и вс. пр.) Вступая в связь с сахаром самой кукурузы, эта приправа создает необыкновенное вкусовое ощущение, природу которого все еще не могут разгадать химики-органики. Занятно, что от смеси с обычным сахарным песком ничего не происходит, что радует фермеров Канзаса. Куба тоже распускает гадости о Стэйтен-Айленде.

---

[42] Примечания: 42
Угорьвенерианский *(фр.).*

[43] Примечания: 43
Марсианская Шапочка *(фр.).*

Ресторан «Франко-Порт» громаден, а кухня, где готовят всю эту экзотику, больше, разумеется, чем у обычных ресторанов, но есть в ресторане небольшой закрытый зал для особо утонченных гурманов, попасть куда сложнее, чем в кладовые Британского Банка. Сюда и привела Мадам своих гостей. Ее неприятно поразило, что их встретил не тот официант, что всегда, а новый и незнакомый тип. Она не опустилась до разговора с ним, а вызвала метрдотеля.

— Где мой Исаак?

— Мне очень жаль, Мадам, но Исаак обслуживает другие столики сегодня.

— Я привыкла к Исааку! Без него ужин — это всего лишь прием пищи.

— Он неделю работает в главном зале, Мадам.

— Его бросили толпе? Но почему? Он опозорился и заслужил наказание?

— Нет, Мадам. Он проиграл пари.

— Проиграл? Пари? Объяснитесь, сударь!

— Очень неохотно, Мадам. Официанты в кухне играли в «двадцать одно»…

— На деньги?

— Oui, Мадам. Исаак полностью проигрался — вот этому новичку. Тогда он поставил на кон вас.

— Меня?

— Oui, Мадам. На одну неделю. И снова проиграл. Поэтому Исаак в большом зале, а вас заполучил новый официант.

— Возмутительно!

— Но это комплимент, Мадам.

— Комплимент? Каким образом?

— Всем известна ваша благородная щедрость.

— Она не будет известна этому новому субъекту.

— Безусловно, Мадам, как вам будет угодно. Вы, однако, убедитесь, что он услужлив и почтителен без меры. А теперь, могу ли я piquer[44] вкус Мадам с tour de force[45] только сегодня сотворенным нашим выдающимся шеф-поваром?

— Что это?

— Queue de Kangourou aux Olives Noires.

— Как?

— Тушеный хвост кенгуру с маслинами. Оливковое масло. Коньяк. Белое вино. Бульон. Приправы: лавровый лист, тмин, петрушка, апельсиновая корка, обилие тертого чеснока и черных маслин без косточек. Обливается коньяком и поджигается — чтобы выжечь избыток

---

[44] Примечания: 44
Дразнить, щекотать *(фр.)*.

[45] Примечания: 45
Вершина, шедевр *(фр.)*.

жира и усилить аромат кушанья. Великолепнее блюдо, удивительное в своем роде.

— Боже мой! Нам необходимо это попробовать!

— Вы не пожалеете, Мадам, и вам это подадут первой. Если вы одобрите и оцените кушанье, оно будет почтено вашим именем.

Метрдотель поклонился, обернулся к двери и щелкнул пальцами. Возник услужливый и почтительный без меры. Мадам подумала, что вид у него отменно изящный и утонченный.

— Освободи место под Queue de Kangourou, — приказал метрдотель.

Новый официант, выигравший Мадам, поклоном выразил ей свои извинения, встал бок о бок с ней и очистил центр стола быстрыми точными движениями. Он подготовил ровно столько места, чтобы поместилось ее тело, которое он подхватил, распростер на столе и подверг отменно изящному и утонченному изнасилованию с торца, одновременно услужливо и почтительно без меры наполняя бокалы оцепеневших гостей.

* * *

На треке в Овечьем Логе проходили гонки старинного городского транспорта, и стартовые

площадки пестрели троллейбусами, автобусами, трамваями; там были даже прекрасно восстановленные угольные и рудничные вагонетки Союза горных рабочих. Украшали место старта и сотни зрительниц — их притягивали гонки и смерть. Этих женщин роднила манера одеваться — jpour le sport[46] и общее для всех выражение лица — типа «а пошло оно все к черту».

Она сидела на бочке из-под горючего между стартовыми площадками «Мэдисон — Четвертая Авеню» и «Этуаль-Плас Блан-Бастилия», уделяя поровну внимание и время командам Гили и Парижа — те и другие все время сновали мимо нее, обмениваясь запчастями и советами. Все они были чем-то схожи — на всех измаранные tuta, из кармана сзади торчит любимый инструмент, по которому единственно и можно было их различать: разводной ключ, торцевой ключ, кувалда, пассатижи, штангенциркуль и даже домкрат. Старшие механики инструментов не носили — они были выше этого. Tuta водителей сверкали безупречной белизной.

Ее позабавил один из ребят, у которого здоровенный ломик оттягивал задний карман. Этот,

---

[46] Примечания: 46
Спортивная *(фр.).*

с ломиком, столько времени толкался на обеих площадках, что она никак не могла угадать, он из Гили или Парижа; здоровенный крепкий парень, но лицо гладкое — еще молодой. Он забавлял ее тем, что, проходя мимо, не говорил ей «Tres jolie[47]» или «Привет, крошка, куколка». Вместо приветствия он врезал своим ломиком по бочке, которая отвечала мощным басовым гудением, — у нее прямо мурашки по спине бежали.

Объявили старт. Машины заняли места на треке. Гонщики и их помощники (теперь на всех была традиционная форма водителей и кондукторов) выстроились перед машинами. Раздался выстрел. Водители и кондукторы ринулись к своим трамваям, вскарабкались на сиденья, тронулись с места в яростном дребезге звонков, сопровождаемые азартными воплями и свистом членов команд и болельщиц.

Вдруг бочка загудела, мурашки побежали — ах, вот и он, с ломиком в руках, молча улыбается ей. Она улыбнулась в ответ.

Он легонько постукал ее по плечу ломиком и потянул к стоявшему на замену вагону «Этуаль-Плас Блан-Бастилия». Помог ей забраться

---

[47] Примечания: 47
Милашка, красотка *(фр.).*

внутрь, и она [всему очень радовалась, пока не обнаружилось, что он — f женщина, которая и принялась надругиваться над ней с помощью ломика (вместо дилдо).

Ее вопли слились со свистом, воплями и грохотом гонки.

* * *

В «ВГА», на Студии Двадцать-два Двадцать-два, ПоДи работала моделью для настройки съемочных камер. Она терпеливо сидела на высоком табурете, а вокруг наезжали и откатывались камеры, ловя в фокус ее кожу: под теплый тон которой они подстраивали цвет. Она была страшилкой, но с великолепной кожей и рыжими волосами. Если она не позировала перед камерой, то ее посылали по разным поручениям работников Студии 2222, так ее и прозвали госпожой ПоДи. Только в бухгалтерии «ВГА» знали, как ее на самом деле зовут.

Она спокойно ждала, восседая на своем табурете, пока ее пошлют за кофе, едой, бутафорией, костюмами — за чем угодно. Она скучала. Ей не особенно нравились постановки студии. «ВГА» принадлежала Армии Оледенения, и все ее программы были посвящены грядущему Судному

Дню. «Как Ему пчела предстанет, коли Божий Хлад нагрянет?» (Авторские права зарегистрированы в 2169 Музыкоделами Скрябина-Финкеля — подразделением Музыкальной Компании Оледенения.) Все Хорошие Парни в постановках были надежными, верными, готовыми помочь, дружелюбными, вежливыми, добрыми, послушными, бодрыми, бережливыми, отважными, добродетельными и богобоязненными. Всех Плохих Парней Боженька поражал в языках пламени, и они умирали, выражая горькое сожаление о своей гнусной жизни в Гили.

На съемочной площадке находился дрессировщик. ПоДи так решила, потому что на руках у него лежал карликовый спаниель, да и вообще Студия 2222 постоянно распиналась о привязанности к животным и чистой любви мальчишки к своей собаке. Другое дело, что по виду этого парня ему больше бы пристало баюкать на ручках тигра. Его ростище и могутное сложение даже орангутанга заставили бы призадуматься, стоит ли с ним связываться.

Этот живой башенный кран подошел к ней и поклонился. Она кивнула в ответ. Табурет, на котором примостилась ПоДи, был высокий, но все равно макушкой она была как раз ему по грудь.

Она слышала ровный рокот его дыхания — как океанский прибой. Спаниель тявкнул. От пульта завопил режиссер:

— Эй, там, у переговорника, вашу мать, скомандуйте выход долбаным в богу-душу монашкам!..

Замороченный помреж вывел на площадку двенадцать непорочных смиренных монашек, где они стали в круг, — вознести непорочные и смиренные моления Боженьке, дабы Он поразил этих грязных аморальных поганцев из Гили.

Башенный кран поднял табурет вместе с ПоДи, которая покачнулась и была вынуждена, хихикнув, обхватить его за шею. Он перенес табурет к мишени, помеченной для Боженьки в центре круга, поставил его, со все еще восседающей ПоДи, развел ее потрясенные колени и приступил к непотребству, ужаснув ПоДи, студию и всю Армию Оледенения до полного остолбенения с разинутым ртом. Операторы в это время (ребята туго знали свое дело) то наводили, то откатывали камеры „фокусируясь на теплых тонах ее великолепной кожи. Тишина нарушалась только тявканьем спаниельки и режиссера.

* * *

Термокупальня потрясала, ошеломляла новизной; последнее чудо, выдуманное для развлечения обезумевшей Гили. Бассейн был заполнен нестойким соединением H2O[11], и этой странной водой можно было дышать. Очень характерно для Гили, что диво пошло на увеселение публики. Бассейн сиял лазерной симфонией, так что пловец купался в волнах son et lumiere[48]. За такое шикарное времяпровождение нужно было выложить порядка ста золотых в час.

Деньги эти ничего для нее не значили, но было необходимо расслабиться в тепле и невесомости. Она вела десятка два крупных заказов на рекламное обслуживание, все непростые и требовавшие полной отдачи; услуги ее оплачивались такими запредельными суммами, что у нее просто недоставало духу отказаться от како-го-то заказа. Что еще оставалось, как не погрузиться в жидкий свет и качаться, мечтая, на волнах, и мечтать, качаясь на волнах.

В термокупальне она была одна (за это ей приходилось каждый раз выкладывать круглень-

---

[48] Примечания: 48

Звука и света *(фр.)* — аллюзия к пометке на «Поэме экстаза» Скрябина.

кую сумму), однако он вдруг выплыл к ней из глубины, как неторопливая золотистая акула, принялся обхаживать ее так нежно, непривычно, изящно, как удается только морским обитателям. Она была очарована, и ее отклик вылился в изумительно прекрасный pas de deux[49] на волнах.

Внезапно он овладел ее нагим телом — с такой животной страстью, какую самки этой породы могут переносить только качаясь на волнах и мечтая, с наслаждением и болью, удовлетворением и яростью.

* * *

— Я не воспользуюсь моего чина бесцеремонностью, чтобы вас потревожить в дому, не предупреждая, мадам, — произнес субадар Индъдни, — но возлагаюсь на симпатию у нас. И к вам, доктор Шима.

— Вы так любезны, субадар, — улыбнулась Гретхен.

— И очень хитроумны, — с улыбкой дополнил Шима.

— Ну, мы все трое это имеем, — ответил им улыбкой Индъдни, — это есть основание в нашем

---

[49] Примечания: 49
Танцевальный дуэт *(фр.)*.

взаимопонимании. Мы знаем, где стоим или не стоим относительно друг друга. А в одном вопросе у нас полное сотрудничество от общей ненависти и ужаса.

— Голем?

— Если угодно, мадам. Я называю его про себя Сторуким — одушевленное безумие, воняющее бездушной злобой, разящее направо и налево, принимая для того сотни обличий.

— Гретх, субадару известно что-то для нас новое.

— Новые преступления, господин Индъдни?

— Я не могу ответить на этот вопрос, пока не узнаю, почему он мне задан, госпожа Нунн. — Он в точности привел ее ответ Отцу-Оопу.

Гретхен покосилась на Индъдни — в его глазах был явный смешок.

— Да-да, я все знаю о походе в Оазис ООП. Я ведь предупреждал, что у меня не без возможностей. — Он повернулся к Шиме. — И о поездке к Салему Жгуну я знаю. Я восхитителен от ваших умений скрывать и защищать. Моя вера к вам обоим весьма укрепилась.

— Ему что-то от нас нужно, Гретх.

— Лишь сказать, что да, новые преступления свершились, жуткие деяния, которые, бесспорно,

только Сторукому можно приписать.

— Что это было?

— Истязания и Смертельные. И есть удивительные свидетельства — устные показания видов, принятых Сторуким во время совершения. — Индъдни на мгновение запнулся и продолжал, как ни в чем не бывало: — Очень вероятно, но самое интересное — описание насильника из новой термокупальни.

— Да?

— Это доктор Шима.

— Что!

— Это были вы, доктор Шима.

— Не верю.

— Увы, придется. Жертва описала преступно напавшего на нее — безошибочно все узнали. Чтобы еще увериться, ей показали много стереоснимков разных лиц. Она без малейшего сомнительного колебания сразу выбрала ваш.

— Индъдни, черт бы вас побрал, это подставка!

— Нет, уверяю. Она вас описала точно.

— Невероятно! Преступное нападение!.. Я и близко не подходил к термокупальне. Знать не знаю даже, где это. Когда было нападение? Я докажу, что я…

— Перестань, Блэз, — оборвала его Гретхен. —

Охолони, парень, пока мы не выясним все до точки. Субадар, сложилась зверски неприятная история с самого начала, и чем дальше, тем хуже. Давайте играть честно. Предоставьте нам все сведения об этих новых кошмарах — всех до одного.

— О них еще не оповестили общественность.

— Это так важно? Если доктор Шима связан со Сторуким — как вы, я уверена, уже заподозрили, — тогда вы не откроете ему ничего нового.

Индъдни отсалютовал ей, подобно фехтовальщику, признающему попадание.

— И это меня назвал хитроумным доктор Шима! Я преклонен, мадам. Вот что произошло…

Когда субадар покончил с подробнейшим докладом, они посидели молча, усваивая полученную информацию, затем Шима сдавленно произнес:

— Бог мой, Гретхен, думаю, нам пора…

— Закройся! — отрезала она.

Душераздирающий рассказ Индъдни поначалу ужаснул ее, но потом влил в нее новые силы, к ней вернулись уверенность и напор.

— Субадар, почти наверняка у вас есть ключ к тайне Голема[100]. Просто вы этого не знаете. Блэз, уверена, сможет собрать головоломку, когда у него пройдет шок. Я это знаю — не потому, что

умнее вас обоих, просто я сталкивалась с тем лицом и с теми структурами личности, которые вам недоступны. Интуиция психотеха. Я верю, что вся конструкция у меня на ладони.

Индъдни опять посмотрел на нее со смешинкой в глазах.

— Вы уверены, мадам? И что же?

— Я основываюсь на первичном состоянии психики по Фрейду. — Она чеканила слова. — Прорыв инстинктов! Энергетический взрыв! Эротическая энергия и энергия смерти. Эрос! Танатос!

— Ну-ну. По работе мы должны знакомы быть с психиатрией. И что?

— Сначала я должна знать, в каком положении доктор Шима. Ему предъявят обвинение и арестуют на основе Опознания той потерпевшей?

— Он заявляет, что невиновен.

— Да Боже ж мой! Конечно! — взорвался Шима.

— Тогда что вы хотели сказать мне, когда вас оборвала госпожа Нунн? Уже поздно сейчас. Вы ему верите, мадам?

— Да.

— И возражаете, значит, против ареста?

— Безусловно.

— Основания? Личные?

— Нет, сугубо по работе — мне нужна его помощь.

— Трудно очень с вами, госпожа Нунн, когда мы сотрудники-люди-коллеги. — Субадар нехотя улыбнулся и задумался. — Так, доктору Шиме предъявлено такое же, что и вам, Преступление-Пять. Он под арестом внутри Гили.

— Благодарю вас!

— Так окажите мне, будьте добры, ответную любезность. Чем он вам поможет?

— *Меня* не спрашивайте, — буркнул Шима. — Нет меня! Я — пустое место. Боже милосердный! Преступное нападение! Изнасилование!

— Что вы собираетесь делать, госпожа Нунн? Какой тот ключ, что, по-вашему, вы знаете?

Гретхен покачала головой.

— Ни опыт, ни деликатность, субадар, не приблизят вас к пониманию психодинамики интуиции.

— Все же любезно испытайте меня.

— Вы никогда мне не поверите.

— Культура индусов допускает веру в невероятные вещи.

— А «Знаток Убийств из Гили» никогда не допустит.

Индъдни передернулся.

— Как нелюбезно с вашей стороны навешивать этот ярлык, госпожа Нунн, — сказал он с укоризной. — Вы собираетесь совершать вне закона?

— А это, субадар, зависит от того, что вы определите как незаконное. Скажем так: нам запрещено покидать район Гиль без вашего ведома и Согласия, верно?

— Моего hukm[50]. Да. Это наложение по изобретенной статье Преступления-Пять.

— Ну, а если мы уйдем, не уходя?

— Парадокс.

— Нет, это возможно исполнить.

— Уйти? Не уходя? Не можете вы, подтвердите, отбыть посредством смертоубийственного самоуничтожения?

— Нет.

— Тогда как и куда отбыть?

— В ту реальность, которую не распознала и не признавала ни одна культура. В тот мир, где таится неведомая часть айсберга — восемь девятых истории человечества: Суб-мир, Sous-monde, eine Unterwelt, Инфрамир, Фазма-мир.

— Ах так. От греческого phainein — выявляться. Вы озадачиваете меня на разных языках, мадам.

---

[50] Примечания: 50
Соизволения *(хинди).*

— Тогда вот вам еще задачка, — Гретхен трясло от волнения. — Я считаю, что этот сокрытый, укромный Фазма-мир прорвался сквозь верхушку айсберга и вышел наружу.

— А вы хотите ответный визит ему нанести? Таково ваше отбытие?

— Да.

— Как отбывать?

— По паспорту прометия.

— Ах да, радиоактивная соль в тех костях, которые произошли от… вашего «заказного» оружия? — Прежде чем Гретхен отреагировала на иронию, субадар повернулся к Шиме. — Моих экспертов ваш впечатлил профессионализм, доктор. — Никогда еще его мягкость не скрывала, кажется, такой угрозы.

— Если хотите, то вот вам еще, — подавленно сказал Шима. — Это ^{145}РтгОз с периодом полураспада в тридцать лет.

— Благодарю, — поклонился, улыбаясь, Индъдни и снова повернулся к Гретхен. — От меня потребно содействовать вашему предприятию, такому зыбкому?

— Нет, всего лишь дать ваше hukm.

— Это будет опасно?

— Не исключено.

— Для кого?

— Только для нас. Больше ни для кого.

— Тогда зачем постижно проникать тайный этот Фазма-мир из ваших грез, госпожа Нунн? Вы на что надеетесь, проволочки эти зачем?

— Так вы мне не верите, субадар?

— Мне очень жаль, но уверенно ответить могу — нет.

— Тогда вы не поверите и тому, в чем я твердо убеждена: именно там живет Голем-Сторукий.

Глава 12

Гретхен с нежной насмешкой поглядела на остолбеневшее пустое место.

— Нечего тебе у меня делать, — сказала она. — Отведу-ка я тебя обратно в твою стекляшку. Там ты скорее оклемаешься.

— Le pauvre petit, — пробормотал Шива.

— Возможно, но сейчас, мальчик мой, придется управляться самому. Мы влезли во что-то грандиозное. Так что давай, пошли.

Когда они добрались до пентхауза, Гретхен раздела Шиму и втолкнула в облицованную зеркалами римскую ванную. Воду она напустила такую горячую, как только можно было вытерпеть.

— С комплиментами *оу* всей мощи «ФФФ», — заметила она. — Клево-здорово, когда тебя тетешкает вся элита.

— И ты залезай, а?

— Сейчас не до баловства. Сейчас я тебя ошарашу кофе с коньяком по собственному рецепту — да мне бы за него Нобелевскую премию дали, открой я только секрет состава!

— После того, чем накормил меня Индъдни, мне в горло ничего не полезет.

— Подожди, пока я тебе преподнесу свою версию Голема, — ты пожалеешь, что не в дурке с маньяками-хрониками.

— Куда меня еще пугать!

— Просто хочу тебя подготовить. Мокни. Балдей. Расслабляйся. Скоро вернусь.

Когда она вернулась с подкреплением на блюдечке, то поняла, что ему уже лучше, — он сел в ванне, прикрывшись полотенцем. Шима, который вел себя без малейшего стыда в постели, встав с нее, сразу делался застенчивым.

«Французы, японцы, ирландцы кровь, — думала Гретхен, — все они помешались на этом Евином фиговом листочке. Забавно, что в старушке Библии ни слова о лифчике». Вслух же она сказала:

— Выпей это.

— Твой секретный состав?

— Остерегайтесь подделок.

— Я погибну для работы.

— Ни в какую лабораторию ничего нюхать не пойдешь. Я тоже сегодня не работаю. Нам нужно управиться с чертэнает каким клубком.

Она присела на крышку унитаза, лицом к нему.

— Ты меня слушаешь?

Он кивнул, отхлебывая из чашки.

— И можешь понять? Нужно пораскинуть мозгами — такая выходит смесь из Фрейда и фактов.

— Я о старике что-то слыхал.

— А помнишь, я сказала субадару, что ключ к загадке Сторукого-Голема находится в первичном состоянии психики?

— Да. Только ничего не понял.

— Он так плавно это спустил на тормозах, что, кажется, тоже ничего не понял. Так слушай, Блэз, это один из краеугольных камней учения Фрейда. Он назвал это Пси-системой, или, вкратце, П-системой.

— Пси? Экстрасенсорное восприятие, хочешь сказать?

— Нет, жулики в двадцатом веке взяли себе Пси и обозначили им экстрасенсорное восприятие. Они, вероятно, и не слышали об определениях папы Фрейда. Короче, старик утверждал, что П-система, первичные состояния психики, является определяющей для любого человеческого существа и направлена только на одно — высвобождение возбуждения.

— Гос-с-с-доди!

— Именно.

— А не объяснишь поподробней?

— Хорошо, слушай. Все мы обладаем половой возбудимостью — либидо. Это П-система, которая служит источником всякого творчества: литературы, любви, искусства, чего угодно.

— Наука?

— Конечно, наука тоже. Это динамо вырабатывает всю наполняющую нас энергию, которая направляется на соединение и укрупнение каких-то проявлений жизни. Так психдоктор разъясняет процесс творения. Мальчик встретил девочку — они соединились и создали любовь и семью. Ученый, например ты, соединяет химикалии и создает духи. Я соединяю факты и создаю решение проблемы. Все это — либидо, психическая энергия в действии. А теперь врубайся, парень: дамы-пчелки направляют свои потоки энергии в одно русло, соединяют все либидо улья и создают большое целое — Голема[100].

— Как это?

— Как! Ну… представь себе… Да, вот хотя бы — кондитерский шприц для крема. Ты смешиваешь все продукты, взбиваешь, варишь, закладываешь в шприц и давишь. Крем выходит из насадки. Так и перемешай либидо дам, взбей, приготовь, перенеси в шприц сатанинского обряда и надави.

Выходит Голем.

— Но я же… Послушай, а Голем — настоящий или только тень, проекция?

— А что такое настоящий? Если в лесу падает дерево и никто это не слышит, то звук падения будет настоящим? Другими словами, обязательно ли стороннее восприятие для объективного существования?

— Ни сном, ни духом…

— И никто не знает.

— Но слушай, Гретхен, раз Голем смог совершать свои жуткие нападения, то он настоящий. Только он все время другой. Значит, он ненастоящий.

— Верно — если пользоваться нашей терминологией.

— Но что же он?

— И то, и другое — псевдожизнь. Адам на втором часу творения — бесформенный и без души. Нам нужен новый словарь, чтобы дать ему имя. Он, как Протей, может принять любой облик, какой захочет.

— А что заставляет его захотеть принять то или иное обличье?

— Ага! Наконец-то добрались! Вот теперь мы пришли к самой доподлинной сути — придет-

ся заняться личностями и лицами. Ты знаешь разницу?

— Наверное, да. Личность — это то, что ты есть внутри. А лицо — как тебя воспринимают другие.

— Вот именно. Общественное лицо — это маска, которую мы носим. Вот так! — И прежде, чем Шима успел поднять крик, она схватила его полотенце и кинула ему обратно.

Пристраивая его на место, он ворчал:

— Позволь женщине перейти на дружескую ногу, и она утрачивает всякое понятие о приличиях!

— Нет, мы просто-напросто снимаем маску… Если хватает сил бухтеть, значит, ты пошел на поправку. Давай рассмотрим факты. Возьмемся за все ужасы по порядку.

— Попрошу без подробностей — для такого неженки, как я, одного раза хватило.

— Никаких подробностей — только рисунок личностей, чем внутри были жертвы. Девушка с биржи и Голем — механик по компьютерам…

— Та, которая хотела заравиться гениальностью?

— Да. Кто она?

— Откуда я знаю! Индъдни не называл имен.

Он даже не описал их.

— Но внутренне она была близнецом другой девушки. Ты не знаешь кого?

— Ну… знаю только, что она была дурочкой и хотела поумнеть.

— Именно так! А о ком я тебе рассказывала, кто всегда была дурочкой и хотела поумнеть?

— О ком ты мне?.. — Шима сосредоточенно принялся вспоминать, и наконец до него дошло. — Боже мой! Улей! Да. Белокурая балерина с волосами как шлем.

— Мери Наобум, верно.

— А что, жертвой была сама Мери, та, кого ты видела?

— Нет, просто тот же типаж. Мы не уникальны; у всех нас есть психологические и/или физические двойники. Так, теперь второе надругательство в театертоне — Голем-актер.

Шима начал разбираться в том, как она разложила свою конструкцию.

— Ну конечно же, Сара Душерыжка, непризнанная актриса.

— Девица, искавшая спасения в церкви Св. Иуды?

— Та хорошо воспитанная, которая возражает против скверных слов, кажется, барышня Ган?

— Нет, барышня Гули, как в слове «хулиган». Светская львица, принимавшая гостей в ресторане «Франко-Порт»?

— Сама царица Реджина, разумеется. А девица на гонках, которую трахнул Голем-лесбиянка, напоминает Енту Каленту. Но кто соответствует ПоДи в Студии 2222?

— Нелли Гвин.

— Ильдефонса? Невозможно! Илди красотка, ты и сама так сказала. А эта ПоДи была страшилой.

— Но двойник по складу личности.

— Откуда это видно?

— Подожди, потом скажу. И последняя — деловая дамочка в термокупальне?

— Та, которую я уделал, по мнению Индъдни?

— Да, потому что опознала тебя.

— Не понимаю, как она могла так ошибиться.

— Она не ошиблась. У Голема было твое лицо.

— Откуда?

— Потому что деловая дамочка — это я.

— Ты!

— Разумеется, по рисунку личности. Так я и догадалась. — Гретхен уверенно кивнула и наклонилась к нему, чтобы лучше войти в контакт. — А теперь старайся изо всех сил, Блэз, это будет непросто. Мы уже разобрались с фактами и

входим в психику Фазма-мира.

— Твой Суб-мир. Ладно, постараюсь.

— Дано: аморфное, изменчивое существо, выступающее в самых разных человеческих обличьях. Дано: семь его жертв, каждая из которых — психологическая копия одной из дам-пчелок.

— Ты собрала левую сторону уравнения, но что будет после знака равенства?

— Каждую из жертв атаковало создание, порожденное и сформированное потоком либидо одной из дам-пчелок.

— О Боже!

— Ода!

— Ты хочешь мне всучить твою фазма-фантазию?

— Я ничего тебе не всучиваю! Посмотри на факты. Мери Наобум страдает по мужчине, который поможет ей поумнеть. Сара Душерыжка — подвижная, артистичная. Барышня Гули — богомольная, приличная, влюбчивая. Реджина — лорд Нельсон. Нелли Гвин — это жеребец Карл II[51]. Я так и поняла, что ПоДи — это Ильдефонса, ведь у Голема на руках сидел карликовый спа-

[51] Примечания: 51

Король Англии Карл II Стюарт (1660–1685), прославившийся обилием любовных похождений. Одной из его любовниц была актриса Нелл Гвин.

ниель[52]. Ента — активная лесбиянка. Я — ты. Q.E.D.

— А как насчет близнецов с русскими именами? Почему их не тронули?

— А ты не знаешь — может быть, Индъдни просто не сообщили, или надругательство прошло незамеченным, как сотни других в нашей безумной Гили, где все уже притерпелись к ужасам.

— Но…

Гретхен, однако, было уже не остановить.

— Тебе известно, что такое id. Хранилище энергии либидо в человеке, адов котел примитивных страстей. Помнишь, наверное, строчку из «Гамлета»? «Блудливый шарлатан! Кровавый, лживый, злой, сластолюбивый!» Вот тебе id — это скрыто в глубине самой сущности человеческого скотства: у тебя, у меня, у всех нас.

— Но не все же мы — чудовища, — запротестовал Шима.

— Глубоко внутри, в нашем Подмире — все. Здесь, снаружи, на верхушке айсберга мы смягчаем и держим в узде эту суть, но что, если зверь вырвался из клетки, порвал ошейник и разгуливает на свободе? Тогда и получается Голем[100].

---

[52] Примечания: 52

Эту породу собак завез в Англию король Карл II, и по-английски она так и называется «спаниель короля Карла».

— Как же он вырывается из оков?

— Раскинь мозгами, детка. Дамы-пчелки собираются у Реджины в улье и затевают колдовские игры. Конечно, они не могут вызвать Дьявола — его не существует, он всего лишь бабьи сказки.

Шима согласно кивнул.

— Но их личные id соединяются и образуют нового демона. Нет никакой преисподней, но есть Подмир, населенный всеми нашими кровавыми, лживыми, злыми, сластолюбивыми id. Либидо дам объединились глубоко в этом подполье, и так был рожден Голем. Он принимает облик какого-то или нескольких из обитающих в них зверей и является в наш реальный осознаваемый мир, чтобы насиловать и убивать — бессмысленно и беспричинно… просто ради скотского удовольствия. Эротическое либидо и смертельное либидо.

— Так, по-твоему, это дамы-пчелки докатились до Голема[100]?

— Да, это глубинная истина. Энергетический взрыв.

— А почему именно твои пчелки? Почему мы все не вырабатываем Големов из нашего подсознания?

— Заветное словечко — катализатор!

— Бог мой! Прометий?

— Чертовски трудно нам будет, Блэз. Пока они не включили в свое представление радиоактивный Рт, миру никогда не представали глубинные восемь девятых айсберга.

Шима вздохнул.

— Какая гнусная концовка к чудному мифу! — печально сказал он. — Прометей, принесший огонь, учитель, друг и благодетель человечества. А теперь посмотри, какое гадостное пламя он возжег в этих мерзких бабах!

— Они все равно очень милые, Блэз.

— Как ты можешь так говорить!

— Они не ведают, что творят.

— Но что-то же они делают сознательно!

— Они даже не знают своих глубинных побуждений.

— В наше время все знают, что они есть.

— Сам факт, но не кошмарные подробности. Сознательно мы не можем заставить себя взглянуть на примитивного зверя, затаившегося внутри, поэтому люди годами мучаются у психоаналитиков, чтобы набраться сил посмотреть на свою суть.

— А ты свою видела?

— Вряд ли. А вот ты своей точно не видел.

— Я?

— Ну конечно. Разве ты знаешь, какие первобытные страсти заталкивают тебя в шкуру господина Хоча?

Шима лишился языка.

— Тебя что-то неодолимо толкает,' верно? А ведь ты такой славный парень… Такой же хороший, как и дамы-пчелки.

— Иисусе! Иисусе Христе! Значит, Индъдни прав — я й *вправду* Голем.

— Успокойся, малыш. Ты в этом не одинок. Большинство из нас — големы, тем или иным образом. Редчайшие исключения попадают в святые. Поэтому остынь немного, а я приготовлю тебе еще глоточек тайного пойла, прославленного у cognoscenti[53] и воспетого в балладах и сказаниях.

Она отправилась на камбуз — им так редко пользовались, что все сверкало стерильной чистотой, словно в лаборатории Блэза в «ффф». Секретной смесью Гретхен был причудливый состав, заменявший две недели отдыха на курорте: кофе, масло, сахар, желтки, сливки, коньяк. Разогревая и взбивая адский декокт в пароварке,

---

[53] Примечания: 53
Знатоков, ценителей *(итал.).*

она вдруг почувствовала, что в глазах у нее все меркнет.

— Эй, открой глаза, — весело крикнула она, — а то я слепну!

Блэз не отвечал. Ее первичное глазное зрение полностью пропало, и остался только калейдоскоп вторичного восприятия. «Черт бы его побрал — он заснул!» Гретхен ощупью добралась из кухоньки в ванную.

— Блэз! Проснись!

Молчание. Она потыкала пальцем в ванну — пусто. Потрогала кафельный пол — мокрый. «Он одевается, наш господин Скромник!»

Она прошла в спальню.

— Блэз?

Молчание. В гостиной она позвала:

— Блэз Шима! Выходи, выходи, где бы ты ни был!

Ничего. Пошла на террасу — ничего, кроме отдаленного гула вечно шумной Гили.

— Черт его побери, он сдрейфил и пошел прятать задницу у себя в лаборатории! Спокойно, Гретхен, спокойно. — Она заставила себя потерпеть очень неспокойные полчаса — ему на дорогу — и позвонила в «ффф». Нет, лаборатория доктора Шимы не отвечала. Нет, доктора Шиму нигде на

территории «ФФФ» не найти.

Она позвонила в «Натуральный Питомник». Нет, доктор Шима у них не обедает. Кроме того, доктор Шима всегда заказывал доставку на дом.

Она позвонила на биржу, в театертон, в церковь Св. Иуды, в ресторан «Франко-Порт», в «ВГА», на трек в Овечьем Логе, в термокупальню. Нигде не было никого, похожего на Блэза Шиму или откликнувшегося на это имя.

Она уже испугалась всерьез и хотела звонить Салему Жгуну или в ООП, но остановилась на полицейском участке Гили и попросила к телефону субадара Индъдни.

— Вы звоните из своего таинственного Подмира, госпожа Нунн? Из того, что вы сказали, я никак не понял, что там есть связь с реальным миром.

— Господин Индъдни, я в беде.

— То, что уже было, мадам, или хуже еще?

— Хуже. Пропал доктор Шима.

— Да, вот так? Лучше опишите, как было.

Когда Гретхен закончила тщательно подредактированный отчет, Индъдни вздохнул.

— Так. Понятно есть. Вероятное самое, что доктор Шима, как ваш покорный, счел фантастические выводы о делах со Сторуким вовсе неудобоваримыми. Он спрятался от вас, и я ему

полностью сочувствую. Он в бегстве не должен покинуть Гиль. Придется нам вставить его в оперативную сводку на розыск.

— Нет, субадар, не надо!

— А что же, увы мне, еще? Я, однако, обещаю: все усилия положим, чтобы скандальные подробности не попали в СМИ. Код НЕМО будет пользован.

— Что за код НЕМО?

— Да. Вы даже не слышали о коде НЕМО. — Она почувствовала в голосе Индъдни сдерживаемую улыбку. — Я предупреждал о некоторых своих имеющихся возможностях, госпожа Нунн.

Связь закончилась. Гретхен буркнула:

— К чертям его оперативный розыск и код НЕМО. Мои служащие всегда заткнут за пояс полицейскую команду.

Она кое-как выбралась из пентхауза, поставила дверь на запоры и вышла на улицу. Здесь к ней вернулось полное зрение.

Дома она вновь появилась как раз вовремя, чтобы застать драматическую картину: вся ее гвардия была в сборе, сгрудившись вокруг Шимы, выпучив глаза и пытаясь его удержать. Шима был совершенно голый и вежливо вырывался.

— Блэз!

— Меня зовут Хоч, моя дорогая. Можете обращаться ко мне «господин Хоч». — Он обернулся к ней с застывшей улыбкой.

Гретхен замотала головой, как животное, отгоняющее назойливую муху.

— Он только что вломился, госпожа Нунн. Охрана внизу говорит, что он спросил вас по имени.

— По имени? Он спросил Гретхен Нунн?

— Нет, госпожа. Просто «Гретх». Он сказал, что здесь живет Гретх из Гили и она знает господина Хоча. Охрана решила, что это один из наших кодов, и разрешила ему пройти.

— Можете отпустить меня, — сказал господин Хоч с улыбкой. — Я ничего не могу сделать — никому из вас.

Она поняла.

— Да, никому. Отпустите его. Он безобидный.

— Госпожа Нунн, почему он называет себя Хочем? Мы знаем, что он…

— Вы никогда никого такого не видели и не слышали. Здесь не было никакого господина Хоча. Понятно? Слава Богу, что всем вам можно доверять. А теперь ушли, быстро!

Когда приемная опустела, Гретхен закрыла дверь и молча посмотрела на любезнейшего господина Хоча.

— Никому из нас… Бедняга, ты шел по следу собственной тяги к смерти. Здорово тебя шарахнуло, да? Сразу крыша напрочь съехала.

— Я тебя помню, Гретх, — улыбнулся ей господин Хоч. — Я как-то пытался тебе помочь. Ты помнишь меня?

— Это тебе надо помочь, Блэз. Там на тебя разослана оперативка, и если тебя задержат в этом образе — пиши пропало. «Летит колыбелька с ребеночком вниз![54]» — Она достала огромную купальную простыню и кинула ему на колени. — Вот, завернись.

Гретхен села и перевела дух.

— Ну, и как, черт возьми, мне тебя из этого вытаскивать? Состряпать самоубийство господина Хоча? А что толку? Чем-нибудь уколоть? Я не знаю чем. Тебе нужен психошок, в гомеопатической дозе, но как, как, КАК это сделать!

Господин Хоч оправил складки своей тоги и произнес:

— Вообще-то я, наверное, и не смог бы помочь той особе, за которой я шел следом.

— Ну раз не догнал…

— Нет, не поэтому. Я не могу найти подсобные

---

[54] Примечания: 54
Из детской английской песенки.

средства. Кажется, я не взял их с собой.

В улыбке Гретхен появился оттенок отчаяния.

— А в кармане не искал?

— Должно быть, где-то оставил. Разумеется, под замком. Следует быть весьма осторожными со смертельными орудиями. Хотелось бы вспомнить, где.

— К счастью, могу заметить, что не в состоянии помочь, господин Хоч.

— Несущественно, милочка. Сначала я должен найти ключ.

— Ну конечно. Сначала, разумеется, ключ, а потом смертельные орудия, которые…

Гретхен осеклась. Понадобилось целых пять секунд, чтобы осознать, какая чудовищная мысль пришла ей в голову. Она задрожала и покачнулась, встряхнула головой, отгоняя наваждение: «Нет, не могу. Не буду. Сил таких нет!» Но она ясно понимала, что станет, сможет и должна найти силы.

Потянулись долгие минуты, пока Гретхен старалась прийти в себя. Она прошла в спальню, достала что-то из ночного столика и зажала в кулаке. Потом, улыбаясь почти такой же стеклянной улыбкой, как у господина Хоча, набрала номер Ильдефонсы Лафферти.

— Нелли? Это ЧК. Нет, не из улья — от себя. Нелл, у меня crise psychologique[55], и я… Нет, душенька, это не умничанье, это неприятности, только по-французски. Моя проблема сейчас здесь сидит, совсем рядом, и я не хочу, чтобы он понимал мой разговор. Да, конечно, «он». Я не могу с ним управиться, а знаю, что ты сможешь, — это твой особый дар. Ты не приехала бы прямо сейчас? Нет, ни намека — увидишь все сама. Спасибо, Нелл. — Она закончила разговор. — Хорошо, Блэз, я открою тот ящик.

У Гретхен был заведен следующий порядок приема: самых почетных клиентов она встречала у входа в Оазис. Менее важных она встречала у внушительного входа в свои апартаменты, в окружении своего штата. Рядовых (т. е. большинство) клиентов проводили к ней в кабинет, где они заставали ее работающей за письменным столом. (Знай все это Миллс Коупленд из «ФФФ», он был бы крайне оскорблен!) Гретхен встретила Ильдефонсу у дверей своей квартиры и провела ее в комнаты.

— Спасибо, что поспешила на помощь, Нелл. У меня полный завал.

---

[55] Примечания: 55
Психологическая проблема *(фр.).*

Ильдефонса переливалась салатного цвета блестками.

— Кто может сопротивляться подначке, ЧК? Конечно, ты меня интриговала — я тебя вычислила. Во всех твоих поступках всегда что-то еще скрывается.

— Решительно возражаю, Нелл.

— Но почему? В этом твоя привлекательность — меня берет за живое, когда я начинаю гадать, что ты еще затеяла. Мне хочется это выяснить.

— Клянусь, что просто нуждаюсь в помощи.

— А я, значит, должна тебе поверить? Это вот и есть твоя crise psychologique? — Ильдефонса двинула бедром в сторону остекленевшего господина Хоча.

— Это оно.

— Ты говорила «он». Ты не сказала «нуль в тоге».

— Он в шоке, и его нужно силком из этого вывести… Привести в норму.

— Ну и чем так хороша норма? Почему не позволить ему радоваться тому, что он есть сейчас?

— Мне нужны его свидетельские показания по делу.

— А я тут при чем?

— Потому что тебе известно что-то, чего я не

знаю,

— Что именно?

— Как устраивать встряску мужчинам.

— Что ж, мне еще не приходилось тыркаться с зомби, но всегда что-то бывает в первый раз.

Гретхен натянуто улыбнулась.

— Если нужно именно это, то у тебя полная свобода действий.

— А что, есть другой способ? — Ильдефонса небрежной походкой приблизилась к господину Хочу, скользнула по нему равнодушным взглядом, внезапно наклонилась и посмотрела пристально. — Быть не может! Господи, да это Херой!

— Какой Херой? Это доктор Блэз Шима!

— Герой-херой, сокращенно от Хирошимы. Замани его в постель, ЧК, и узнаешь почему.

Гретхен плотнее сжала губы.

— Так вот какое твое скрытое намерение, — заметила Ильдефонса. — А что с ним произошло?

— Не знаю. Поэтому ничего не могу сделать.

Ильдефонса заскользила, примериваясь, вокруг

Шимы.

— Так-так, Херой. Давненько с тех пор… Соскучился, козлик?

— Меня зовут Хоч, дорогая. Можете обращаться ко мне «господин Хоч».

— Богу известно, что раньше любая девица завопила бы «Хочу!», козлик. Он что, не узнает меня? — бросила через плечо Ильдефонса.

— Он никого не узнает.

— И себя самого?

— Он думает, что он — какой-то придуманный им тип по имени Хоч.

— А ты желаешь избавиться от этого типа?

— Это было бы лучше всего — чтобы он пришел в себя.

— Есть идеи?

— Ты — моя единственная идея. Я подумала: «Только Нелл сможет привести его в сознание».

— Благодарю, но я обычно довожу их до полной *потери* сознания. Я не очень-то разбираюсь в обратном. Возможно, меня это позабавит. Хочешь, чтобы он вспомнил, что он — Шима?

— В том-то и загвоздка.

— М-м-м… — задумалась Ильдефонса. Г-н Хоч излучал на нее улыбки, напоминая симпатичного римского сенатора. — Погоди-ка. Херой, а это помнишь?

Она затянула своим пронзительно-высоким голоском:

Мамаша наказала мне: «Не прыгай с дядькой при луне! Неслух ты, — сказала мать, — Ты не смей нарушать! Нарушать, нарушать, Будет мужу не сказать!я

Ильдефонса хихикнула.

— Ты всегда от этого тащился, помнишь, Херой? Балдел, когда я пела и танцевала под эту песенку.

— Меня зовут Хоч, дорогая. Можете обращаться ко мне «господин Хоч».

— Слушай, ЧК, да он совсем съехал. Этим номером его всегда можно было довести до того, что он из штанов выпрыгивал. Херой считал, что я — невинная крошка, распевающая похабщину, которую сама не понимаю.

— Ну и промазал!

— Это только для примера. Он и вообще не очень-то соображал. Может, мне станцевать? Танец с раздеванием.

— Можно, конечно. Погоди. Надень вот это.

Ильдефонса поглядела на кабошон в руке Гретхен.

— Что это?

Гретхен почувствовала некоторое облегчение.

— Неограненный алмаз.

— Ты хочешь, чтобы я его надела?

— Пожалуйста.

— Куда? На мне и нитки не останется.

— Вставь в пупок.

— Боже… Сюда? Но как?

— На гримерном клее.

— И зачем мне его надевать?

— Это ключ к запертому ящику.

— Чей ящик-то?

— Его.

— Похоже, что со времени нашего знакомства он обзавелся чудными замашками.

— Именно так. Нет, Нелл, он не должен видеть, как ты его нацепляешь; нужно, чтобы камень сверкнул для него неожиданно. Зайди ко мне в спальню.

Ильдефонса кивнула и прошла в дверь, которую Гретхен придержала для нее. Она вышла очень скоро, позаботившись, чтобы дверь осталась открытой.

— Крутая постелька, — одобрила она. — Вполне может сделать лечение захватывающим. Эти зеркала!.. Ну-с, начинайте отсчет!

— Мне оставить вас?

— Зачем? Вдруг узнаешь что-нибудь полезное.

— Всегда есть место для усовершенствования, — сквозь стиснутые зубы согласилась Гретхен.

Ильдефонса стала в позу перед господином Хочем и снова запела, довольно неуклюже подтанцовывая. («Паршивая координация в вертикальном положении».) Чешуйный доспех из салатных блесток мог сниматься по частям — в стратегическом порядке («Задумка была вовсе не для танцев».) Ильдефонса, не глядя, разбрасывала куда попало клочья чешуи, пока не обнажилась до слепящe розовой наготы — для бравурного финала. Она томно извернулась, выставляя на обозрение все свои сочные выпуклости, и внезапно застыла в призывной позе — прямо перед господином Хочем. Гретхен подавила рычание.

Алмаз замер перед его глазами. Господин Хоч уставился на камень. Потом глаза его скользнули к венерину холмику, поднялись к грудям и остановились наконец на лице Ильдефонсы. Он позеленел.

— Но… но ты ведь Илди, — неуверенно начал он. Глаза его устремились к алмазу. — Как… Что. ты… Почему на тебе камень Гретхен? — Он встал, покачиваясь, озираясь в недоумении. — У меня ничего не связывается.

Ильдефонса протянула к нему пухлые ручки.

— Пошли, козлик. Свяжем все по новой.

— Но ведь… Я… Это же сейчас. Это не тогда.

Сейчас. — Голос его окреп. — Боже милосердный, что у нас с тобой происходит, Илди? Почему ты здесь? В таком виде? С алмазом Гретхен. С этими твоими штучками времен Ипанемы. Господи, да я год назад от тебя отделался!

— Я вынула ее из ящика, Блэз, — тихо сказала Гретхен.

— Но… Но алмаз!

— Я попросила ее надеть алмаз.

— Почему?

— Потому что это ключ.

— Откуда ты меня вытащила?

— От господина Хоча.

— О Боже! Боже милостивый!

— Все в порядке, Херой, — мягко сказала Ильдефонса. Она запустила руки ему под тогу. — Уже все в порядке. Ты вернулся. Я вернулась. Мы оба снова в самом начале. Пошли, козлик. — Она подтолкнула его к спальне.

Шима вгляделся в ее лицо. Она ответила ему томным взглядом. Шима посмотрел на Гретхен. Ее взгляд был твердым. Он снова перевел взгляд с одной на другую, осторожно развернул Ильдефонсу и подтолкнул в сторону спальни. Казалось, он двинулся следом, но он просто сбросил тогу и окутал ею плечи Ильдефонсы.

— Прощаются навсегда, — сказал он.

Ильдефонса изумленно обернулась. Шима подошел к Гретхен.

— Что теперь?

— Благодарю за вручение короны.

— У тебя не было соперницы.

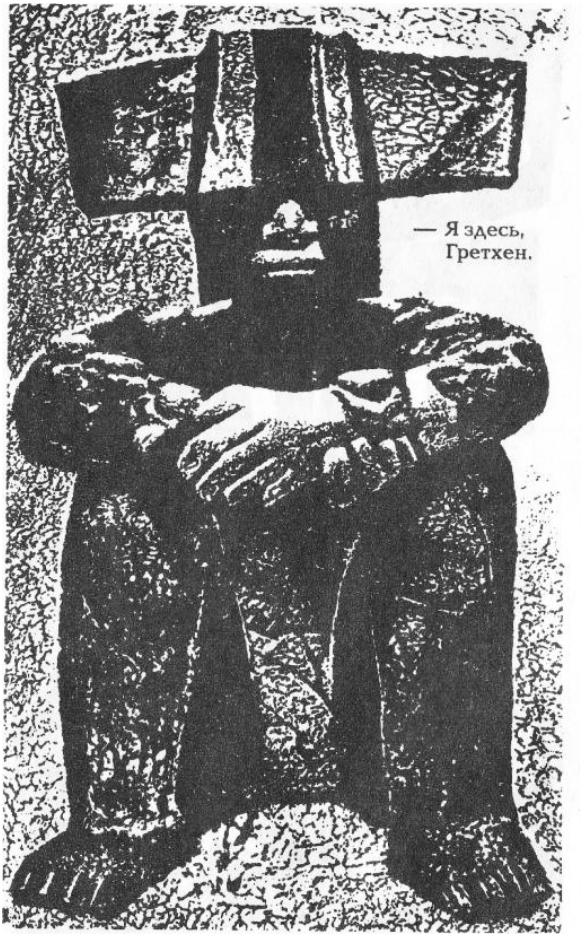
— По-моему, была.

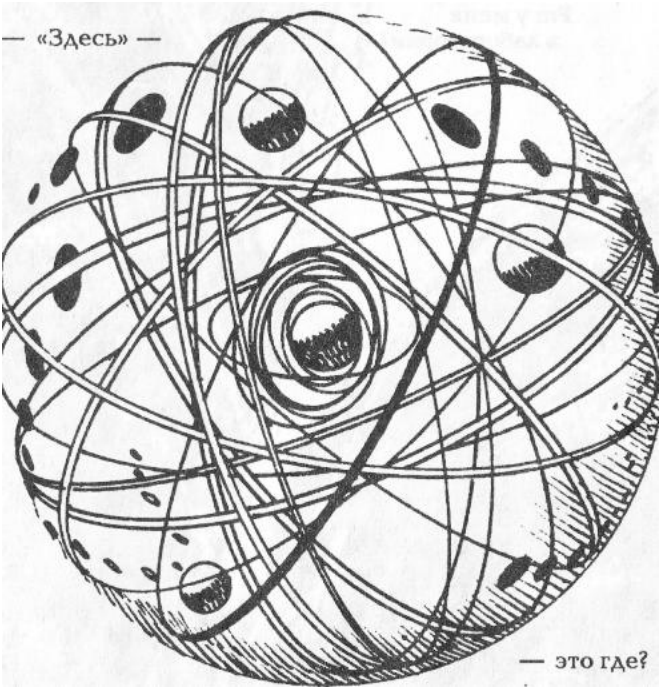
— Что теперь? — повторил он.

— Что? Бегом к тебе в лабораторию — и полет на Рт. Нам нужно нанести визит в Фазма-мир. — И, через плечо, остолбеневшей Ильдефонсе: — Ты обсчиталась, Нелли. Со мной всегда нужно искать третий скрытый смысл. Алмаз можешь оставить себе.

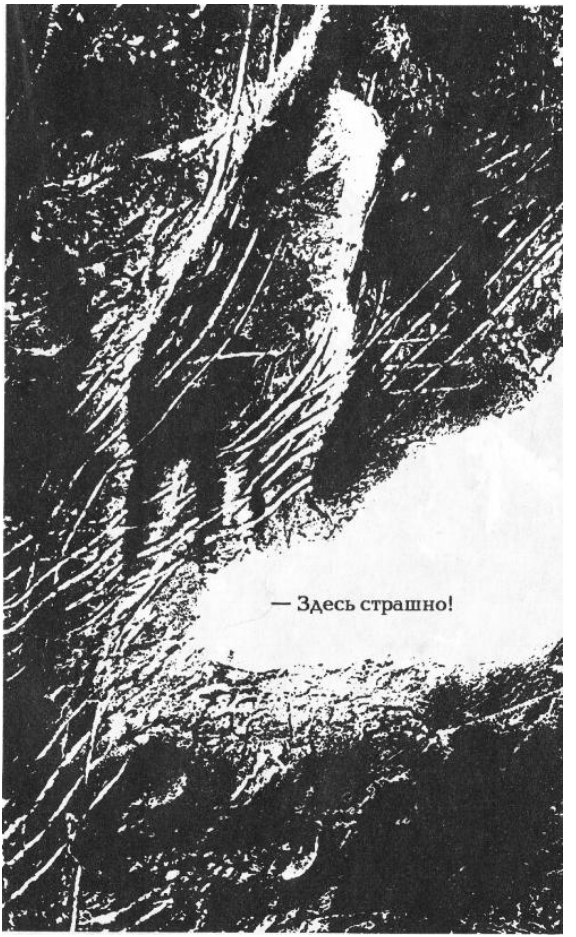
Глава 13

—Блэз?
7

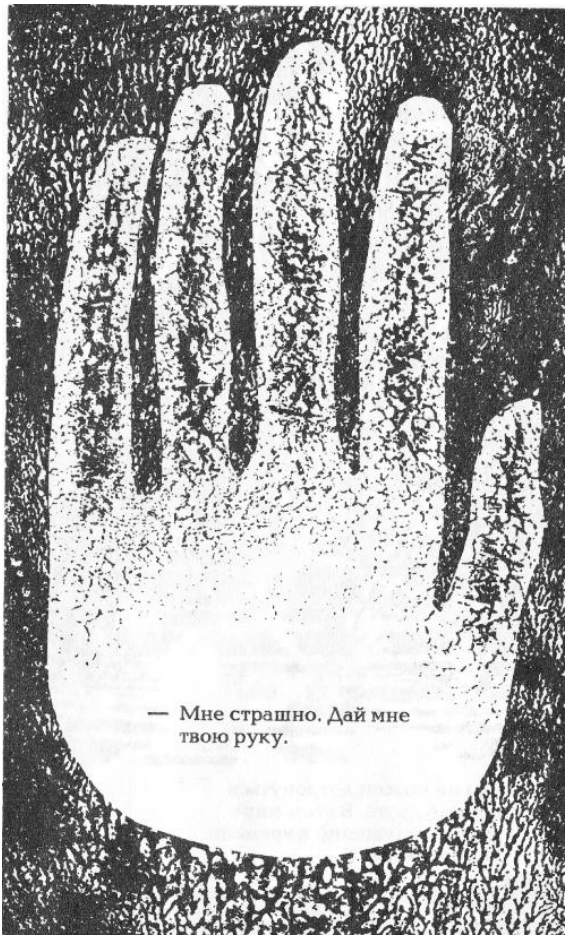

— Я здесь,
Гретхен.

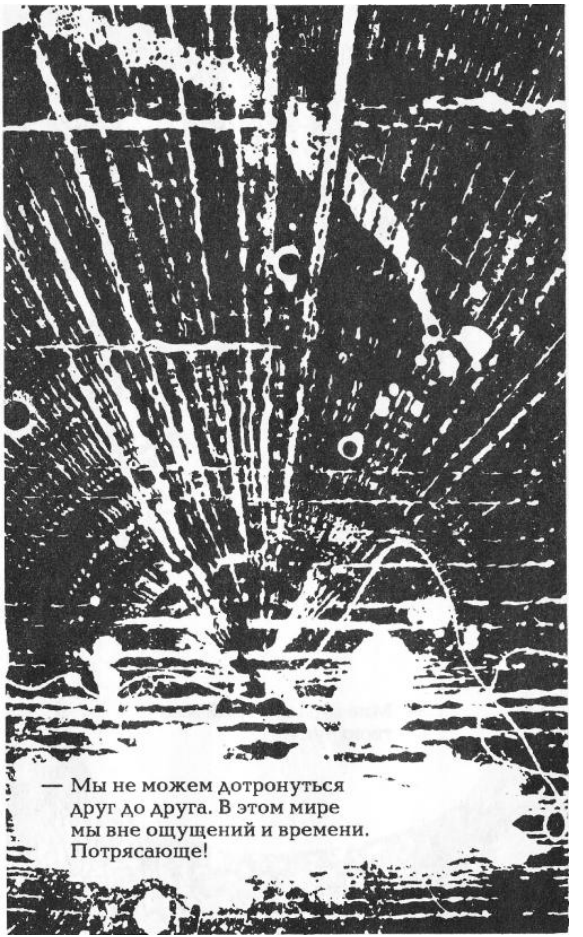

— «Здесь» —
— это где?

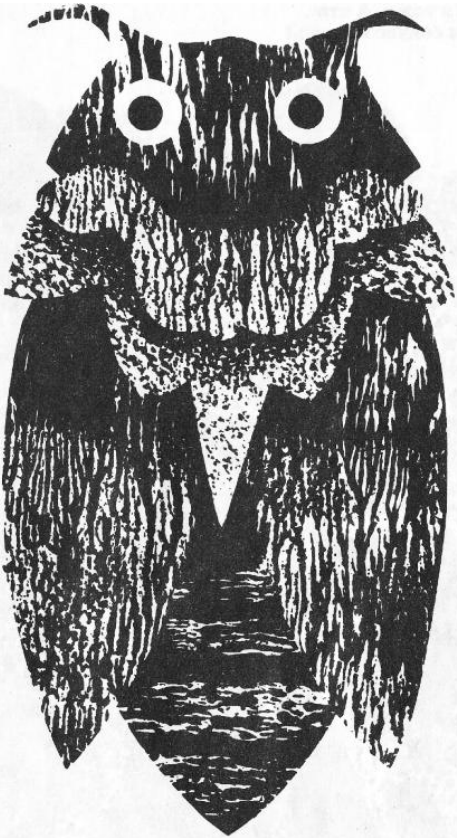
— В твоем Подмире. Помнишь, мы всадили себе по миллиграмму Pm у меня в лаборатории?


— Здесь страшно!

— Здесь потрясно.
Прости, Гретхен,
что я не въехал
в твою теорию Подмира.
Я был неправ.

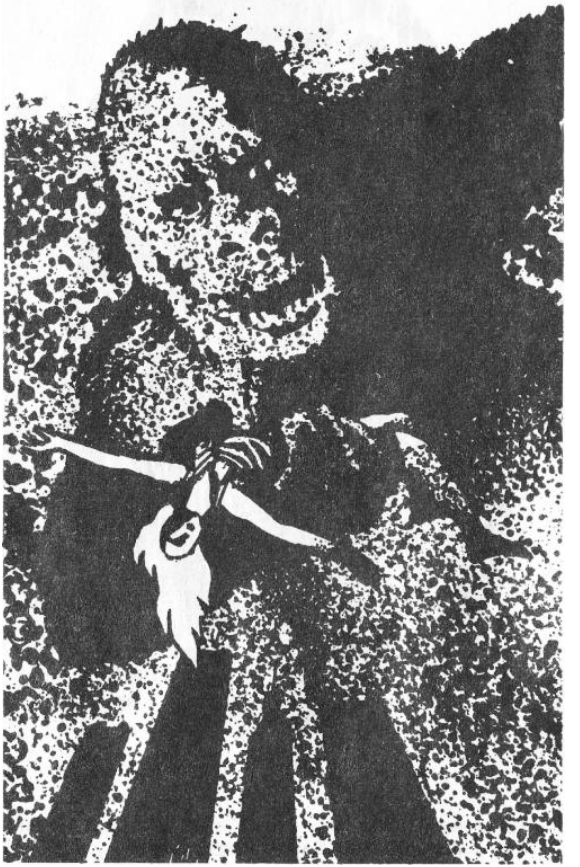

— Мне страшно. Дай мне твою руку.

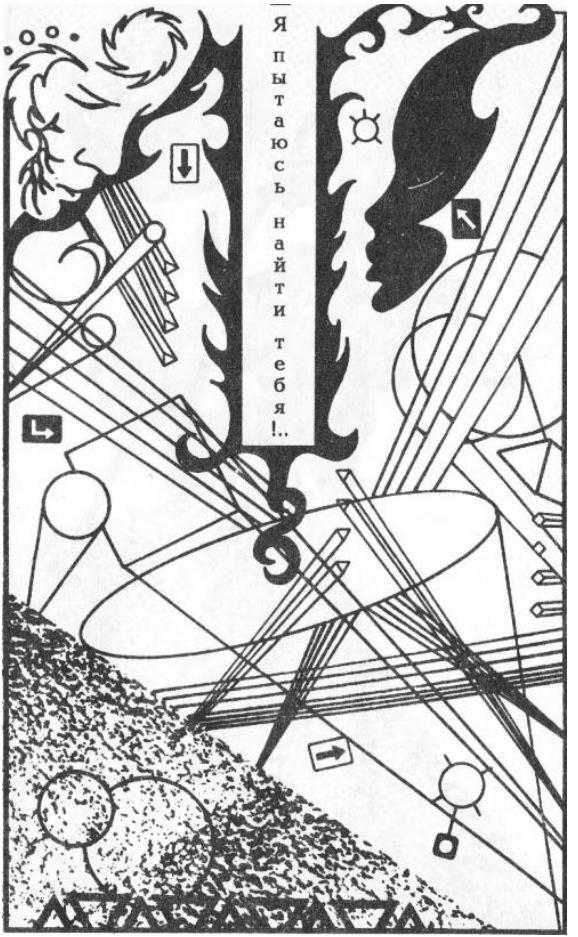

— Мы не можем дотронуться
друг до друга. В этом мире
мы вне ощущений и времени.
Потрясающе!



— Для исследователя — возможно, но не для меня. Мне очень страшно, Блэз. Я вижу всякие ужасы!

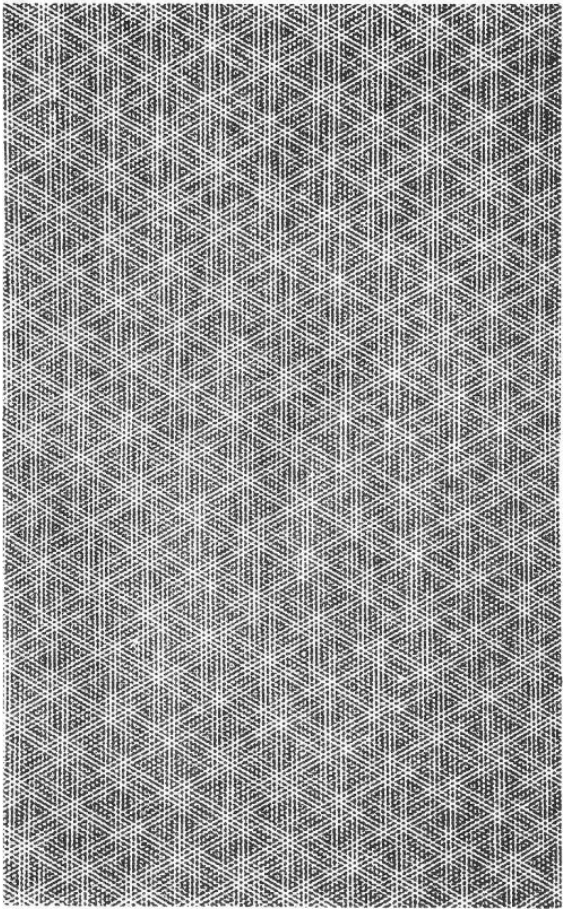
— И я тоже. А что
ты сейчас видишь?



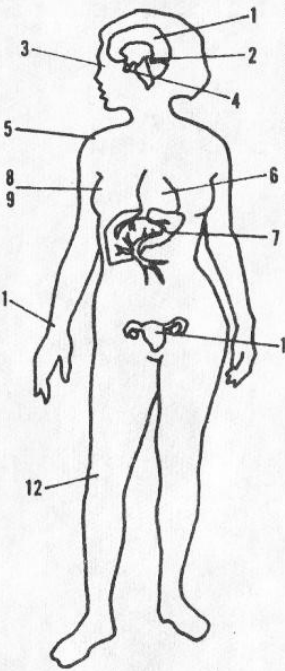

Я пытаюсь найти тебя!..

— Ну и как?
Удается?

— Мне показалось на миг... Нет. А ты?



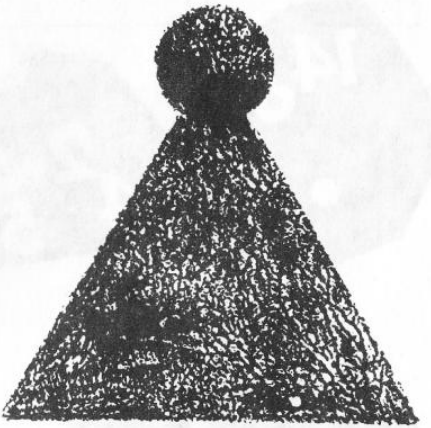
— Пытаюсь



разглядеть тебя.

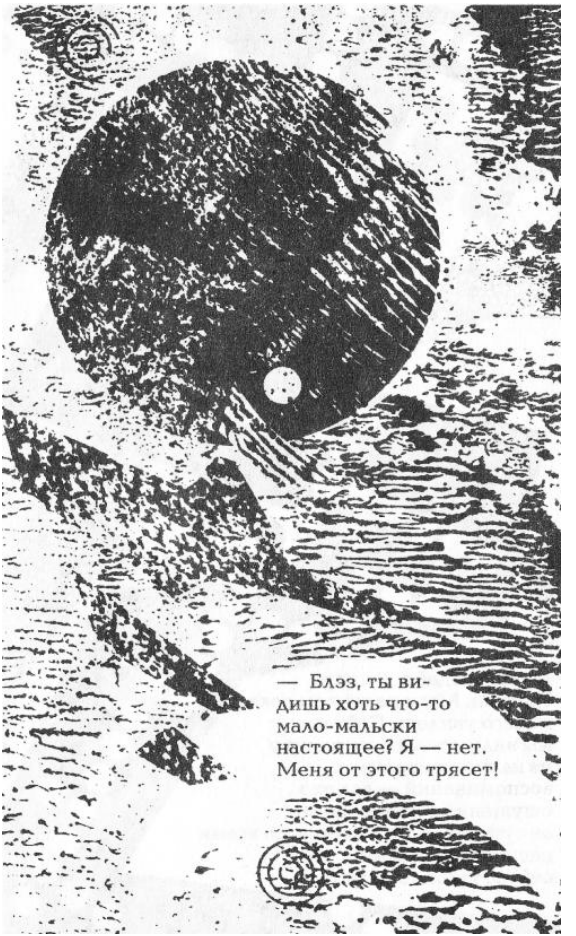
— Тебе нравится то,
что ты видишь?

— Ух как ух как ух как ух
как ух как ух как ух как ух
как ух как ух как ух как ух
как ух как ух как ух как!

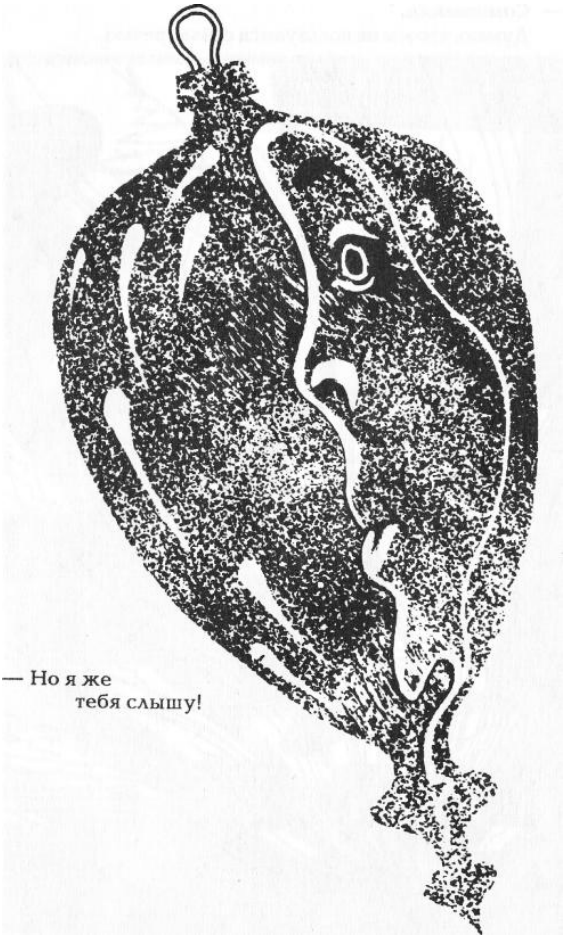


— Поцелуй меня, дурачок.

— Как-нибудь в другое пространство-время. Я пытаюсь разглядеть лабораторию.

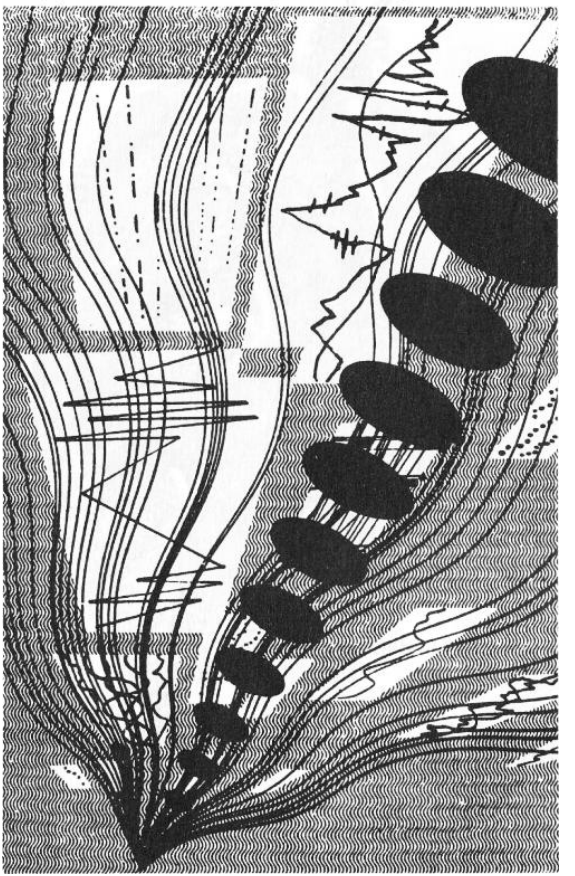

— Блэз, ты видишь хоть что-то мало-мальски настоящее? Я — нет. Меня от этого трясет!

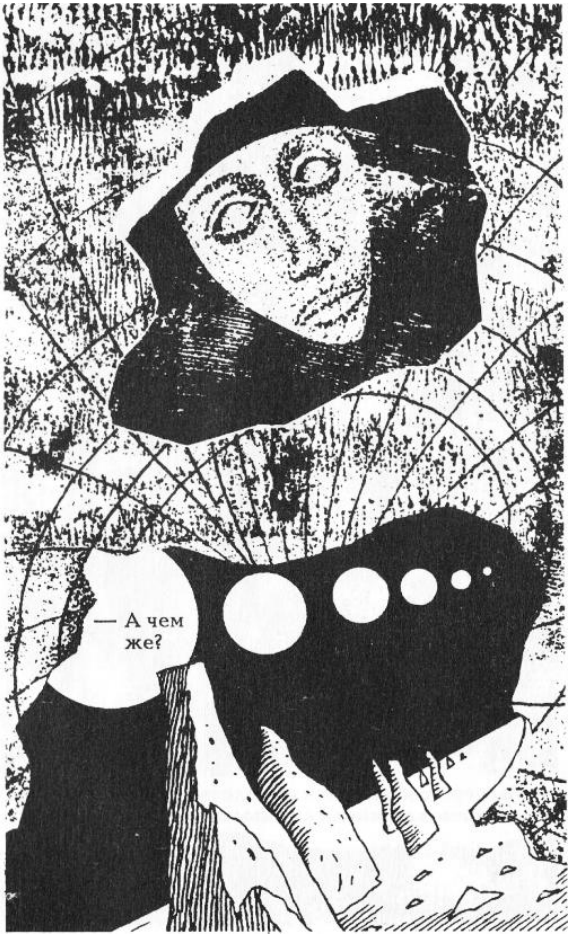
— Не впадай в панику, Гретхен. Мы и не можем пока ничего увидеть. Сейчас мы видим только мешанину из наших зрительных воспоминаний — как эхо ощущений в нервах после ампутации. Мне кажется, со всеми нашими чувствами сейчас такое творится.



— Но я же
тебя слышу!

— Сомневаюсь.
Думаю, что мы не пользуемся сейчас речью.

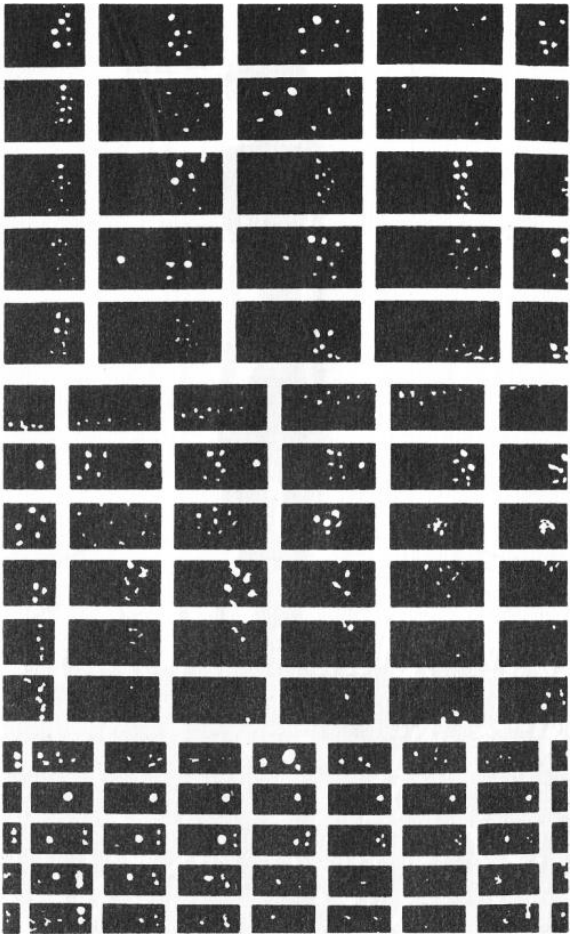


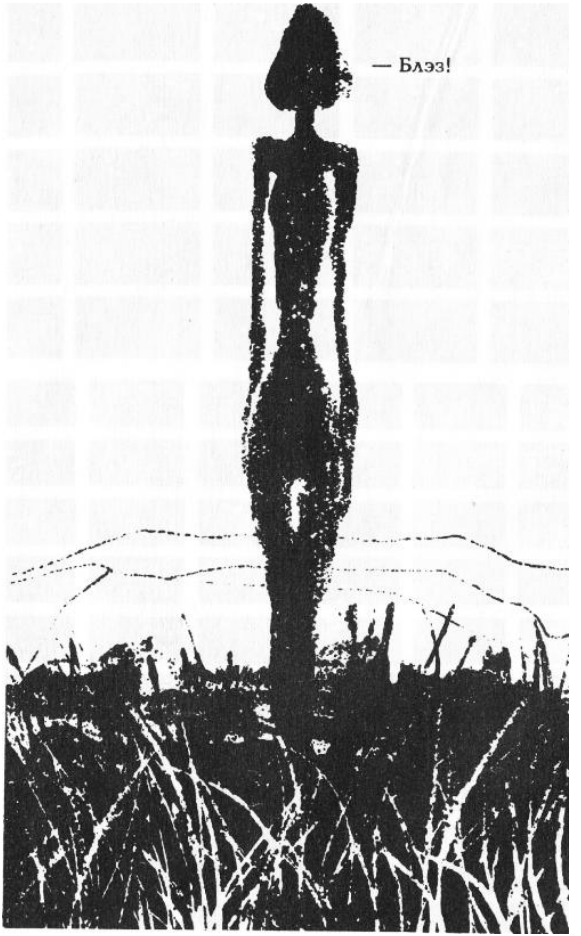

— А чем же?

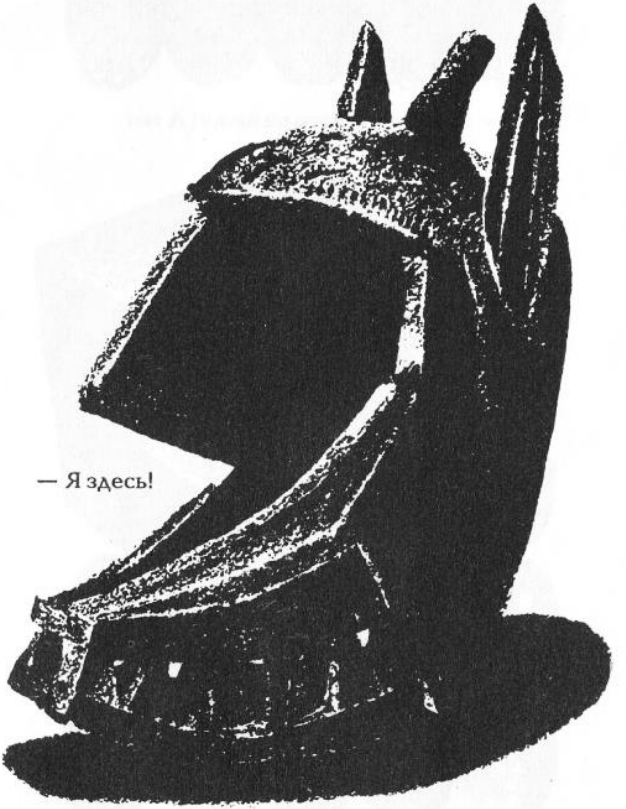
— Мы переговариваемся на подсознательном уровне, но переводим мысли в привычную звуковую форму.

— Увидим ли мы
подлинный мир id?

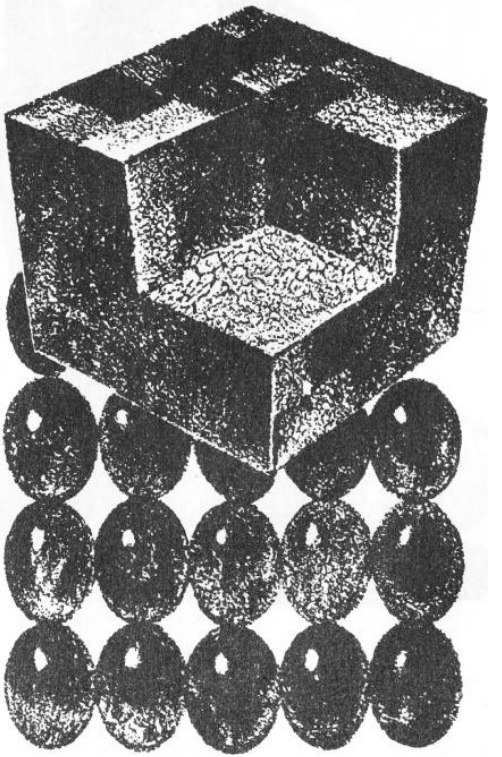
— Когда наши чувства выйдут из-под укрытия привычных ощущений. Они терпеть не могут встреч с неведомым, но им придется приспосабливаться. Держись, Гретхен! Прикажи своим нервам осознать, что неведомое это захватывающее приключение!



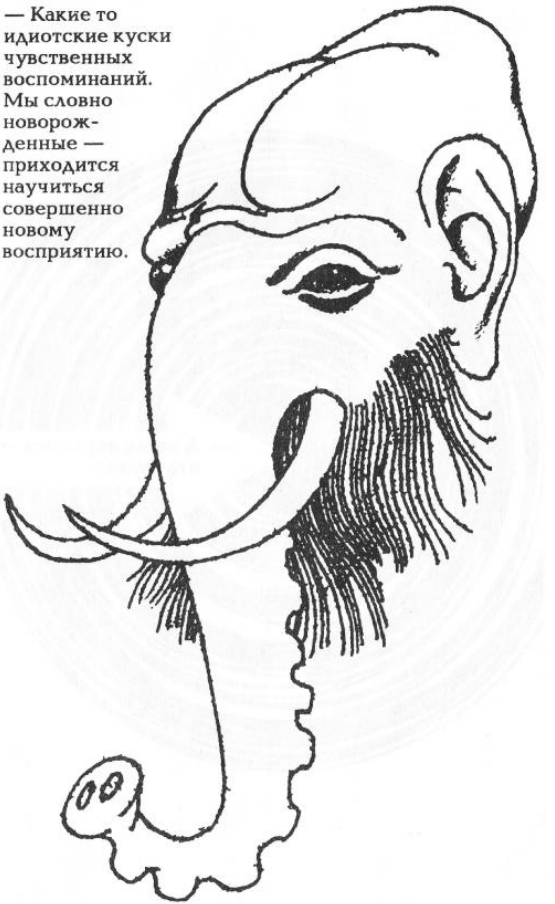

— Блэз!

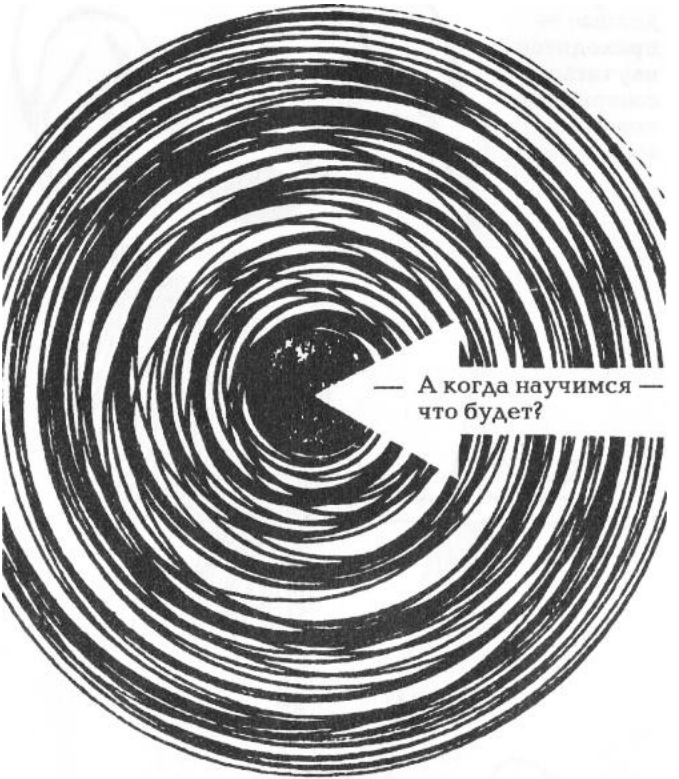

— Я здесь!

— Ничего путного не вижу! А ты?



— Какие то идиотские куски чувственных воспоминаний. Мы словно новорожденные — приходится научиться совершенно новому восприятию.



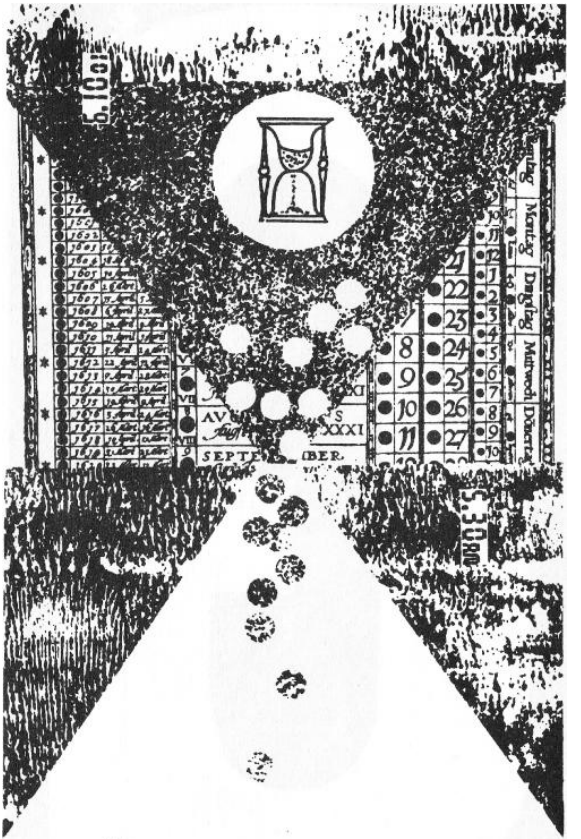

— А когда научимся —
что будет?

— Не знаю, но приветствую — что бы то ни было! Боже, Гретхен, какое открытие! Какой грандиозный эксперимент! Ты понимаешь, что мы первые осуществили запуск в Нуль-пространство? Значит, мы кто?
— Неганавты?

— Я хочу назад,
пожалуйста!

XAM
THE INVIN
— Потеряла вкус к приключениям?

— Потеряла смелость. Я в панике!



— Миллиграмм должен скоро кончиться,
только что такое «скоро»
для нуль-пространства?
Здесь ведь нет времени, здесь только...

— ГРЕТХЕН!

— Не пугай меня, Блэз,
мне и так страшно.

— Мне кажется,
что чувственные
воспоминания понемногу
отступают. А у тебя?

— Сама не пойму.

— Различаешь цвета?

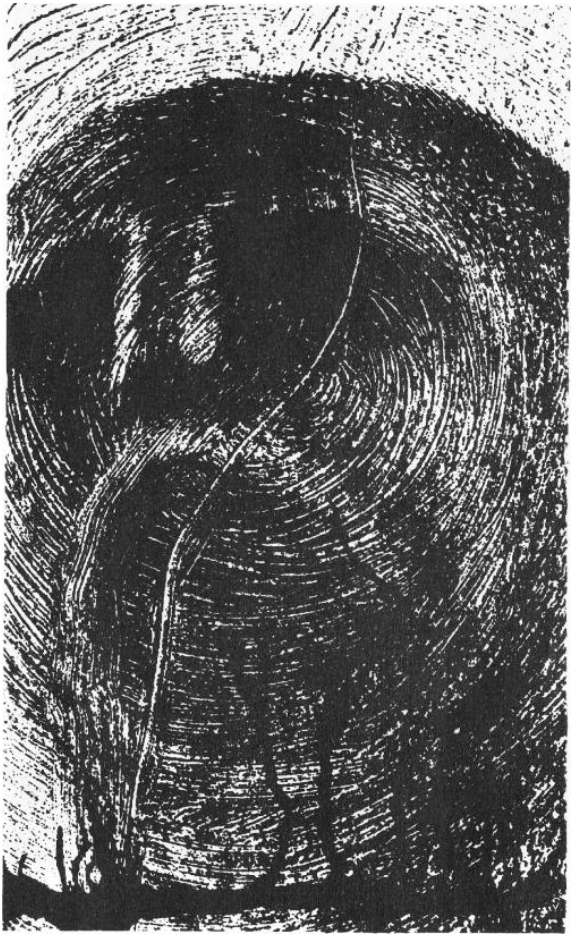
— Уже нет.

— Различаешь
какие-то образы?

— Тоже нет.

— Отлично.
Если наш Pm-полет
продлится, то,
может быть, Фазма-мир
покажется нам таким,
каков он на самом деле.

— БЛЭЗ! БЛЭЗ! ГОЛЕМ!!!



Глава 14

Субадар Индъдни вошел в Первую комнату для допросов. Там было тепло и темно. Доктор Блэз Шима в уютной пластиковой утробе слабо светился в темноте, накачанный успокоительными, голый, свернувшийся в позе зародыша. Играла убаюкивающая музыка, в ритме которой слышалось спокойное биение сердца. Следователи не выкрикивали вопросы ему в уши; напротив того, голоса их, раздававшиеся из темноты, были по-матерински мягкими, вплетались в общую картину уюта и покоя.

— Мы любим тебя, малыш.

— Весь мир тебя любит.

— Так тебе хорошо, так тепло, так безопасно.

— Ты нам можешь все рассказать.

— Скажи мамочке.

— Что тебе сделала Интра-Национальная Картель-Ассоциация?

— Зачем ты искал девственницу?

— Разве какая-нибудь девица может в таком признаться?

— Скажи нам.

— Скажи мамочке.

— Откуда у тебя шутихи?

— Ты их сам сделал?

— Скажи нам, малыш.

— Схватка воздушных змеев — это, наверное, здорово!

— Ты говорил с этими людьми?

— Что ты им сказал?

— Расскажи все мамочке.

— Ты что, не знал, что статую Свободы давным-давно свезли в металлолом?

— И остров Бедлоу тоже продан.

— Что тебе было нужно?

— Скажи мамочке.

— Ты от кожи балдеешь?

— А при чем тут чернила?

— Чего ты добивался?

— Ты ведь знаешь, верно, как выглядит голая девушка?

— Все знают.

— Так чего тебе было нужно от той покойницы?

— Скажи нам.

— Ведь все потому, что ты любишь девушек?

— А зачем их красить в черный цвет?

— И почему ты так ненавидишь свою работу?

— Или ты ненавидишь «ФФФ»?

— А может, тебя воротит от науки? Скажи нам, малыш.

— Может быть, он ненавидит сам себя.

— Ты поэтому собрался в космос, а, малыш?

— Скажи мамочке. Ничего не бойся. Тебя ни за что не накажут.

— Очень занятное музыкальное представление ты устроил.

— Но у тебя не только с цветом не в порядке, тебе еще и медведь на ухо наступил.

— Все равно, мамочка тобой гордится.

— Только расскажи, зачем ты все это проделал.

— Малыш, ведь не положено трахать девок прямо в супермаркете.

— Тебя все любят, но это уже слишком.

— Или это было тайным посланием?

— Скажи нам.

— Ну как мог к тебе в Оазис попасть слон?

— Тем более — к тебе в кровать!

— Глупый малыш!

— Ты же не думал, что сумеешь сам опрокинуть ту цистерну для воды? А? Ведь не сам же по себе!

— Конечно же не думал.

— Тогда чего же ты на самом деле добивался? Может, это был сигнал для ООП?

— Скажи нам, малыш.

— Скажи мамочке.

— Скажи нам.

Шима не откликался. Он плавал в утробе, уткнув голову в колени, обхватив себя руками, совершенно неподвижный.

Субадар Индъдни вздохнул, повернулся и вышел так же тихо, как и вошел. Он отправился во Вторую комнату для допросов. Все в ней было точно таким же, как и в Первой комнате, за исключением того, что тихие голоса звучали по-отечески, а в пластиковой утробе был другой обитатель — Гретхен Нунн.

— Мы любим тебя, детка.

— Весь мир тебя любит.

— Как тебе хорошо, как тепло, как безопасно!

— Вот ты нам все и расскажешь.

— Можешь все рассказать папочке.

— Ты ведь знаешь, мы любим игрушки.

— И они нас любят.

— Так что ты пыталась сделать в той игрушечной лавке?

— Что, тащатся теперь от какой-то новой дури, а мы не знаем?

— Скажи нам, детка.

— Расскажи папочке.

— Ты себя дурно вела в музее.

— Папочка тебе тысячу раз наказывал не трогать то, что не твое.

— Так зачем ты это сделала?

— Малышка, ты знаешь, что у тебя расцветка, которая не годится для татуировки.

— Ну, так что тебе было нужно? Тот мужик — толкач?

— Ты же знаешь, что бесполезно пытаться завести плакат.

— Да ему это и не надо.

— Так зачем стараться?

— А может быть, ты подавала тайный знак неизвестному лицу… или лицам?

— Скажи папочке.

— С чего ты взяла, что способна спеть главную партию в той опере?

— Или у тебя зуб на Армию Оледенения?

— Ты же знаешь наверняка, что нам нужно чем больше духов — тем лучше?

— Так зачем перекрывать их источник?

— Или у тебя зуб на «ффф»? Скажи, почему?

— Какая у нас девочка славная, какая умница — разукрасила к Рождеству всю площадку для запуска ракет!

— Только вот рождественские цвета больше не

красное с зеленым.

— Теперь принято черное с белым. Что ты имеешь против черного цвета?

— Ты сама черная? Ты этого стыдишься?

— Почему ты не дала этому чудику нагнать себя в супермаркете?

— Раньше-то ты ему все давала.

— А почему не в этот раз? Скажи нам.

— Скажи папочке.

— Скажи, что ты имеешь против звездных сапфиров?

— Ты что, вообще ненавидишь звезды?

— Или это тайный код?

— А где ты выучила эту похабель на латыни?

— Или это снова код?

— Скажи нам, детка.

— Скажи папочке.

— Скажи нам.

Никакого отклика от Гретхен Нунн.

Субадар Индъдни вздохнул опять, повернулся, вышел и направился в свой кабинет в здании участка.

Нельзя сказать, чтобы для высокопоставленного чиновника это был обычный кабинет. Индъдни удалялся от горячечного безумия Гили в чистоту Японии: натертые полы из тиковых

досок, ничем не закрытые; неброские шторы; удобная, не бросающаяся в глаза мебель черного дерева. Никаких столов для заседаний — в центре комнаты выложенное черепицей углубление для жаровни. По краям и рассаживались приглашенные

Индъдни на совещания и он сам — свесив ноги навстречу приветливому теплу. Ничего удивительного, что сотрудники субадара обожали даже разносы в кабинете начальника.

Самым, наверное, примечательным объектом во всей этой японской фиговине был тот, что возвышался на фоне задрапированных окон: полутораметровый ствол кедра, обветренный, сучковатый и узловатый. Его поверхность, гладкая, как слоновая кость, так и притягивала к себе. Даже Индъдни не мог удержаться, чтобы не гладить его, чем он сейчас и занимался.

Наконец он заговорил:

— Итак, будьте любезны? Отзываются или?

В кабинете никого не было, но бесплотный голос ответил:

— Никакого отклика, хозяин.

— Даже обычных отрицаний?

— Нет, хозяин.

— А что есть и есть ли что-то?

— Ничего, хозяин. Полнейший вакуум. Оба, похоже, в отключке.

— Весьма удивительно. Вы придерживались стандартной процедуры при допросе?

— Мы не ограничились только этим, субадар. Мы опробовали все новшества, какие смогли придумать.

— И все тот же провал, отрицательное ничто?

— Мне очень жаль, хозяин.

— Нет, не сожалейте, нет. Весьма интересно, весьма привлекательно — это дополнит головоломную загадку чудовищного Сторукого. Любезно оденьте… Что это? Смех?

— Извините, хозяин. Я просто вспомнил, в каком виде они объявились здесь, в участке.

— А, да. Согласен. Весьма неожиданное и занимательное пришествие. Для некоторых. Так. Любезно оденьте их, приведите в сознание происходящего и доставьте ко мне.

Блэз и Гретхен довольно твердо держались на ногах, входя в кабинет Индъдни, но бодренькими их никто бы не назвал. В них проглядывало смятение людей, пришедших в себя в чужой обстановке без малейшего представления о том, кто, что, когда, где, почему.

— Мои приветствия, — встретил их Индъд-

ни. — Хорошую вы задали гонку злому шерифу по лесам господина Шервуда[56]. Очень мило от вас набраться времени заглянуть ко мне в крайнем конце.

Они тупо уставились на него.

Индъдни указал на углубление с жаровней.

— Не присесть ли нам и пообщаться согретым?

— Послушайте… — начал было Шима.

— Или предпочитаете подкрепиться прежде? У вас был такой вечер, полный хлопот.

— Послушайте… — снова начал Шима, но тут вмешалась Гретхен.

— Хлопотный вечер, субадар? Но ведь еще не вечер? Сейчас не позднее пяти-шести часов, верно?

— Вы так полагаете, мадам?

— Не сомневаюсь.

— Вы так представляете себе положение дел?

— Разумеется.

— Послушайте, — в третий раз начал Шима. — Я хочу знать, какого дьявола мы делаем в участке и как мы сюда угодили из моей лаборатории. Это что, очередные ваши штучки?

— Или зверства полиции, да? — улыбнулся Индъдни. — Весьма любопытное состояние недо-

---

[56] Примечания: 56

Намек на Шервудский лес, где скрывался от Ноттингемского шерифа Робин Гуд.

умения. Идите сюда, погрейтесь и расскажите мне, почему сейчас не может быть позднее, чем пять или шесть часов пополудни.

— Потому что мы не больше часа, как пришли в лабораторию Блэза.

— О да. В комплексе «ФФФ». Позволяется ли уяснить, где вы обнаружили доктора Шиму, мадам? Вы можете припомнить, что сообщили мне о его исчезновении.

— Ну да. Несколько часов назад. И вы по вашему «секретному» коду НЕМО передали приказ о немедленном задержании — хотя я протестовала.

— А что можно мне было сделать? Однако вы нашли его раньше моих патрульных. Где?

— В моей квартире.

— Невредимого и в здравом рассудке?

— К чему этот вопрос? — Голос Гретхен стал напряженным.

— А разве не таково обычное состояние, в котором мы все надеемся застать разыскиваемых особ? — Медовый голос Индъдни опять источал опасность. — Здравыми и невредимыми, не так ли?

— Здравым и невредимым, именно так.

— Но мне вы не сообщили о своей находке,

невзирая на сильное волнение/ прежде. Почему, мадам?

— Потому что… Потому что у нас оказались более срочные дела.

— Уточните природу таковых.

— Полетать с прометием.

— Ах вот. В надежде навестить тот Инфра-мир, который вы так красочно напридумывали.

— Я тоже не поверил ей, — вмешался Шима. — Я соглашался из вежливости. Но это вовсе не выдумка, Индъдни. Его существование — это факт, холодный неприкрытый факт. Или мне стоит сказать, что это — жареный факт, потому что это нечто запредельное! Бред собачий!

— И все это когда?

— Не больше часа назад. — Шиму бросило в жар от возбуждения. — Это открытие станет новой вехой в истории, дайте мне только записать его и опубликовать. Его назовут синдромом Шимы или эффектом Нунн, не знаю. Мы вкатили себе внутривенно по миллиграмму Рт у меня в лаборатории. Выбрали одни и те же вены, чтобы совпал временной интервал погружения, и прометий свалил нас за считанные секунды. Действие потрясающее, субадар! Небывалое! Этот треклятый Фазма-мир — *существует*! Не знаю, может быть,

глубоко под всем внешним живет целая, мать ее, Фазма-цивилизация. Мы были там (где бы это ни было) слишком недолго, чтобы проводить исследования.

— Вы и вправду так полагаете, доктор Шима?

— Полагаю? Черт возьми, субадар, я это *знаю*|

— Вы были вместе в этом Подмире, о котором говорила мадам?

— Вместе, но не так, как это понимают в нашем Надмире.

— И сколько продолжалось?

— Трудно сказать. У нас исчезло всякое чувство времени и пространства. Но миллиграмм прометия не мог долго нас держать. Я бы сказал, минут двадцать, а, Гретхен?

— Ближе к получасу.

— И все это время, где находились вы… как вы говорили, доктор?., если в нашем Надмире?

— В моей лаборатории в «ФФФ».

— То есть, — пояснила Гретхен, — там находились наши тела, субадар. Я же говорила вам, что мы уйдем из Гили, не уходя, — так и было.

— Нет, так не было, — отчетливо произнес Индъдни.

Гретхен затаила дыхание, потом выпалила:

— По-вашему, мы лжем?

— Нет, — тихо и определенно ответил Индъдни. — Нет. Я думаю, что вы обезумели, оба… Прометий свел вас с ума. Очевидно, это вещество безмерно опасно.

— Что? Как? Почему вы…

— Любезно послушайте. Пять часов пополудни было вчера. Сейчас уже сегодня — седьмой час утра. Ваши полчаса продолжались двенадцать часов.

— Но… нет, это невозможно!

— И я могу представить отчет о том, как вы провели большую часть этого времени. Были разосланы патрули, была тревога по коду НЕМО. Были постовые, и отовсюду поступали рапорты о ваших безумных выходках по всей Гили.

— Но мы же никуда не выходили, — запротестовала Гретхен. — Наши тела не покидали лаборатории Блэза!

— Нет, оба вы выходили.

— Это и в самом деле ваши штучки, Индъдни.

— Честью своей заверяю, доктор, это не так.

Оба они знали, что Индъдни — человек чести. Они ошарашенно замолчали, уставившись на него с немым вопросом в глазах.

— Угодно ли выслушать рассказ о том, как вы провели эти выпавшие двенадцать часов?

Оба не смогли сказать ни слова в ответ.

Тогда Индъдни продолжил. В рассказе его, предупредил он, может нарушаться последовательность времени и места. Возможно, какие-то события оказались вне поля зрения его сотрудников, которые с огромным трудом могли угнаться за непредсказуемыми похождениями двух безумцев.

— Один из сотрудников, шахматный чемпион по участку, сообщил, что ваши перемещения напоминали ходы коня в тороидальных шахматах.

Начинаем в пять часов пополудни вчера. Имело место следующее: мадам ворвалась в помещение игрушечной лавки и попыталась подбить игрушки на бунт против детишек. Слышали, как она уговаривала плюшевого страуса: «Убей же, малыш, убей! Пристукни этих ребятишек!»

В это же время доктор занимался поисками девственницы в комплексе помещений Интра-Национальной Картель-Ассоциации. Сильно озадачившись, я наконец понял, что первые буквы названия компании образуют существительное ИНКА. Доктор Шима, очевидно, намерен был принести жертву ацтекским богам, вырезав сердце у невинной девы. Вместо ритуального ножа он размахивал линейкой с метрическими

делениями.

Засим: доктора Шиму обнаруживают в недрах плотины Гудзон-Адовы Врата, провозглашающего свое намерение взорвать всю махину, которая, цитирую, «есть алчное надругательство над экологией побережья». В качестве взрывного устройства он поджег трехметровую змею из китайских шутих и в последовавшем смятении скрылся.

Госпожа Нунн далее объявилась в Художественном музее Гили, где она вызвала потрясение у множества серьезных студентов и ученых, перебегая от статуи к статуе, хватая мужские фигуры за гениталии и жалуясь, что они такие холодные. Она избегла задержания, швырнув фиговый листок в лицо охраннику.

В Центральном парке доктор Шима с помощью змея-убийцы пытался уничтожить других змеев, которых пускали там дети и взрослые. По счастью, хвост его змея был оснащен не опасными лезвиями, как бывает в таких случаях, но механической электробритвой. Далее он появился на острове Бедлоу, полный решимости забраться на макушку несуществующей статуи Свободы и возжечь заново ее факел. Вам известно, полагаю, что остров был продан Лиге защиты животных,

и на нем содержат приют для бездомных кошек и собак. Лига дурно восприняла пылающие горючие материалы в руках доктора. Животные отнеслись к этому не лучше.

Затем вы под ручку ввалились в салон модного татуировщика и потребовали, чтобы он сочетал вас браком, утатуировав вас в одно целое. Когда бедняга попытался объяснить, что не имеет права никого и никаким образом поженить, вы свалили его на пол, где пытались нататуировать на его и так полностью покрытом рисунками теле буквы Б-Ы-Д-Л-О, одновременно распевая песенку: «Отведи меня, Уолтер, к алтарю, покажу татуировочку свою!»

Доктор Шима далее был замечен в центральном морге Гили, где он вступил в ожесточенную перепалку из-за девичьего трупа с известным некрофилом. Доктор Шима, кажется, желал произвести вскрытие и осмотр ее внутренних органов: он сокрушался, что никогда не занимался патологоанатомией — ни в Принстоне, ни в МТИ, ни в «Дхоу Кемикл». У другого господина, уже уплатившего за труп, были иные виды. Чрезвычайно неприятная стычка.

Мои сотрудники далее сообщили, что вы, мадам, самым непотребным образом терлись пахом

о трехмерный плакат на трех щитах. Плакат рекламировал средство от бессилия «Подъем!», изображая нагого мужчину в состоянии «до» и «после». Ваши ухаживания были направлены целиком на господина в стадии явно «после», с привлекающим внимание живой окраской и заметно больше натурального размера органом.

Доктор Шима тоже в это время поддался любовному пылу. Он носился туда-сюда, срывая одежду с проходящих дам, обрызгивая их черной краской и распевая: «Черных трахать хорошо! Черных трахать хорошо!» Весьма удивительно, поскольку все дамы были черными от природы.

Мне не доложили, как вы, госпожа Нунн, обзавелись гримом, но в помещении «ВГА», принадлежащей Армии Оледенения, вы появились в полной клоунской раскраске и нагло пытались пролезть в их постановку оперы «Паяцы» в обработке Скрябина-Финкеля, утверждающей, что ревность нарушает предопределение Господне. Вы все время рассыпались верхним «до» в подтверждение вашего дарования, что побудило множество бродячих собак поднять вой.

После нового хода коня оперативники разыскали вас обоих в комплексе «ФФФ». Вы подвергли разгрому лабораторию доктора Шимы — целью

было смешать все химикаты и реагенты в гигантском цилиндре, похищенном с рекламы земляных орешков. Произведен был крайне дурной запах. На одной стене пальцем в перманганате калия ($КМ_{п}0^{4}$) было написано: «УБИВОНЬ — ДУХОВИЛОВКА ВОНЮЧЕЛОВЕКА!»[57]

На Стэйтен-Айленде доктор Шима привязал себя к ракете-носителю на Сатурн и упрашивал госпожу Нунн чиркнуть спичкой, поджечь ракету и запустить его в открытый космос. Мадам, однако, была слишком занята — из распылителя украшала бетон стартовой площадки рождественскими призывами в красной и зеленой красках, вслух рассуждая о том, что чуждым обитателям далеких звезд легче будет понять послание, содержащееся у Луки, гл. II, ст. 14, чем $E = Mc$[58] или даже 1 + 1=2.

Поисковый патруль далее обнаружил, по их словам, заговорщиков, явившихся непрошенными на официально разрешенное сборище Черного Ку-Клукс-Клана, где вы загасили их священную пылающую мандалу, причем на крайне скатологический манер; далее вы пустились в

---

[57] Примечания: 57
Пародия на поведение банды убийц Мэнсона в доме Шэрон Тэйт.

[58] Примечания: 58
Опера Д. Гершвина, содержащая откровенные любовные сцены.

импровизированное представление классической оперы «Порги и Бесс»[2]. Непредубежденные свидетели охарактеризовали выступление как попросту жалкое.

Все еще вдвоем, в нечестивом единении (моими словами) вы были замечены в маркетоне, где доктор

Шима гонялся с явно плотскими намерениями за визжащей и хохочущей госпожой Нунн. Вы забрасывали даму, доктор, фаллическими символами: спаржей, сельдереем, бананами, шампиньонами и сосисками. Для того чтобы окружающие не обманулись насчет ваших намерений, вы сопровождали метательные снаряды непристойными яркими описаниями.

Здесь наблюдается некий пробел в ходах коней, но вы, похоже, снова расстались. За мадам гонялись по всему Пассажу, где она громила витрины со звездными сапфирами и обличала мерзость общества потребления, возглашая: «Суета сует и все — суета». Доктор Шима вторгся в родильный дом Равных Прав, где воспрепятствовал приему нескольких родов, чем угрожал жизням рожениц. Он вопил, что его обрюхатил слон и ему срочно необходим аборт.

Вы, госпожа Нунн, укрылись в церкви Всех Ате-

истов, где вам удалось шокировать тех немногих неверных, которые понимают латынь, громогласно распевая следующие стихи: «Otualingula, usque perniciter vibrans et vipera. O tuae mammulae, mammae molliculae, dulciter turgidae, gemina poma»[59]. Постыдились бы, мадам!

А вы, доктор Шима, вскарабкались на крышу Оазиса по соседству с правлением ООП и пытались голыми руками опрокинуть двухтонный дождевой бак на вершину пирамиды ООП. Слышали, как вы завывали: «Она может войти к вам, но не наоборот!» Ну что же это, доктор!

И завершающий акт безумия: вы двое ворвались в наше управление, вытащили меня из кабинета и пытались побить камнями за то — вашими словами, — что я гнусный колдун, своими чарами вызвавший Голема[100]. К счастью, на вооружении у вас были только магические жабьи камни, по верованиям древних чародеев, находимые в мозгу у жаб и разрушительные для всякого зла. Убить ими нельзя. Очень неприятно, правда, что вы позабыли добыть камни из жаб.

Субадар Индъдни остановился, улыбнулся,

---

[59] Примечания: 59

«О язычок твой проникает, дрожа, как змеиный. О грудки твои, груди маленькие, сладостно упругие, драгоценные яблоки». Катулл, «К Лесбии».

перевел дух и подошел к стволу, где остановился, рассеянно поглаживая его. Воцарилось молчание.

Затем Шима хрипло осведомился:

— Мы творили все это безумие?

— Возможно, и не только это, — тихо подтвердил Индъдни.

— Все двенадцать часов?

— Очень странно действует ваш прометий, доктор. Кстати говоря, могу ли я предложить, чтобы вы и госпожа Нунн согласились в самом ближайшем будущем на медосмотр. Прометий все-таки радиоактивен, хотя в отчете не сообщали, чтобы вы светились в темноте.

— Я знаю, — буркнул Шима. — Это был осознанный риск.

Гретхен сказала:

— Ну что делать? Плакать или смеяться?

— Ни то, ни другое не поможет, мадам. Гораздо важнее узнать, как и почему вы делали то, что делали.

— Так вы верите нам, что мы ничего этого не знали и не помним, господин Индъдни?

— Я следил за выражениями ваших лиц во время своего повествования. Да, я верю. А теперь, согласитесь ли вы вместе со мной поискать выход

из тупика? — Индъдни вернулся к жаровне с углями и уселся на краешке. — Прежде чем ответить, позвольте мне заверить вас, что официально я вам ничем не угрожаю. Ваши нелепые поступки были не более чем мелким хулиганством, последствия которого легко устранить, честно заплатив потерпевшим, в чем, я уверен, вы не откажете. Участок не будет рекомендовать Законникам возбудить дело. Все равно вас сейчас не наказать, потому что завтра первый Опсдень недели Опс. Нет, меня волнует только Сторукое чудовище, а я убежден, что вы глубоко и тайно с ним связаны. Вы по-прежнему стоите на том, чтобы хранить свой секрет? У вас есть такое право, но в этом случае мы и заходим в тупик.

Гретхен наконец промолвила:

— Думаю, что пора открыть карты, Блэз.

— Я и раньше хотел, но ты меня остановила.

— Время было неподходящее. А теперь настал момент истины.

— О чем умолчим?

— Ни о чем.

— Твое «секретное оружие»? Господин Хоч?

— Ни о чем.

— Тогда пропали наши карьеры.

— Нет, если можно доверять субадару.

Индъдни тихо осведомился, идет ли запись.

Бесплотный голос ответил утвердительно.

— Прекратите, пожалуйста. Дальнейшее собеседование только для моих ушей — под мою личную ответственность. На этих словах вы прерываете запись.

— Да, хозяин. Десять-четыре[60].

Гретхен поблагодарила Индъдни взглядом.

— Вы так милостивы, субадар!

— Это вы, мадам, оказали мне честь. Итак…

И тут они рассказали ему все, как на духу. Индъдни проявил высшую любезность, отказавшись на это время от своей бесстрастной маски и позволив изумлению, безнадежности, негодованию, сомнению, иногда даже насмешке отражаться на своем лице; единственно сочувствие не промелькнуло ни разу. Напротив того, дождавшись конца затянувшегося пересказа, он обратился к обоим с отеческой суровостью:

— Вы, люди с вашим положением, образованные, высоко профессиональные, принадлежащие к сливкам общества Гили, вели себя как неразумные дети, затеявшие — как это называлось в старину — игру «Сыщик, лови вора».

---

[60] Примечания: 60

Вас понял — армейский жаргон.

— Мы всего лишь пытались подобрать нестандартное решение к нестандартной задаче, — пробормотал Шима.

— Нет, не так, — жестко произнес Индъдни. — Вы пытались отразить сильного противника из слабой позиции. Если верить вашему анализу ситуации, мадам, то я…

— Так вы поверили? — перебила его вопросом Гретхен.

— Меня сильно искушает возможность поверить по причине, которую вы непроизвольно мне подсказали. Я, быть может, оглашу ее далее. Согласно вашему анализу, это чудовищное порождение — Голем — не знает логики поведения человека. Им руководят только страсти. Он будто дикарь. Так как можно применить к нему рациональный подход? Возможно ли очеловечивать циклон? А ведь эта эманация зла сокрушает Гиль, подобно циклону. Вы упомянули, что видели это в своем Подмире?

— Да, кажется.

— Опишите виденное. Нет, не сразу. Опишите сначала подспудный материк — как вы увидели его.

— Сначала мы не видели ничего, — пояснил Шима. — Наши чувства только регистрировали

эхо.

— Тогда опишите эхо.

— Но это чушь какая-то, это ничего не стоит.

— Вы так полагаете? Но у меня есть причина спрашивать. Вы недооцениваете мои мыслительные возможности, а зря. Прошу вас ответить.

Индъдни внимательно вслушался в описание фантастических чувственных образов, мелькавших перед Гретхен и Блэзом во время действия прометия. Когда рассказ закончился, Индъдни удовлетворенно кивнул.

— Теперь мне понятны все безумства ваших двенадцатичасовых блужданий. Разве вам не очевидны параллели, связывающие реальный мир — Надмир, как говорит доктор Шима, — и ваши Фазма-странствия?

Шиму, казалось раздосадовала проницательность субадара, уловившего нечто, ускользнувшее от него самого.

— Вот вы нас и просветите, — буркнул он.

На лице Индъдни промелькнуло понимание — он заметил раздражение Шимы.

— Не буду останавливаться на всех подробностях, — мягко начал субадар. — Я уверен, что вы сами все потом свяжете для себя, получив от меня небольшую подсказку… указатели в нужных

местах. Не представали вы разве, доктор, перед госпожой Нунн в образе ацтекского божества? Тогда вспомните ваши поиски девственницы в ИНКА.

Или вот еще: когда вы пытались увидеть госпожу Нунн, то вам представилась нагая женщина с обозначенными внутренними органами. Разве это не увязывается с эпизодом в городском морге? Мадам же, стараясь разглядеть вас, видела татуированного японского самурая. Вспомните салон татуировщика в нашем мире.

Потом вы представили себя, доктор, в виде монстра со слоновьей головой. Нет ли тут связи с вашим набегом на родильный дом РП, где bJJ заявляли, что вас оплодотворил слон?

Вы же, мадам, видели себя как елочное украшение — в то время, как в своем телесном облике вы покрывали красно-зеленым рождественским орнаментом стартовую площадку на Стэйтен-Дйленде, заявляя, что чужому разуму с далеких звезд будет доступно откровение от Луки, II: «На земле мир, в человецех благоволение». Ну как, достаточно или продолжать?

Шима присвистнул.

— Бог мой! Да он праЫ Все связывается! Когда я увидел тебя в образе прекрасной голой

негритянки… как раз тогда я, должно быть, и перекрашивал женщин в черный цвет.

— Нуда. А когда мне представилось, что мы с тобой танцуем, тогда я, наверное, как раз пыталась совратить плакат.

— Но почему мы сами не догадались?

— У вас не было времени подумать, — объяснил Индъдни. — Не огорчайтесь. После вашей финальной выходки уже здесь, в Управлении, вас сразу же подвергли допросу под наркотиками.

— И что мы вам поведали?

— Ничего, доктор, Вы ничего не помните из этих двенадцати часов. Вы полностью выпали из пространства и времени — похоже, что действовала исключительно ваша телесная сущностьвы были как зверьки, расшалившиеся без меры, шкодливые, но не… Да, мадам?

— Я хочу принести свои извинения, субадар. Я и вправду вас недооценивала — не ваш ум, но вашу интуицию. Я пренебрегла вами после того, как вы, казалось, легкомысленно отмахнулись от моего анализа Голема[100]. Теперь я поняла. Я упустила из рассмотрения фактор телесности, а вы его учли — чисто инстинктивно. Мои же инстинкты не сработали. Мне очень жаль. Я прошу прощения.

— Вы так любезны и великодушны, мадам, хотя, признаюсь, что сейчас уже я не понимаю.

— Я тоже, — проворчал Шима.

— Я поняла это изнутри. Дело в том, что наши тела могут общаться с нашим рассудком, но не наоборот. Как улица с односторонним движением.

— О чем это ты, Гретхен?

— О своей ошибке, которую почувствовал субадар. Я была настолько одержима идеей исследования Фазма-мира, что забыла о реальности вещественного мира людей. Я предала психодинамику… Давайте оставим весь этот психотехный жаргон и поговорим, как на кухне, ладно?

— С удовольствием, госпожа.

— У нас есть разум и есть тело — они существуют раздельно?

— Нет, они едины.

— Кто главнее?

— Оба.

— Жизнеспособно ли тело без разума?

— Да, как растение.

— А бестелесный рассудок?

— Нет, если только не верить в духов.

— Поэтому разум нуждается в приюте, и сома — физическая оболочка — служит домом рассудку. Тело — меблирашки, а разум — там жилец.

Согласны?

— Согласен.

— Что бы ни порождал разум: искусство, музыка, науки, логика, идеи, любовь, ненависть — все равно, в производство этого был вовлечен весь дом.

— Допустим.

— Да уж, пожалуйста. Голем — это псевдожизнь. Стало быть, должен быть дом, породивший его.

— Ты же говорила, что его породили дамы-пчелки.

— Вот именно. Их улей и есть тот дом — родной очаг и пристанище Голема. — Гретхен обернулась к Индъдни. — Я внятно рассуждаю, субадар?

Индъдни с улыбкой ответил:

— Вы опускаете душу, мадам.

— Нет, я опускаю только упоминание о ней. Душа — это живительная сила для сомы. Ее метаболическая музыка.

— Черта с два! — вмешался Шима. — Я не подписываюсь под идеей души, но если таковая существует, то сродство у нее к разуму… к психике. Это наша мыслящая составляющая.

— Для меня, Блэз, это не так. Мне она представляется резонансным всплеском сомы, тем цветком, который породили миллионы лет

эволюции, неосознанное окультуривающее воздействие для любого животного.

— Животного! Да еще любого Животного?

— Да, любого, — твердо стояла на своем Гретхен. — Разве, по-твоему, у тигра нет души?

— Многие религии утверждают, что нет.

— А святой Франциск Ассизский думал иначе: что у тигра *есть* душа. Он не знает математики, не может молиться; тебе не доведется услышать, чтобы тигр шутил. Его сома и психика подчинены только рефлексам, нацелены на выживание и получение удовольствия, но я все равно утверждаю, что у тигра есть душа. Я закончила, господа судьи.

— Разумеется, госпожа советник юстиции, но в чем суть вашего дела? — совершенно серьезно домогался Шима.

— В том, что улей моих дам — это тело и душа Голема, его пристанище. Вы согласны, субадар?

— Весьма необычное построение, госпожа Нунн, вполне в вашем духе. Однако разве не имеет Голем собственного тела… сотни тел? К величайшему несчастью, я не знаком с местопребыванием его души, если таковая имеется. Может быть, мне отдать приказ к розыску и задержанию?

Гретхен рассмеялась.

— Опять код НЕМО?

— Думаю, что код «Кредо» будет здесь более уместен.

— Черт бы вас обоих забрал с вашими шуточками…, — вспылил Шима.

— Остынь, малыш. Мы просто немного расслабились, — ласково сказала Гретхен и добавила, отвечая на вопрос Индъдни: — У него псевдотело, субадар. И оно, и его первобытные побуждения — всего лишь проекция, исходящая из улья. Поэтому он полиморфен. Представьте себе воду в свободном падении — без воздействия тяготения ей можно придать любую форму. У Голема нет подлинного облика — его порождает и произвольно формируют в улье.

— Так что же, — вопросил Шима, — нужно угробить всех дам-пчелок, чтобы прихлопнуть Голема? Ну прямо так и вижу, как наш здесь присутствующий друг отходит в сторонку, чтобы нам не помешать.

— Это вряд ли, — проворчал Индъдни. — Я позволяю вовсе никакого уничтожения.

— Я совсем не имела в виду физическое уничтожение моих дам, — пояснила Гретхен. — Вы поняли, что происходящее — результат их сов-

местных усилий? Разрушьте их кружок, и Голем лишается пристанища.

— Разрушить улей?

— Нуда.

— А как?

— Еще не знаю.

— Почему это?

— Потому что я не уверена, что сходство с ульем заходит так далеко.

— Но допустим, что это так и есть.

— Тогда все равно остается знак вопроса. Жизнь колонии насекомых продолжается и без царицы — матки. Только рой пчел обязательно должен иметь матку.

— Ты об этой… как ее… Уинифрид Эшли?

— Вот тут-то и встает большой вопрос. Действительно ли она царица в пчелином смысле и без нее рой рассыплется? Она ли играет основную роль в сотворении Голема? Черт меня побери, я не знаю и не представляю, как узнать.

— Есть очевидный способ — еще одна «поездка» на Рт.

— Но я боюсь этого, Блэз. Мы не можем доверять нашим чувствам, потому что они начинают бесноваться — в них происходит короткое замыкание. И мы, безусловно не вправе полагаться

на нашу сому, когда одушевляющее начало улетучивается.

— Позвольте внести предложение? — подал голос Индъдни от кедрового ствола.

— Просим.

— Следующий прометиевый «полет» можно проводить под жестким контролем. Тела следует удерживать.

— Верно, субадар, но проблему ненадежности наших ощущений это не решает.

— Яне говорю о чувствах доктора Шимы, и, может, ненадежны только ваши, мадам?

— Мои? Только мои?

— Я уже просил оценивать меня по достоинству. Да, мне было известно, что ваше зрение — из вторых рук, еще до вашего признания. Вы — lusus naturae[61]. Вы почувствовали Голема?

— Кажется, да.

— Внешность, попрошу.

— Бесформие.

— Действия?

— Никаких.

— Вы ощущали чудовище самостоятельно или посредством органов чувств доктора Шимы?

---

[61] Примечания: 61
Игра природы, чудо *(лат.).*

Гретхен словно громом поразило.

— ОмойБог! Мне и в голову не… Честное слово, не знаю.

— А не знаете ли вы, может ли поведение Голема в вашем Фазма-мире указать на источник его зарождения?

— Может. Похоже, вы мне наконец поверили?

— А вы не догадываетесь, что именно опосредованность ваших чувств позволяет вам явиться в Фазма-мир с девственно нетронутым восприятием и понять, что происходит на самом деле?

— Господи! — воскликнул Шима.

— Эта отправка может состояться лишь после составления плана и тщательной подготовки. Теперь вы идите отдыхать. Вы оба в этом нуждаетесь. — Индъдни решительно взял дело в свои руки. — Затем, доктор, вы проверите восприятие мадам. Мы знаем относительно зрения, но следует испытать и слух. Это также может оказаться решающим.

— А остальные как? Вкус, обоняние, осязание?

— Но я все уже знаю по вашему признанию о происходивших событиях. Именно это было причиной, мадам, хотя вы и не сознавали, почему я вам поверил. Ее я и обещал поведать вам позднее.

— В чем же она призналась, что вы так хорошо все поняли?

— Осязание, доктор? Разве не почувствовала она холод, когда чудовище забралось к ней?

— Черт возьми, верно!

— Постойте, — вмешалась Гретхен, — а разве я не могла это ощущение получить через чувства Голема?

— Как так, мадам? Разве есть у существа чувства, как мы их понимаем? И разве ощутило бы оно испускаемый им самим холод? Нет, это целиком ваше ощущение.

— Он прав, Гретх. Но, Индъдни, как насчет обоняния и вкуса? Правда, они взаимосвязаны…

— А вот это было связующим звеном, как сказал бы Законник. Госпожа Нунн сама, собственными чувствами восприняла особый запах, исходящий от Сторукого, — bouquet de malades, запах безумия. Я обонял его лично, и это подкрепило мое доверие. Ум человека в синей форме часто обостряется от мелочей.

— Этот долбаный умник меня доконает, Гретхен, — буркнул Шима, снова разъярившись.

На лице Индъдни снова что-то промелькнуло — он принял к сведению оскорбление.

— Прошу не задержаться с обследованием,

доктор. Время очень напирает. «Ассириец свирепствует, как волк в овчарне». Вместо «ассириец» подставьте «Сторукий Голем». И разумеется, вы предоставите возмещение жертвам ваших похождений. Мои сотрудники помогут.

— Каким образом? — осведомился Шима. — Деньгами?

— Знаниями. — Индъдни поднялся, чтобы проводить их. — Что такое, доктор? Вы не слышали про скандал с подвесной дорогой на горе Эверест?

— Слышал, конечно. Она обрушилась.

— И пятьдесят несчастных обрели увечья и смерть. Но это — не скандал, о котором я говорю. Когда спасатели прибыли на место катастрофы, то на снегу корчились, взывая о медицинской и юридической помощи, не пятьдесят, а сто пять «жертв». В этом и состоял скандал, какого я вам не желаю.

Индъдни распахнул дверь и выпроводил их с улыбкой и тихим «Благослови вас Опс!», Потом закрыл дверь, нажал на кнопку и распорядился в пустоту:

— Прошу возобновить запись и пришлите господина Нудника Лафферти.

Глава 15

Первый шальной Опсдень недели Опс — традиционного празднества Опалий (женское движение в пику устроителям Сатурналий), призывавшего к бездумным увеселениям… Можно подумать, что в Гили требовался какой-то повод для безумств. Опс, супруга Сатурна, богиня Земного Изобилия (возможно, само слово «обильный» восходит к ее имени); в ее честь дотрагиваются на счастье не до дерева, а до земли, дарят сувениры из глины и предаются поголовному братанию, забыв о различиях в социальном положении.

Никаких учений, никаких обрядов, никакой кары, никаких особых одежд, речей и приветствий: веселись кто хочет, хоть до упаду! Лучший способ почтить Опс — побаловаться с бабенкой, плотно впечатав ее зад в землю, — что и проделал только что Блэз Шима.

— Опс благослови! — выдохнула Гретхен.

— Опс благослови, любимая.

— Этот щебень терзает мне спину.

— Щебень! Как не стыдно, Гретхен. Это земля, проделавшая к нам долгий путь из прекрасной

Франции. Мы не стоим за затратами.

— Тогда любовь у французов — сильно каменистое занятие. Ты бы раньше ее просеял, что ли.

— А я так и сделал — сквозь дуршлаг. Мы так любили друг друга, что земля сбилась в комья.

— За что и выношу тебе благодарность. Опс благослови. А теперь — устрой мне подстилку;

— Забирайся сверху.

— Ага, так уже лучше. Снова благодарю вас, сударь.

Прошло минуты две или, возможно, двадцать, пока они млели и шептались на террасе.

— У тебя чудные выпуклости, любовь моя…

— А у тебя величайший…

— Уже нет.

— Он придет в себя… У этого парня хватает силенок.

— Этим он и отличается от всего меня.

— Не принижай себя.

— Просто помню о le pauvre petit. Мне бы твою силу, Гретхен.

— Я не сильнее тебя.

— В десять раз сильнее.

— Нисколько.

— В пять?

— Ничуть.

— В два с половиной?

— У тебя есть своя сила, Блэз.

— У меня-то? Да я мягкотелый, как Индъдни.

— Опять ты его недооцениваешь. В этом человеке чувствуется сталь.

— Ну если ты не возьмешься ее нащупывать…

— Блэз! Ты ревнуешь?!

— Да так… просто иногда ты на него как-то странно поглядываешь.

— Стараюсь оценить его… Определить его склад. Он держит свою яростную натуру под спудом, Блэз. Если он утратит контроль над собой — берегись!

— Этого бородатого индусского хмыря? Да ни за что!

— Забавно, что ты так к нему относишься, потому что вы похожи.

— С Индъдни?!

— Ну да. В тебе тоже скрыта тяга к насилию, только твой образ действий — нападение и отход.

— Ты меня разыгрываешь.

— Ни-ни. Ты или как le pauvre petit скрываешься от сложностей в своей лаборатории, или убегаешь от кризиса — бросаясь на него в атаку. В этом случае — остерегайтесь господина Хоча!

— Ни за что не соглашусь. Я никогда и никому не хотел причинять боль. Должно быть какое-то другое объяснение этой дикости с Хочем.

— Ладно, возможно, ты и прав — мне слишком хорошо, чтобы спорить. Давай еще понежимся…

— Слишком уютно, хочешь сказать…

— Да, и сон навевает. Что мы сегодня должны сделать, кроме того, чтобы радоваться Опс?

— Рассчитаться за наши выходки. Субадар дал мне перечень законных претензий.

— А… ну да… поделим поровну. — Зевок Гретхен защекотал ему ухо. — Это не займет много времени, и мы поедем ко мне.

— Только если ненадолго. А я — у меня есть, чем заняться еще.

— Ах, как мы заняты, заняты, заняты…

— Нужно найти место, где я мог бы проверить твои органы чувств.

— Вот что… А нельзя в лаборатории?

— Нет. Нужно найти помещение, полностью изолированное от внешних помех.

— Вроде космического вакуума?

— В космосе вовсе не вакуум, но смысл как раз такой. Где-то глубоко, наглухо изолированное, и чтобы была силовая линия… Не так-то просто будет это найти…

— Для такого-то гения? Не смеши!

— Опсблагодарность, сударыня. Не возражали бы вы с-над-меня слезть?

— Но мне так уютно…

— Брысь… брысь…

Гретхен, недовольно ворча, встала и осмотрелась глазами Шимы.

— Я подмету террасу.

— Оставь до конца недели Опс. У нас слишком много дел сегодня. Что ты наденешь?

— Простой белый комбинезон — ничего лишнего. А ты?

— Тоже, только рабочий джинсовый.

— Хорошо… удачи тебе. Опс благослови тебя, парень.

— Удачи, сударыня, и Опс благослови тебя.

* * *

Неимоверная зала для заседаний в «ффф» была битком забита халявщиками — обтрепанными, орущими, распевающими, пьющими, лакающими. На козлах вдоль всей пятнаддатиметровой стены были устроены столы, заставленные едой, питьем и всяким балдежом, а обслуживали всех желающих одиннадцать достопочтенных директоров «ФФФ», в покрытых пятнами поварских

фартуках и колпаках, сияющих улыбками. Опсдень!

Шима с трудом протиснулся через толпу к самому столу.

— Опс благослови, сенатор, я…

— Сегодня я Джимми-Джей, Блэз. Опс благослови. Что тебе подать?

— Я ищу председателя, Джимми-Джей.

— Миллса? Он, кажись, обслуживает охотников до сэндвичей с дурью. Там, через один стол.

Шима протолкался вдоль столов.

— Опс благослови, генерал.

— Сегодня я Джорджи, Блэз, мой мальчик. Опс благослови. У меня тут всякие примочки главного калибра — так и валят! На белом? Ржаном? С волоконцем? Покруче?

— Я думал, что этот прилавок за председателем.

— Уже нет, малыш. Он перебрался на раздачу самогона.

Шима еще потолкался.

— Опс благослови, губернатор.

— Сегодня просто Нелли, Блэз. Добрый, надежный старина Нелли. Глянь, у меня тут есть кое-что для тебя, сынок. То, что доктор прописал! Шутка, сынок. Смотри, мое изобретение. Назы-

вается «Боль в ухе». Ну и затаривает, кореш! Все шары зальет.

— Как так, губе… Нелли?

Губернатор кивнул на кучку вповалку сбившихся в уголке клиентов, сияющих улыбками.

— Всех скосил эликсир Нелли. «Боль в ухе», вот как.

— А что в нем такого особенного?

— Его не пьют, сынок, а закапывают. Прямо в ухо, и у тебя — взрыв. Вот тебе полная пипеточка…

— Попозже, губер… то есть Нелли. Я ищу Председателя. Сказали, что он здесь.

— Миллс? А! Нет, Милли-Пух разливает суп.

Председатель, одетый в растерзанную поварскую спецодежду, вопил как ярмарочный зазывала:

— СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ! — В одной руке у него была супница, в другой — здоровенная клизма. — СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ! СЮДА! ВСЕ КО МНЕ! ПО ОДНОМУ И ВМЕСТЕ! ВДАРЬТЕ ПО ЖЕЛУДКАМ! НАЖМИТЕ С ДВУХ СТОРОН! ТОЛЬКО У НАС — СУПЧИК, ВКУСНЫЙ, КОГДА ВХОДИТ И ВЫХОДИТ! Привет, Блэз. Опс благослови.

— Опс благослови, господин председ… Миллс.

Хозяин, я… извините. Милли, я хочу оплатить разгром в лаборатории.

— Да брось ты, Блэз. ВДАРЬ! ВДАРЬ ПО ЖЕЛУДКУ! Сегодня — начало недели Опс. Все прощено, забыто, и мы устроим тебе новую лабораторию. ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С БОМБОЙ В БРЮХЕ! ЗАЛЕЙТЕСЬ С ОБОИХ КОНЦОВ! Мы себе это можем позволить, видит Бог — уйму денежек сделала на тебе «ФФФ».

— Огромное спасибо, Милли.

— Опс благослови, Блэз.

— Предсе… Милли, я хочу еще об одном попросить: нужно особое место для особого опыта — и нужно поскорее. Есть ли у «ФФФ» глубокая шахта с подачей энергии? Мне нужно место, где подопытный был бы в полной изоляции.

— Шахта? Да, Господи, у нас десяток заброшенных шахт по всему свету, но ни одну так быстро не устроить, Блэз.

— Почему?

— Во-первых, всю проводку и канализацию давным-давно ободрали и сдали в утиль. Во-вторых, там поселились бомжи. Их там тысячи. Год, не меньше, придется потратить, чтобы их оттуда вышвырнуть, а они будут вопить и брыкаться. СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ! ВДАРЬТЕ ПО

ЖЕЛУДКАМ!

* * *

Гретхен не удавалось пробраться сквозь толпу вокруг Музея Художеств, потому что всякие подобия приличий отбрасывались на неделю Опс по всему Коридору. Те, кто всегда одевался прилично, симулировал оборванцев. Те, кто говорил и вел себя как культурные люди, подделывались под простонародье. Единственно, в чем она могла быть уверена, — все, кто собрались здесь, это ценители искусства.

Музей придерживался заимствованного из Неаполя освященного веками новогоднего обычая. Неаполитанцы весь год копят надоевшую или вышедшую из употребления мебель и утварь, а в Новый год, бурно веселясь, выбрасывают рухлядь из окон, так что, проходя по улице, лучше поостеречься падающей из окон мебели.

Вечно терзаемый проблемой хранилищ, музей прибегал к вышеописанному обычаю в первый день Опс. Всякий хлам, занимавший высокоценное место, сочтенный недостойным или оказавшийся непродажным (за пристойную цену), выбрасывался из окон верхнего этажа.

Вниз летели картины, эстампы, гравюры, пла-

каты, статуи, безделушки и редкости, пустые рамы, части доспехов, старинные костюмы, папирусы, причудливые музыкальные инструменты, мумии кошек, обшарпанные пистоли, прохудившаяся оловянная посуда.

В окнах веселились до упаду, глядя на осатаневшую толпу, где каждый задарма пытался ухватить все подряд, что падало из окон, и Гретхен понимала, что удовольствие сотрудников музея только частично объяснялось радостью освобождения музея от завалов хламья. Она все еще околачивалась по краю толпы, когда в нее неожиданно врезался мощный человеческий снаряд.

— Извините. Опс благослови, — пробормотала она, отодвигаясь.

— Опс благослови, — отозвался чистый воспитанный голос без малейшего следа принятой в неделю Опс вульгарности.

Гретхен с любопытством обернулась — перед ней была Царица Пчел, Уинифрид Эшли.

— Реджина!

— Как, ЧК? Неужели это в самом деле вы, душенька? Как неожиданно и как мило! Что вы здесь делаете? Держитесь за землю, чтобы повезло?

— Да нет, Реджина. Я хотела извиниться и расплатиться с музеем за беспорядки, которые я у них вчера учинила, но вижу, что сегодня это невозможно. А вы?

— Ах! Я надеюсь заполучить один неведомый никому клад.

— А мне можете сказать?

— Ну разумеется, моя милая, вы же все-таки одна из *нас*. — Реджина понизила голос. — У них в углу пылится механическое пианино. Каждый год я надеюсь, что оно им уже надоело и они его выбросят.

— Но в вашей изумительной коммунистической квартире уже есть одно, Реджина!

— Да, ЧК, и я не стремлюсь завладеть той рухлядью, что стоит в музее. Мне нужно то, что внутри их пианолы. Об этом известно только мне — первый восковой валик с «Интернационалом» Потье и Дегейтера, 1871 года издания. Это стало бы жемчужиной моего декора! Только послушайте! — Реджина запела так же мелодично, как и говорила: — «Вставай, проклятьем заклейменный!..» — и оборвала пение смешком. — Наверное, это пустая мечта, но все равно я трогаю землю на счастье. Мы увидим вас сегодня в нашей компании, не так ли, милочка ЧК? Изю-

юмительная Опс-вечеринка для развлечения наших мужчин. Опс благослови.

* * *

На сливе дамбы Гудзон-Адовы Врата устроили бесплатную общественную купальню. Пресная вода, нагревшаяся после системы охлаждения реактора. Чуток радиоактивная, ну да какого черта! Опсдень! Поживи всласть, дотронься до земли на удачу, и пошло оно все!..

Огромный водосток кишел голыми, раскрасневшимися от жара телами, пузырящимися мыльной пеной, ныряющими, выпрыгивающими, как дельфины; в единую рапсодию сливались хохот, вопли, бульканье и фырканье.

— Рано или поздно должна появиться утопленница, — шепнул стоявший рядом с Шимой мужчина. — Неважно, сама по себе или ей помогут. Так что я не теряю надежды. Опс благослови.

— Опс благослови, — ответил Шима, обозревая незнакомца.

Зрелище ему представилось поразительное: высокий, лицом и фигурой угловатый, как Линкольн, заметно пегий. Волосы белые, как у альбиноса, борода черная, глаза красные, а на коже беспорядочно чередовались белые и черные

участки.

— Я гаплоид, — механически уронил незнакомец, словно непроизвольное вздрагивание Шимы было чем-то тысячекратно встречавшимся. — Хромосомы только от одного из родителей.

— Но вы альбинос, кажется, или что-то вроде? — заинтересовался Шима.

— Альбинос-гаплоид, — безучастно откликнулся незнакомец. — Остановимся на этом, доктор. Не надо исследований.

— Как? Что? Вы сказали «доктор»?.. Неужели вы?..

— Да, разумеется. А вы, кажется, ничего не помните. Можно узнать, чем вы так наширялись тогда?

— Прометий. РтНг — гидрид прометия.

— Никогда не слышал. Надо будет запомнить. Так вот что, доктор, если одна из них утонет, — неважно, помогу я ей в этом или нет, — будьте так любезны, не вмешивайтесь. Никакой попытки оживления. Никакого искусственного дыхания. Если понадобится дыхание «рот в рот», то я проведу его на свой манер.

— Господи, меня от вас тошнит!

— Не черните то, чего не пробовали.

— Да, Боже мой, я бы раньше умер!

— Извините, я не тащусь от мальчиков.

Шима сделал глубокий вдох.

— Нет-нет, простите меня. Я очень, очень сожалею. Извините, что я потерял голову. Я пришел вовсе не для того, чтобы спорить или ссориться с кем-то, и уж безусловно не мне осуждать чьи-то моральные установки. Умоляю вас простить меня.

— Вы хорошо это сказали.

— Поэтому, если позволите…

— А куда вы направляетесь?

— Пытаюсь увидеться с управляющим плотиной.

— Ах вот как? В самом деле?

— Да-да. Извините, вы случайно не знаете, где я могу его (или ее?) разыскать?

— Я чем-то вам обязан?

— Нет, я ваш должник.

— Мило сказано. Управляющий плотиной — господин Лафферти.

— Благодарю вас! А где я могу увидеть господина Лафферти?

— Здесь. Я — Лафферти.

Шима снова утратил душевное равновесие. Он беззвучно разинул рот, потом выдавил:

— Но… но… но…

— Но как? — усмехнулся Лафферти. — Просто. Одаренность. Усердный труд. И тот простенький факт, что я унаследовал пятьдесят один процент акций плотины Гудзон-Адовы Врата.

— Очень похоже на Ильдефонсу, — пробормотал Шима.

— Так ли уж надо ее впутывать к нашему fete[62], доктор?

— Простите меня еще раз. Снова приношу извинения. Я сегодня дурак дураком.

— Принимаю без оговорок.

— Господин Лафферти…

— Нудник, Опс благослови.

— Нудник. Благодарю. Опс благослови. Я… Я хотел бы попросить об одолжении управляющего ГАВ…

— Просите.

— Я нуждаюсь в совершенно необычном месте для постановки необычного сенсорного эксперимента. Место это должно быть полностью экранировано от зрительных и звуковых воздействий. Я надеялся, что помещения глубоко под плотиной…

— Ничуть, — оборвал его Лафферти. — Если бы

---

[62] Примечания: 62
Празднество *(фр.)*.

вы не захлопотались там внизу со своими дурацкими петардами, то заметили бы, что там внизу постоянно слышен гул и плеск воды. Кстати о воде — очаровательная девочка погружается уже в третий раз. Она явно нуждается в моей нежной опеке. Извините меня.

Шима был не в состоянии отвечать.

Некрофил-знаменитость одарил его улыбкой.

— Мы на досуге еще обсудим, как вы натравили на меня субадара Индъдни. — Он бросился в водосброс, выкликая: — Силен как ястреб! Стремителен как коршун! Вперед! Во славу некрокультуры!

* * *

Татуировочный салон Джанни Ики — это вам не какая-то дыра. Предприятие напоминало клинику. Стены громадной приемной увешаны плакатами; по сторонам — двери, ведущие в десяток отделений с десятком суетящихся операторов. Дело было поставлено на поток. Если, к примеру, пижон из Гили захотел бы высоко ценившуюся (и весьма дорогую) татуированную кобру, то в первом кабинете ему контуром наносили рисунок змеи вокруг талии; в следующем — прорисовывали детали; в третьем — раскра-

шивали, а в четвертом — изображали голову с оскаленной ядовитой пастью, предварительно со всем почтением и тактом вызвав эрекцию. Дама, пожелавшая, чтобы ее labia majora[63] превратили в веки зазывно подмигивающего глаза, подвергалась на этой поточной линии такому же почтительному и тактичному обращению.

Но сегодня, в первый день праздника Опс, салон не работал как обычно — в нем гуляли нищие. Джанни Ики занимался не только декоративной или эротической татуировкой — ему прекрасно удавались разные увечья: синяки, ушибы, свежие шрамы, разверстые раны и злокачественные поражения кожи — для вороватых «жертв» транспортных происшествий, попрошаек-вымогателей и всякого разного отребья. Потому-то его клиника и служила неафишируемым клубом профессиональных мошенников Гили.

Когда Гретхен Нунн вошла в приемную, она застала там развеселую пляску протезов. Вопили синтезаторы. Попрошайки-калеки сняли свои искусственные руки, ноги, ладони, ступни, даже полшеи. Они сидели кружком, манипулируя крошечными системами управления, и покаты-

---

[63] Примечания: 63
Большие половые губы *(лат.)*.

вались со смеху, глядя, как их отсоединенные протезы скакали и вертелись, подчиняясь радиокомандам. Ноги самостоятельно притоптывали, взбрыкивали и отбивали чечетку. Отсоединенные руки переплетались с другими такими же, изображая протезную кадриль.

А некоторым хозяевам удавалось так ловко управлять своими искусственными кистями рук, что у них пальцы изображали вереницу исполняющих канкан — как в варьете.

Добродушный коренастый (что вдоль, что поперек) толстяк, совершенно голый, если не считать покрывавших его с головы до пят татуировок, подошел к Гретхен, расплываясь в приветственной улыбке.

— Buon giorno[64]. Опс благослови. Никогда, думал я, mai[65] вы не вернетесь сюда.

— Опс благослови, — отозвалась Гретхен. — Вы… Вы, должно быть, и есть господин Ики?

— Si, Джанни. Вы прошлой ночью были pazza[66], а? Слишком много винца?

---

[64] Примечания: 64
Добрый день *(итал.).*

[65] Примечания: 65
Никогда *(итал.).*

[66] Примечания: 66
Не в себе, в отключке (*итал.).*

— Я пришла извиниться и возместить урон, Джанни.

— Извиниться? Grazie. Очень gentile. Grazie[67]. Но что возмещать? За что? Шутка, верно? Molto cattiva[68], но всего только шутка. Вы пришли — вот и мой праздник в честь Опс. Этого достаточно,

— Но я должна что-нибудь для вас сделать!

— Должна, да? Так-так. — Джанни задумался, потом расплылся в еще более щедрой улыбке. — Bene[69]! Вы потянцуете с нами.

Гретхен ошарашенно воззрилась на него. Он ответил на ее вопрошающий взгляд, кивнув в сторону танцоров.

—

Выбирайте себе партнера, gentile signorina[70].

Не в ее характере было испугаться или заколебаться. Гретхен шагнула в круг, одним взглядом оценила пляску протезов и похлопала по плечу

---

[67] Примечания: 67
Благодарю. Очень мило. Благодарю *(итал.).*

[68] Примечания: 68
Довольно злобная *(итал.).*

[69] Примечания: 69
Отлично *(итал.).*

[70] Примечания: 70
Милостивая барышня *(итал.).*

протез плеча и руки.

— Зигфрид, — обратился Джанни к трем четвертям нищего. — La signora приглашает тебя на вальс.

Гретхен кружилась в танце под пение Джанни Ики:

«Gualtiero!
Gualtiero! Condurre mi per altare…»[71]

* * *

Под прогулочную баржу использовали вдребезги разбитый колесный пароходик с Миссисипи. Там собрались члены ККК на барбекью. Шима с трудом верил своим глазам: углубление, заполненное полыхающими углями, над ямой поворачивается гигантский вертел. А на сам массивный стальной вертел, связанное по рукам и ногам, насажено нечто безусловно человекообразное.

— Господи помилуй! — Губы Шимы еле шевелились. — Жаркое людоедов!

Вождь племени ватусси, семи футов ростом, украшенный всеми атрибутами африканского царька, приветствовал Шиму:

---

[71] Примечания: 71
«Гуалтьеро! Гуалтьеро! Веди меня к алтарю…» *(итал.).*

— Опс благослови, доктор Шима, добро пожаловать на наш пир с Бледнолицым.

— Опс благослови, — непослушными губами отозвался Шима. — Так вы меня запомнили?

— Кто же забудет ваше и госпожи Нунн выступление в эдакой странной «Порги и Бесс»? Подобные воспоминания хранят вечно.

— Я пришел, чтобы загладить содеянное. Мне очень бы хотелось уладить с вами это дело: оказанием любезности, деньгами, чем скажете.

— В день Опс? Ни за что! Забудьте об этом, доктор. Мы *уже* забыли. Пойдемте, присоединитесь к нам — вот-вот подадут ужин.

— И все же, — продолжал настаивать Шима, — я хотел бы чем-нибудь быть вам полезным, потому что пришел просить вас об услуге.

— Ах так! О какой же?

— О смете на строительство.

— Да? И чего?

— Мне необходимо поставить опыт по сенсорному восприятию. Для этого нужна полная изоляция объекта — что-то вроде небольшого толстостенного бетонированного бункера.

— Понятно. И что же?

— У ваших ребят в руках все строительство. Как скоро вы могли бы соорудить такой бункер и во

сколько это обойдется — могли бы вы дать мне график и смету?

Вождь ватусси уныло покачал головой.

— Очень жаль, но мы не можем удовлетворить вашу просьбу, доктор Шима. Мы бастуем в знак протеста против решения дирекции принять боевиков ООП в охрану. Что бы там ни заявляли в ООП, они — не настоящие черные. Протянется это еще месяца три, и мы готовимся к бойне. Очень сожалею. А теперь пойдемте, откушайте с нами.

У Шимы подступило к горлу.

— Простите, сегодня я не в настроении отведать длинной свиньи[72].

Ватусси понизил голос до заговорщицкого шепота:

— Прошу вас, доктор, не разочаровывайте наших гостей! Но мы не стали позорить ККК, подавая жаркое всего лишь из бледнолицего. Мы отмечаем праздник гораздо более редким и дорогим деликатесом.

— Чем человек? О Господи, что же это?

— Горилла.

---

[72] Примечания: 72

Так каннибалы южных морей называли мясо белого человека.

* * *

Опсдень! Опсдень! Опсдень! В церкви Всех Атеистов сардонические раскаты органа сопровождали увенчание Христа дурацким колпаком. Музыка была настоящей, а не в записи, с удивлением отметила Гретхен. На скамье органиста метался бушующий маньяк, топочущий по педалям басов, колошматящий по всем четырем клавиатурам разом… Своей сатанинской музыке он непрерывно вторил зывываниями, стонами и рычаньем.

Он был в обычных для Опсдня лохмотьях, поэтому Гретхен никак не могла определить его общественного положения, но чисто по внешности — индеец-ирокез с головы до пят: смуглое лицо, орлиный нос, большой тонкогубый рот, мясистые уши. Череп выбрит наголо — лишь ото лба к затылку топорщился жесткий гребень черных волос.

«Ему только военного оперения не хватает», — подумала она, забираясь на хоры, чтобы лучше видеть.

У него, наверное, было отличное боковое зрение.

— Какого рожна тебе здесь понадобилось? Опс

благослови.

— Опс благослови, — попыталась Гретхен перекрыть рык органа. — Я пришла, чтобы замять скандал, который вчера учинила в церкви.

— А! Понял. И угу. Ты и есть та подруга, что спела Catulli Carmina[73]? Забудь. Церковь уже. Есть своя кредитка?

— Кредитка?

— Очнись, детка. Кредитка. Ксива. Имя.

— О! Гретхен Нунн.

— А я Маниту-Вин-На-Мис-Ма-Баго.

— К-как?

— По-вашему, Тот-Кто-Может-Улестить-Маниту-Спуститься-На-Землю.

— Вы индеец?

— По большей части.

— Ну и дела, Опс благослови! А как к вам обращаться? Манни? Господин Баго?

— Какого черта! Это не катит. Зови меня Финкель.

— Финкель?

— Сечешь! Скрябин-Финкель.

---

[73] Примечания: 73
Цикл песен на слова Катулла.

* * *

В роддоме Равных Прав двадцать голых лилипутов исполняли балет нерожденных младенцев — «Право на Жизнь». Каждого из них пуповина соединяла с фаллическим майским шестом в центре; они вякали хор эмбрионов под приглушенное сопровождение оркестра, которым дирижировал зверского вида казак, зарычавший на Шиму в си-миноре:

— Ты, фраер, пошел вон со сцены! Опс благослови.

— Опс благослови. Прошу прощения. Не хотел мешать. Я ищу кого-нибудь из начальства.

— Я здесь начальство.

— Хочу извиниться за причиненное мною вчера беспокойство и уладить дело.

— А, усек. Ты и есть тот придурок, который заявил, что его трахнул слон?

— Да.

— Имя?

— Шима. Блэз Шима. А ваше?

— Аврора.

— Как?

— Угу. Меня назвали в честь крейсера, который встал на сторону Красной Революции. Лады.

Извинения приняты. Все спокойно и Опс благослови. А теперь катитесь отсюда к черту, Шима. У нас нелады с аранжировкой — эти выродки ничего не рубят.

— Нашевам, господин… как мне к вам обращаться? Аврора? Орри?

— Какого черта! Финкель. Скрябин-Финкель.

— Неужели! Так это вы написали великий гимн Армии Оледенения «Как Ему пчела…». Я потрясен!

— Мы все его написали, кореш… ЛЯ-МИНОР, ПОГАНЫЕ УРОДЫ! ЛЯ-МИНОР! Вся упряжка Финкеля.

* * *

Черт возьми, да почти все они вырядились как на своей рекламе земляных орешков — вплоть до моноклей и цилиндров! Управляющий по рекламе тоже был в маскарадном одеянии, что не помешало ему принять извинения и чек у Шимы. После этого он сопроводил Шиму к невероятных размеров прозрачному цилиндру, наполненному ярко-малиновой адской смесью. Цилиндр был в три раза больше того бронзового, который они с Гретхен свистнули. Управляющий гордо ткнул пальцем.

Есть среди отходов ювелирной промышленности те, которые называются «налет». На полу мастерской за год оседает слой пыли от работы с драгоценными камнями и металлами. В Опс день Пассаж распахивает двери своих мастерских перед алчными ордами, вооруженными метлами, коробками, щетками и совками. К тому моменту, как я все это пишу, никто не знает, получил ли хоть один из этих стервятников прибыль от своих «налетов».

Неизбежным было, что Гретхен, проходившая по Пассажу, извиняясь и пробивая чеки в компенсацию за разгромленные витрицы — ювелирная братия не склонна к всепрощению, — так вот, было неизбежным, что в толпе запыхавшихся хищников-подметальщиков она разглядела знакомую солидную фигуру. Ента Калента, вооруженная пылесосом на батарейках! Ента поровну распределяла свое внимание между пылью, которую собирала пылесосом, и обороной последнего от посягательств обозлившихся владельцев метел.

— Квадратный метр лучшего рома. Пятьдесят литров гренадина. Сок из сотни восстановленных лимонов. Пятьдесят фунтов лепесткового сахара. Тысяча пьяных вишен. Плантаторский пунш,

доктор. Угощайтесь. Опс благослови.

И неверной походкой удалился.

Шима с сомнением оглядел устрашающий цилиндр, потом все же полез по сходням, которые вели к полям шляпы, возвышавшимся на три метра над ним. Он получил по дороге керамическую кружку — ему сказали, что это подарок и он может забрать ее домой. Занял очередь и обратился к стройной яркой девушке перед ним. Кружка в ее руках уже явно побывала в употреблении.

— Опс благослови. Я вижу, вы уже попробовали пунш. Ну и как он вам?

Девушка повернулась и смерила его внимательным взглядом умных глаз.

— Опс благослови. Я уже в пятый раз в очереди.

— Что, так вкусно?

— Какое это имеет значение? Фирма — мой клиент, и в мои обязанности входит угождать им.

Она зачерпнула полную кружку пунша и посторонилась, пропуская Шиму. Когда он перегнулся через край, чтобы наполнить кружку, девушка внезапно схватила его за лодыжки и опрокинула в пунш.

— Сукин ты сын! Вот тебе за термокупальню!

Он нырнул головой в пунш, присоединяясь

к букету из рома, гренадина, лимонного сока, сахара и тысячи вишенок. Девушка продолжала крепко держать его за ноги, пока он бился и захлебывался в Пунше. Когда он уже был на грани потери сознания, его отпустили. Ему удалось извернуться и подняться на ноги. У полей цилиндра девушка пыталась вырваться из рук управляющего по рекламе, гневно сверкая на Шиму глазами.

— Это не был я, в термокупальне, — выдохнул Шима.

— Черта с два! Я-то тебя везде узнаю!

— Тем не менее наше вам с кисточкой, мадам. Вы решили для меня проблему изоляции. Опс благослови.

* * *

Когда измученная Гретхен добралась наконец до своих дверей, то обнаружила на посту лишь нескольких стражей цитадели. Она невольно улыбнулась, увидев их колоритные лохмотья — дань Опс. Шима? Ни малейшего признака.

«Не случилось ли чего? Может быть, снова приступ нападения и бегства?»

Однако рассыльный только что передал запись от Шимы.

«Из пентхауза?»

Нет, из Управления Полиции.

«Ох ты, Господи! Идиот снова влип!» Однако она включила запись твердой рукой.

* * *

Я наговорил эту пленку для тебя, Гретхен, любимая, потому что я полностью выжат. Я не в состоянии видеть никого, даже тебя.

Случайно, когда я рассчитывался за тот краденый бронзовый цилиндр, меня натолкнули на финал Голема, на решение проблемы с твоей изоляцией для опыта. Батисфера. В ней смонтированы системы связи, жизнеобеспечения и подачи энергии — то, что смущало нас в проблеме полной изоляции. Кроме того, океанские глубины недоступны для внешних помех — разве что просочится легкая радиация от земной мантии да один-другой заблудившийся нейтрино.

Я отправился в Институт Океанографии, чтобы договориться с Люси Лейц, приятелем по МТИ, о батисфере. Люси — это Фридрих Гумбольдт Лейц, доктор философии, и ДОДО (большими буквами). Нет, не ископаемая птица, а Директор Общих Донных Операций. Я знал, что у них есть маленькая батисфера.

Они отмечали Празднество Опс пиршеством из сырой рыбы, поедая избыток живности из собственного аквариума. Ты не представляешь, Гретхен, какой стыд за человечество испытываешь, глядя в глаза гигантскому крабу, когда ты отламываешь ему клешню… Короче говоря, я получил благословение Опе от Люси и полное добро на батисферу, поэтому настраивайся на завтра — и постараемся не сорвать дело, потому что теперь я знаю, что Индъдни прав. Наше время действительно истекает. Когда я закончу, то ты, думаю, со мной согласишься.

Оттуда я пошел в штаб-квартиру Армии Оледенения, надеясь, что перехвачу там тебя — утрясающую свое выступление из «Паяцев». Тебя не было, и я все уладил сам — ну и акулы эти святоши! Они бились в истерике на молитвенном сборище по случаю начала Опснедели. Ясное дело, Армия на дух не переносит ложную богиню Опе и ее грязные, порочные, греховные Опалии.

Их там было, наверное, с тысячу, во главе с очередным Скрябин-Финкелевским фигляром, ошизевшей кокни, называвшей себя Сабрина Финкель. Выли «Как Ем у пчела…», крушили все подряд, дергал ись в экстазе — ну прямо толпа линче-

вателей. За моей спиной спряталась девушка, и неудивительно, что она была испугана — я сам дрожал от страха.

— Вы, похоже, джентльмен, даже несмотря на ваш ужасный вид, — сказала она (я был весь в Плантаторском пунше — потом объясню). — Бога ради, заберите меня отсюда. Какая мерзость!

Ну, мы оттуда быстренько смылись, схватили тачку и направились ко мне в Оазис. Каждый сидел в своем углу и молчал. По пути пришлось вести себя как джентльмен и предложить на выбор: или она едет дальше к себе, куда ей надо (за мой счет, разумеется), или предварительно поднимется на минутку в пентхауз выпить на посошок.

— Я бы, конечно, сейчас выпила. В проклятой Армии сухо, как в пустыне. Только чур не приставать!

— Боже упаси! — Меня аж передернуло. — Что я, Казакова? Пойдем скорее, чертовски холодно.

Мы поднялись в комнаты, и я стал разжигать камин.

— У тебя за воротником рубашки торчат вишенки, — заметила она, внимательно за мной наблюдая. — Ты в курсе?

— Не мудрено. Я недавно столкнулся с большим

котлом Плантаторского пунша.

Девушка бродила по комнатам, с любопытством глазея по сторонам.

— Ух ты, никогда не была в таких роскошных квартирах. Да, ты парень в порядке, я сразу поняла, несмотря на твою грязную одежду и эти тряханутые вишни.

— Не обращай внимания, просто я ходячий коктейль. Ладно, сейчас я дам выпить, и подумаем, как переправить тебя домой.

Мы посидели у камина и выпили немного. Она говорила — но не о том, как попасть к себе домой, а об Армии Оледенения, где работала, похоже, курьером. Простушка с хорошей здоровой кожей, но никак не красавица.

— Нужно поговорить с Филли, — внезапно заявила она.

— С Филли? Твоя подружка?

— Филадельфия. Я живу там вместе с родителями.

— Зачем звонить? Пневмотруба домчит тебя за двадцать минут.

— Знаю. Я должна предупредить, что сегодня не приду.

Только этого мне не хватало!

— Телефон не работает.

— Брось заливать! Думаешь, я тебя обдеру? Не боись, от тебя звонить не буду.

— А может, лучше вернуться домой, э-э... — Я до сих пор не знал, как ее зовут.

— Решено, я остаюсь. Не бойся, это не больно. А телефон у тебя в спальне, исправный, я пробовала. Ладно, позвоню из автомата в фойе. Не бойся, чувачок, ничего мне от тебя не надо, кроме тебя самого. Представь себе, бывают и такие девушки.

Она удалилась, а я сидел у камина и размышлял, как меня угораздило угодить в этот цимес и как из него выбраться, никого не обидев. В голову ничего не шло, оставалось молиться. И вдруг раздался стук в дверь.

— Открыто, — сказал я.

Дверь открылась. На пороге стоял Индъдни. Таки Бог есть.

— Какая радость, субадар!

— Дурные новости, доктор Шима.

— Меня, полагаю, задерживают?

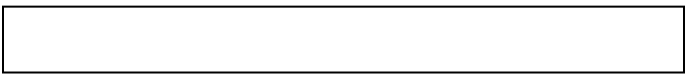
— Попрошу пройти со мной, доктор.

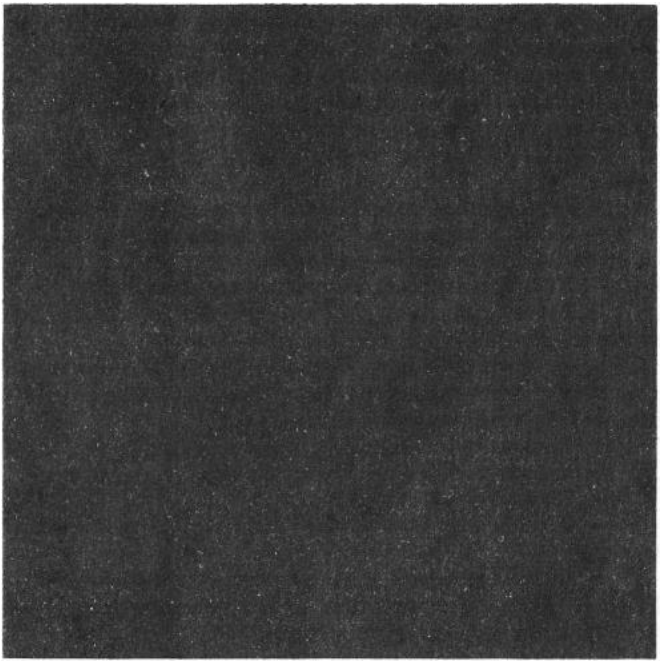
— Я не сопротивляюсь, но...

— Вниз, прошу вас.

И я пошел вниз, пожалуйста. Индъдни погрузился в тихое отчаяние. Я ничего не понимал.

В вестибюле группа по расследованию убийств сгрудилась вокруг стеклянной будки телефона-автомата. Вокруг толпились зеваки, кого-то уже рвало. Стеклянная дверь была наглухо закрыта. В будку было втиснуто тело, головой вниз, с разорванными венами — она захлебнулась в собственной крови, как раз к праздничку для меня.





Они вышли в море на атомном траулере «Драга III», оставив далеко позади берег вместе с вонью Коридора. Стрела лебедки была вынесена за левый борт, и по блокам медленно скользил тяжелый, во множество сплетений кабель, опуская батисферу с Гретхен Нунн. Гретхен сидела внутри кокона из проводков и электродов.

Доктора Блэз (Шим) Шима и Фридрих Гумбольдт (Люси) Лейц находились в кабине управления, напоминавшей командный мостик космического корабля: по четырем стенам светились контрольные панели, циферблаты, мигали обзорные экраны.

Люси Лейц являл собой мощь, преобразованную в сало. Среднего роста, чудовищного обхвата, с руками и ногами толщиной с девичью талию. Когда он принимал ванну, то, кроме него самого, там едва помещалось пять литров воды. Такая грозная туша говорила на удивление мягким и нежным голосом, смягчавшим все гласные: вместо «луна» он выговаривал «люна», а вместо «правда» — почти «прявда».

— Она уже достаточно глубоко, Люси? — спросил Шима.

Лейц внимательно наблюдал за шкалой глубокомера.

— Почти. Терпение, Шима, малыш. Терпение. Твоя сенсорная программа настроена?

— Угу. Все пять датчиков уже ведут отсчет.

Пять? Для пяти чувств? Но субадар Индъдни, кажется, сказал…

— К черту субадара. Я проверяю все: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус. Нас в Техноложке

учили, помнишь? Ничего не принимать на веру.

— Весьма болезненное воспоминание. А электроды закреплены надежно, я хочу сказать — накрепко?

— Ей их ни за что не сбросить.

— А она знает программу? Не впадет в панику при толчке?

— Я предупредил. Она все знает. Не волнуйся… Гретхен могла бы породить новое оледенение своим несокрушимым хладнокровием…

— Лады. — Лейц нажал на клавишу. — Останавливаем погружение. Больше трехсот метров.

— Хорошо, хоть море спокойное.

— На этой глубине твоя девочка не поняла бы, если бы наверху бушевал тайфун.

— Неплохо устроились вы, пижоны из ДОДО.

— Хочешь дать ей знать, что начинаешь, Шима?

— Нет, это не предусмотрено программой. Она там, в глубоких синих водах, сама по себе.

— Там, где она сейчас, глубокие *черные* воды. Девочка так отрезана от всего сейчас, как никогда.

Шима кивнул, перекинул рычажок, и по экрану пошли данные, исчерпывающе описывающие состояние Гретхен.

— Шима, что это за фигня?

— Распечатка данных о метаболизме, Люси. Пульс. Температура. Дыхание. Напряжение. Тонус. И т. д. И т. п.

_*	H	C	N	U	Ü	E	3	A	G	HH
P		B	B	D	A	B	B C	E	A	A
V	Ä		A	C	C	B	B	B	O	B 3
D	A	8		A B	A	A	C	D	C	A
B	M	M	M		B	A	A	A	A	A
C	M	M	M	M		A	E	C	A	O
II	M	M	7	D	A?		O	P	A	Ä
M	B	B	A	B 4	O	O		O	D	D
F	E	D	A	A	C	C	A		E	G
LL	A	A	C	C	Ä	D	D	D		O
S	D	A	A	A	A	A	B	A	AB	+
O	C	C	C	C	C	C	C	C		D
Q	A	6	O	A	AA	A	B		B	A
5	E	E	E	E	E	E		E	E	8
N	N	N	N	N	N		4	6	E	O
8	D	E	D	E		3	5	7	E	O
R	A	A	B		5	7	4	6	E	O
	A·5	B·10		C·15	D·20		E·30		M·100	

— В десятичном коде? *Десятичном*! Вот это рухлядь!

— Да, это старая-престарая программа, которую я откопал в библиотеке «ФФФ». Ее легче и быстрее всего было приспособить под эти испытания. Любой уважающий себя компьютер может перевести десятичный код в двоичный, если мне потребуется.

— А старая программа тоже была сделана под сенсорный эксперимент? Определяли, как и почему покупатели нюхают духи «ффф»

— Да нет же, ее делали под расчет вероятности появления двой-, трой- и вообще п-няшек — заказ отдела сбыта. Если написать дельную программу, Люси, то ее можно приспособить почти подо все. Ты же это знаешь. Из мышей, и ракушек, и зеленых лягушек — вот из этого сделан компьютер!

— Как вам ученым чудакам весело живется!

— Ах вот как, ученым! А вы, извиняюсь, кем будете, доктор Фридрих Гумбольдт Лейц?

—

Я, сударь… простой Untersee Forshcungsreisende[75]. И, кстати, знаю, как это пишется.

— А вам зиг-хайль от всей души!.. Для начала

---

[75] Примечания: 75
Глубоководный исследователь *(нем.)*.

я врежу по ней звуком — нужно проверить, возможно, слух у нее тоже из вторых рук. Индъдни считает, что это важно, хотя и не сказал, почему…

Шима с недоумением глядел на распечатанные результаты проверки реакции Гретхен на звуковые раздражители.

Наконец Лейц не выдержал:

— Ну что?

— Черт знает что, — медленно заговорил Шима. — Слышать-то она слышит, но у нее очень низкий количественный порог. Другими словами, она услышит отдаленный гром, но ничего не услышит, если громыхнет у нее над головой. Услышит шепоток канарейки, но не рев морского слона. Прямая противоположность обычной глухоте.

— Поразительно. А знаешь, Шим, возможно, госпожа Нунн — это новый скачок эволюции.

— Как так?

— Соль выживания вида — в умении приспособиться. Почему проиграли борьбу инстинкты? Из-за неподатливости натиску перемен.

— Не спорю.

— Среда нашего обитания радикально изменилась, — продолжал Лейц. — Одно из изменений

— постоянные ударные воздействия на наши органы непереносимых зрелищ и звуков. Потому так много шизиков в психушках — тысячи и тысячи людей, отвергших невероятную реальность происходящего. — Лейц задумался. — Иногда мне приходит в голову, что психи не они, а мы — кто продолжает все это терпеть.

— А Гретхен из отвергших?

— Нет, она из приспосабливающихся. Матушка-Природа постоянно подталкивает все виды к высшему пику их развития, и человека в том числе. Сожалею, но мы с тобой еще далеко от вершины.

— Эй, Люси, полегче по части клеветы. *Я* тут все записываю на пленку.

— Мать-Природа, блестящий импровизатор, старается породить улучшенный человеческий вид, причудливо приспособив его к меняющемуся окружению. Еще толчок к вершине — и вот вам твоя девочка, Гретхен Нунн. Она научилась противостоять воздействию разрушительных зрелищ и звуков.

— М-м-м… Пик творения… Может, ты и прав, Люси. Ты безусловно прав, что я и близко к нему не подобрался. Но Гретхен? Не знаю. Знаю лишь, что, близко или далеко от него, она единственная

в своем роде.

— Полностью согласен. Вопрос лишь в том, подлинная ли это мутация, то есть передается ли по наследству. Ты что-нибудь делаешь, чтобы это выяснить?

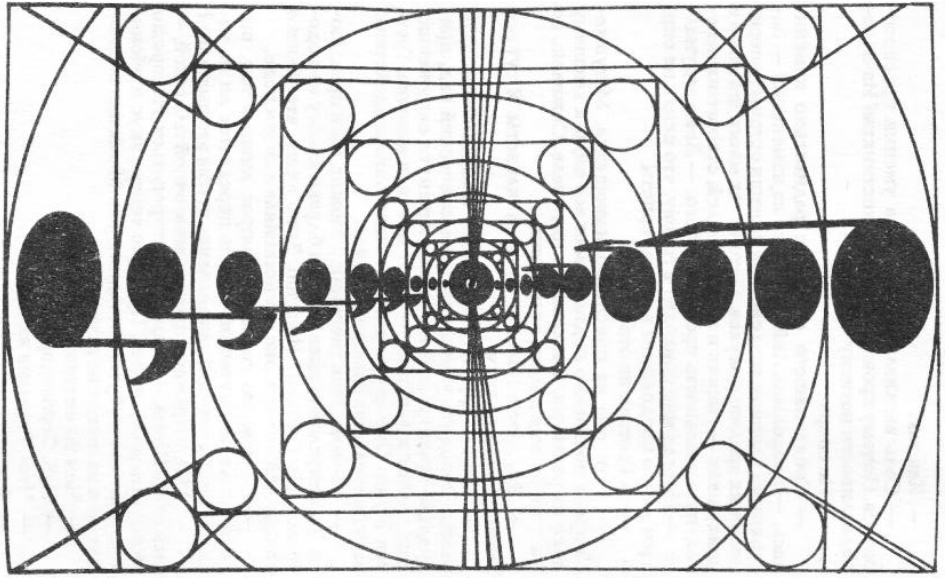
— Меня отражают противозачаточной таблеткой, — засмеялся Шима. — Ладно, хватит трепаться. Нехорошо заставлять даму ждать. Проверю теперь вкус и обоняние… Вот это выброс! Индъдни прав. Малышка все может — и на нюх, и на вкус!

— Чем ты ее шарахнул, Шим?

— H2S. Сероводород.

— Что? Тухлыми яйцами?

— Ага.



— Это, сударь, составляет жестокое и выходящее за рамки общепринятого наказание, особо поставленное под запрет Конституцией Соединенных Штатов.

— Она подготовлена к тому, чтобы ожидать самого худшего.

— А это что за мерзость? — хмыкнул Лейц.

— Теперь бедняжку штурмуем грязным и подлым образом — страхом, который присущ всем.

— Денежными затруднениями?

Шима рассмеялся.

— Знаешь, Люси, твои Forschungsreisendes, думаю, иногда очень глубоки. Нет, это не деньги, а акорафобия[76].

— Что такое?

— Мурашки.

— Что?

— Кокаиновые жучки, — Шима посмотрел на Лейца — тот явно ничего не понимал. — Все еще не рубишь?

— Нет, и не уверен, что хочу.

— Наверное, так лучше. Ты бы меня пристрелил, а присяжные бы тебя оправдали… Ладно, Гретхен. Мне очень жаль, но я должен проверить

---

[76] Примечания: 76

Паническая боязнь насекомых, чего-то ползающего.

твое осязание.

Поглядев на экран, Шима повернул белое как мел лицо к Лейцу.

— Смотри, как кричит все ее тело! Прости, милая, прости меня. Все, уже все. Зато я теперь знаю, как сильно ты чувствуешь. Я ощутил то же самое — эмпатия.

— Что такое эти кокаиновые жучки? Что она чувствовала?

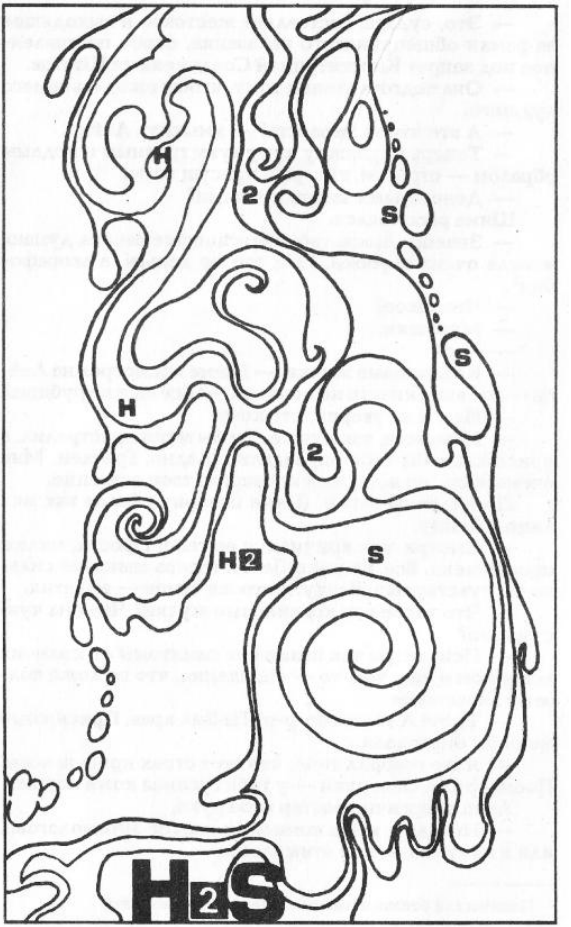
— Психиатры так называют симптомы отравления кокаином и еще чем-то — ощущение, что по коже ползают насекомые.

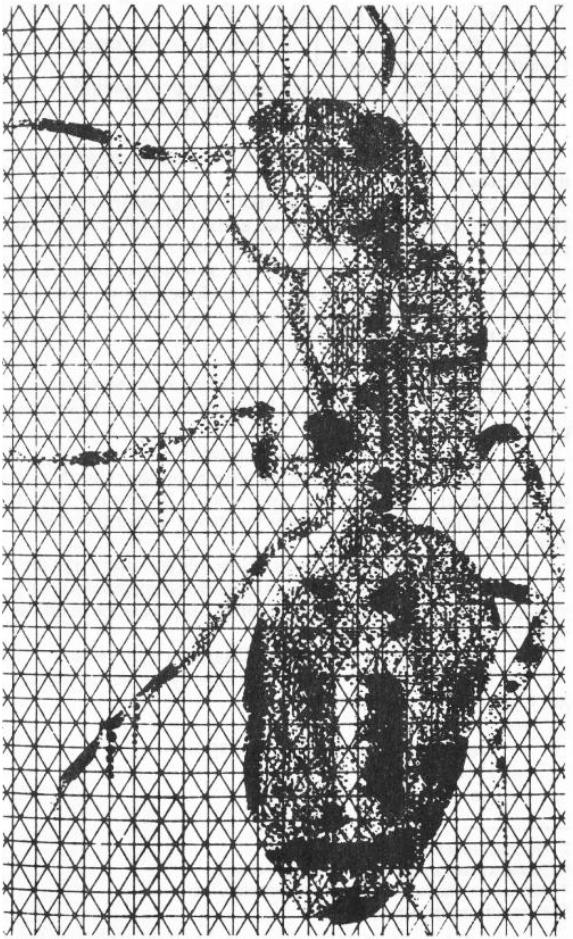
— Тьфу! А также бр-р-р! Ты был прав. Присяжные меня бы оправдали.

— Я же говорил тебе, что этот страх присущ всем. Посмотри на свои руки — у тебя гусиная кожа пошла.

Лейц энергично растер себе руки.

— Иногда у меня сомнения насчет энтомологов… или я хочу сказать об этимологах?


H
2
S
H
2
S
H2
S
H2S



—

— Попробуй auf Deutsch.

— Wortableitung[77]? Или нет, я хочу сказать — I nsektenkundefachmanns[78].

— Попробуй сказать entomologie professeur[79].

— Спасибо тебе до полу! А теперь что?

— Зрение.

— Но ты уже знаешь, что в этом ее восприятие — из вторых рук.

— Знаю, но только для области видимого спектра. Искомое: видит ли она за пределами этого? В инфракрасном или в ультрафиолете? Поехали.

Шима негромко присвистнул, затем Пробормотал:

— Все ближе и ближе к вашей вершине, доктор. Просто огромный скачок вперед.

— Что? — не понял Лейц,

— Гретхен слепа, не так ли?

— По твоим словам, да — в видимом спектре.

— Так вот, она получувствует, полувидит в ультрафиолете.

---

[77] Примечания: 77
Этимология, происхождение слов *(нем.).*

[78] Примечания: 78
Энтомология, исследование насекомых *(нем.).*

[79] Примечания: 79
Ученый-энтомолог *(фр.).*

— В ультрафиолете? Невозможно.

— Люси, она реагирует на ультрафиолетовое излучение. Такого слова у нас нет. Она… А, какого черта, давай изобретать! Она… видечувствует частицы с высокой энергией…

— Нет, поменяй местами, Шим. «Чуввидит» лучше.

— Ладно, пусть. Она чуввидит бомбардировку частиц из радиоактивной земной коры… посредством соматической пузырьковой камеры.

— Боже мой! Фантастика! Седьмое чувство?

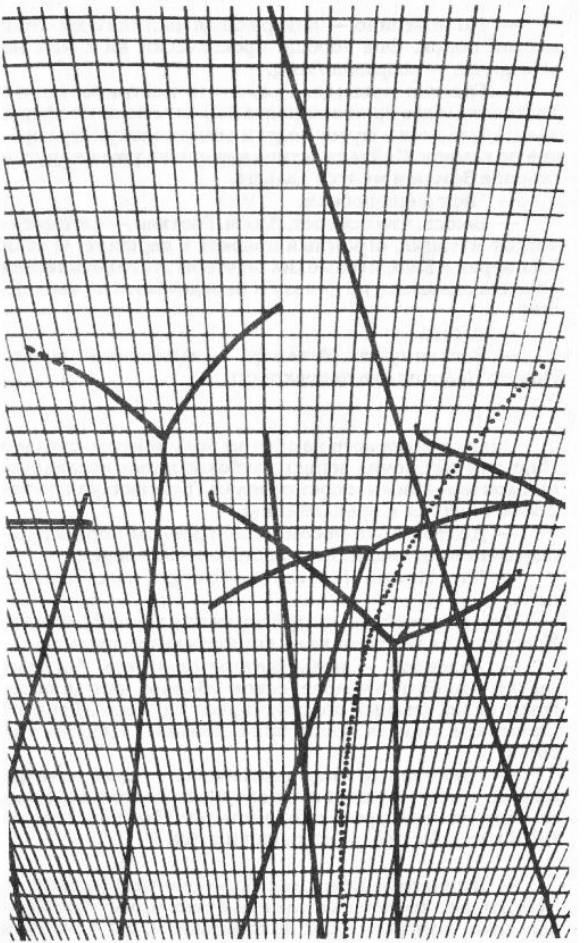
— Вот именно. А только что нам чудовищно повезло. Один шанс из миллиона.

— То есть?

— Она зарегистрировала нейтрино.

— Нет!

— Да.



— Но нейтрино — нейтральная частица с нулевой массой покоя. Она вообще практически ни с чем не реагирует, — возразил Лейц.

— Гретхен чуввидела ее, и это нейтрино. Ничто другое не могло пронзить пояса Ван Аллена, атмосферу, двенадцать сотен футов воды и соматическую пузырьковую камеру. Сейчас частица наверняка уже на другой стороне Земли и мчится дальше.

— Черт меня побери.

— Боюсь, что поберет, Люси. Гретхен — фантастическая мутация, огромный прыжок к вершине. И если бы я верил в Бога, я бы молился, чтобы эта генетическая обновка оказалась на пользу и передавалась по наследству.

— Аминь.

— Воистину так. А теперь — вытаскивай нашего Нового Человека на поверхность.

Сидя скретив ноги на обитом полу камеры, субадар Индъдни выключил запись глубоководных исследований доктора Шимы и посмотрел на Гретхен Нунн с чувством, близким к преклонению.

— Доктор Лейц несомненно прав. Вы поразительный феномен, мадам, настоящий скачок вперед.

— Что, Новый Человек? — Гретхен даже покраснела.

Уголки рта Индъдни дрогнули под черной бородой. Краснеющая негритянка — поразительное зрелище.

— Даже это — неадекватное описание. Легенды гласят, что боги в человеческом обличье иногда посещают своих бедных родственников на земле. Вы кто? Сарасвати, святая защитница поэзии? Ума, богиня света?

— Простите за ноту диссонанса, — едко заметил Шима, — но у меня прошлым вечером состоялась весьма неприятная встреча с Големом[100]. Надеюсь, помните? Я хотел бы продолжить наши игры.

— Я ничего не забыл, доктор, — отвечал Индъдни. — Мне это все врезалось в память, очень может быть, более ярко, чем вам. Если припоминаете, вы покинули

Управление полиции, а я остался наедине с несчастной жертвой. Ничего похожего на игрища в честь Опс.

— Игрища! — внезапно воскликнула Гретхен. — У Реджины же была вечеринка для мужчин в честь Опс. Весь рой пчелок был там. Вот что снова породило Голема!

Индъдни кивнул.

— Причина и следствие. Считаем доказанным. Но сейчас меня больше интересует, как повлияет на вас повторное проникновение в Фазма-мир… без спутника, на этот раз в одиночестве, без дружеской поддержки доктора Шимы.

— Почему вы так волнуетесь? — резко спросил Шима. — В прошлый раз у нее и отметины не осталось — во всяком случае, на психике. А что касается шалостей телесной оболочки… Нутак-вот же, эта обитая войлоком камера, в которой мы заперты.

— Согласен, доктор. В Бедламе пошли нам навстречу некоторым образом, и это помещение довольно безопасно. Самое худшее, что сможет сотворить госпожа Нунн, это начать бросаться на обитые войлоком стены. В лучшем же случае она набросится на вас, как на тот плакат, помните, «до и после»? — Индъдни ухмыльнулся: — Обещаю прикрыть глаза.

На этот раз Гретхен даже хихикнула.

— Мы все заодно, субадар, у нас нет секретов друг от друга.

— Благодарю вас, сударыня, за доверие к моей выдержанности, но разве не может у меня быть секретов, которые я хотел бы утаить? Однако.

Вот что меня заботит: устремления Ид, в первую голову, яростно направлены на получение удовольствия и на выживание. Не случится так, что ваше вторжение побудит этот дикий потаенный мир использовать вас для своего скотского удовлетворения?

— Разумеется, субадар, этого следует ожидать, но я могу постоять за себя.

— Постоять за себя перед неведомым? Каким же образом, сударыня?

— Ах ты, Господи! Ну разве я не живу и работаю уже почти тридцать лет в самой что ни на есть реальной Гили? А чем, по-вашему, занималась Гиль, как не старалась использовать меня для развлечения и в борьбе за выживание? Только та и разница, что в Гили я получаю за это плату. Я вооружена своим опытом и смогу противостоять любой психической атаке.

Индъдни перевел взгляд с Гретхен на Шиму.

— А вы, доктор? Вы тоже вооружены, чтобы противостоять тому, что госпожа Нунн может встретить в преисподней подсознания, и тому, что ее телесная оболочка может вытворять здесь в камере?

Гретхен ответила раньше, чем Шима успел рот раскрыть:

— Нет. Поэтому если le pauvre p^tit надуется на всех, постарайтесь его понять. Вернусь и успокою малыша.

— Я никогда не дуюсь, — проворчал Шима, — и я не малыш.

Индъдни вздохнул.

— Тогда, может быть, доктор, это относится ко мне — я-то нисколько не защищен от возможного исхода этой невероятной вылазки госпожи Нунн, но… Да будет так. Отправим же ее в одинокое путешествие к неведомому. Укол прометия?..

* * *

— ПРЕКРАТИ! ПРЕКРАТИ! ПРЕКРАТИ! — заорала Гретхен. — Бога ради, что ты вытворяешь!

Оторвавшись от стеганой стены в углу, где она пришла в себя, спотыкаясь на стеганом полу, она ринулась к сцепившимся мужчинам, чтобы разнять их. Шима схватил Индъдни за горло и пытался одновременно придушить его и разбить ему голову о стену. Субадар вцепился в руки Шимы. Гретхен повисла на шее Шимы и своим весом оторвала его от Индъдни.

— Сука! — Шима шумно дышал, как тигр в момент нападения. — И дочь черной суки! А этот черномазый — тебя трахает!

— Господи, что с тобой, Блэз!

— Пошла к черту! К черту тот день, когда я тебя встретил!

— О чем ты?

Индъдни растирал горло.

— Доктор Шима, мадам, по всей видимости, не только безоружен — он еще весьма уязвим. Все его цивилизованные реакции испарились, и он ринулся в атаку, когда должен был оставаться сторонним наблюдателем.

— Чего? Что случилось?

— Если деликатно подойти к описанию событий, госпожа Нунн, то выяснилось, что прикрыть глаза пришлось бы доктору Шиме.

— Как?!

— Ваше лишенное рассудка тело кинулось не на того мужчину.

— То ест, я?.. Вас?..

— Да, ты, с ним, — орал Шима, — сколько же это продолжается?!

— Блэз! Что ты! Никогда!

— Нуда. Конечно. Фактически никогда… возможно… Но сколько времени ты этого хотела, а?

— Нет, Блэз. Никогда.

— У вас наберется терпения выслушать дружеский совет, доктор? — мягко спросил Индъдни.

— Ты, паршивый черномазый кобель! Все твои улыбочки, а сам лезешь…

— Шима! — Субадар даже не повысил голос, но слова его пронизывали как сталь клинка. — Никогда больше не смей называть меня черномазым.

Шима от испуга замолчал,

— Вся ваша ярость оттого, что вы исходите из своих представлений относительно поведения госпожи Нунн, не так ли? — Голос Индъдни опять смягчился. — Она сначала чувствует, а потом это показывает. Я не раз слышал, как вы поддразниваете мадам за то, что она «соображает нутром», верно?

— Да, — буркнул Шима.

— Тогда как могли вы серьезно воспринять эту смешную выходку ее бессознательного тела, когда она с самого начала нутром чувствовала, что я — гомосексуалист?

— К-как это?

— Ну да, — улыбнулся Индъдни. — Я это не скрываю, но и не выставляю напоказ, однако мадам все поняла с нашей первой встречи. Так что в данном случае хорошо, если она попросту опять по ошибке напрыгнула не на тот плакат. Хуже, если ее тело провинилось, по-детски грубо напроказив, зная, что вызов не будет принят и

останется без последствий.

Шиму передернуло.

— О Господи! Ой, Боже! Каким я был последним кретином! Подозревал. Присматривался к каждому ее взгляду на вас. Какой я дурак! — Он разразился истерическим хохотом, перешедшим в рыдание, затем уткнул пристыженное лицо в обивку стены.

Гретхен пристально посмотрела на Индъдни. Субадар вздернул бровь и улыбнулся ей. Она выразительно затрясла головой. Его улыбка не дрогнула.

Шима резко повернулся.

— Я хочу принести извинения.

— Нет необходимости, доктор.

— Но, черт побери, мне нужно получить прощение!

— Вы его уже получили.

— Так что остынь, малыш, — ласково сказала Гретхен. — Ты сидишь на самом дне своей бочки из-под рассола. Ниже упасть уже нельзя. Пора тебе начинать карабкаться кверху, прямо сейчас.

— Какая-то сбитая метафора, но весьма подходящая, — усмехнулся Индъдни. — Худшее позади, и среди нас нет места чувству вины или стыда. Не следует допускать, чтобы безумие преисподней

подсознания прорывалось в нашу цивилизованную жизнь. Оставим это гадкое место и удалимся в более благоприятную обстановку… ко мне домой. Я уверен, что там вы сумеете вернуть силы и прийти в себя. А нам следует выслушать сообщение мадам о ее путешествии в Фазма-мир — по свежим следам.

Когда они покидали обитую мягким камеру, Гретхен молча, одними губами сказала Индъдни:

— Вы. Очень. Очень. Хороший. Человек.

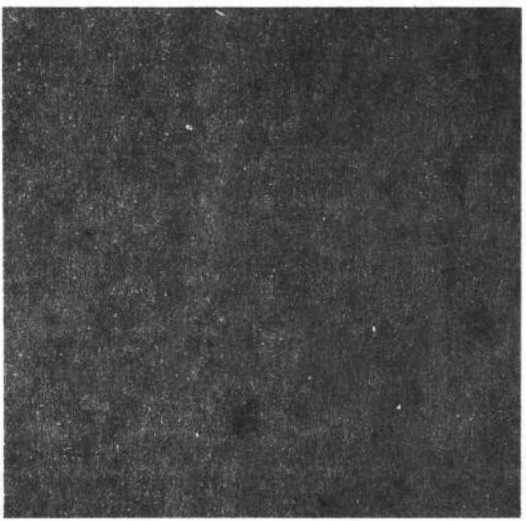
Глава 17

Некоторые изысканные мелочи в квартире Индъдни могли быть оценены по достоинству лишь избранными. Свет давали прозрачные лампочки накаливания: «За огромную взятку я раскрою, кто этот новый Томас Альва Эдисон, который делает их для меня». Метровый глобус был таким древним, что на нем были отмечены белые пятна с надписью «Terra Incognita». На 47° северной широты прилипла дохлая зеленая муха — только пристальный осмотр позволял установить, что трупик сделан из нефрита, агата и золотой филиграни. «Шантаж с применением пыток — и я раскрою тайну современного Фаберже, который сотворил для меня это. А теперь, если вы отошли немного и с удобством расположились, начнем».

— Скажите сперва, сколько времени я отсутствовала? — осведомилась Гретхен.

— Двадцать минут, — отозвался Шима. — Я дал тебе только четверть от того количества прометия, которое мы приняли в первый раз. Это жуткое средство. С ним шутки плохи.

— Знаешь, Блэз, ты не перестарался ни на йоту, уменьшая дозу. Моим дремучим первобытным чувствам Фазма-мир подсунул зыбкие образы Роршаха. Мутные чернильные (id-ильные?) пятна. Я все еще не могу и наполовину с ними разобраться. Сначала я попала в черноту…



— А это, доктор, было, когда мадам не могла считывать ваши ощущения.

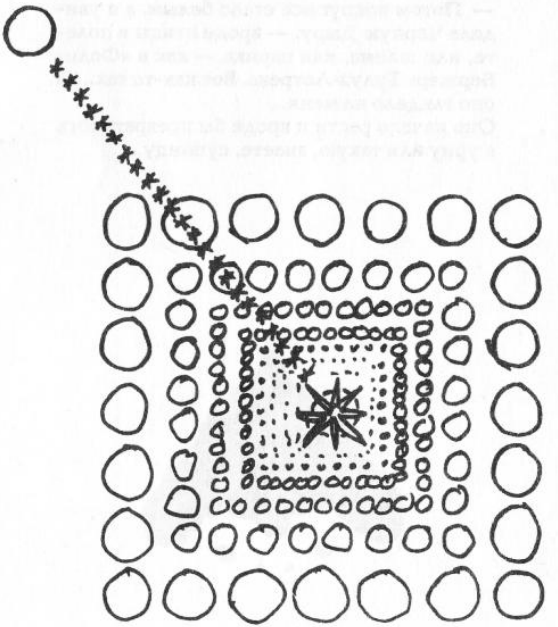
— Угу.

— Госпожа Нунн, по ходу ваших воспоминаний, не могли бы вы делать для нас наброски? Вот блокнот и карандаш.

— Я не художник, но постараюсь, субадар.

— Весьма благодарен. Очень будет полезно при обсуждении смысла.

— Потом в глухой черноте начали высверкивать звезды, линии, завихрения и какая-то чушь. Нарисовать? Очень сложная картинка…



— Нет, Гретхен, не нужно. Это ты, как в пузырьковой камере, воспринимала высоко-энергетические частицы.

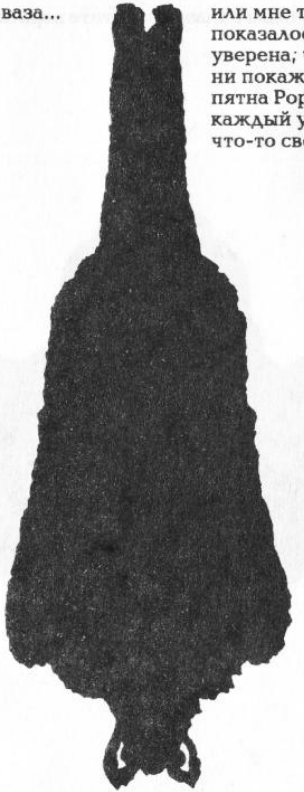
— Потом вокруг все стало белым, а я увидела Черную Дыру, — вроде птицы в полете, или шлема, или парика — как в «Фоли-Бержер» Тулуз-Лотрека. Вот как-то так... И оно глядело на меня...

Оно начало расти и вроде бы превратилось в урну или такую, знаете, супницу...

..но супница была с глазами, хотите верьте, хотите нет!

Потом была ваза...

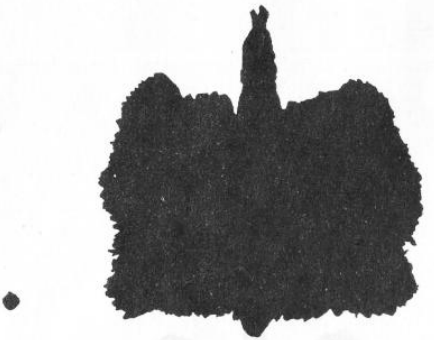
или мне тогда так показалось — но я уверена, что кому ни покажи пятна Роршаха, каждый увидит в них что-то свое...

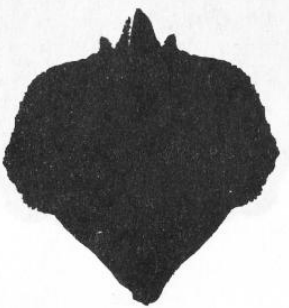


Правда, теперь мне это скорее напоминает карту Таро «Le Pendu» — «Висельник», и мне страшно...

Потом чернота стала сгущаться,
рассыпаться — не знаю, во что,
но очень противное. Посмотрите сами...

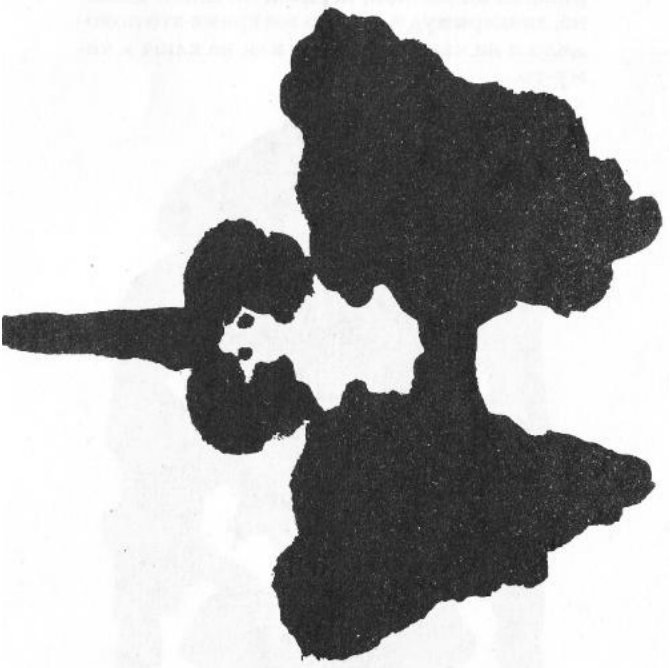
Образовалась корона или бабочка над сердцем,
или тузом пик, или грушей из сливного бачка... вот так...



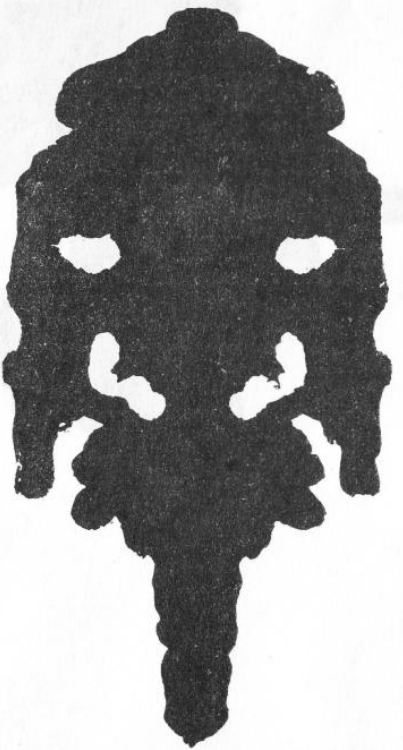


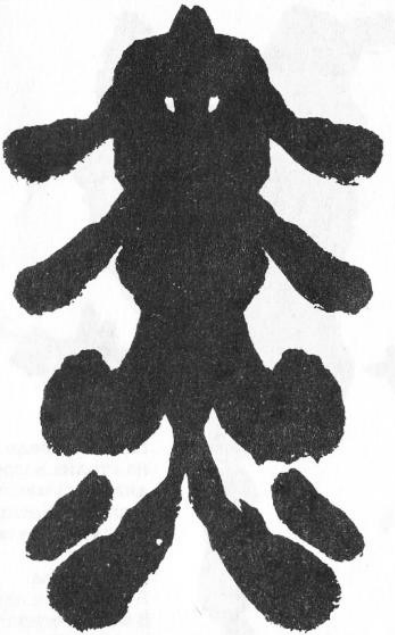
Но все время за мной
как будто следили какие-то глаза...

А потом вдруг явилось что-то вроде
полярного гуся в полете
или атакующего шершня...



Фазма-мир — это все время изменяющийся кошмар, и мне представали какие-то видения, ни на что не похожие. Крылья гуся или пчелы вдруг оборачивались колдовской африканской маской, жуткой личиной шамана, знахаря вуду, но в то же время это походило и на чью-то голову, или на ключ к чему-то...



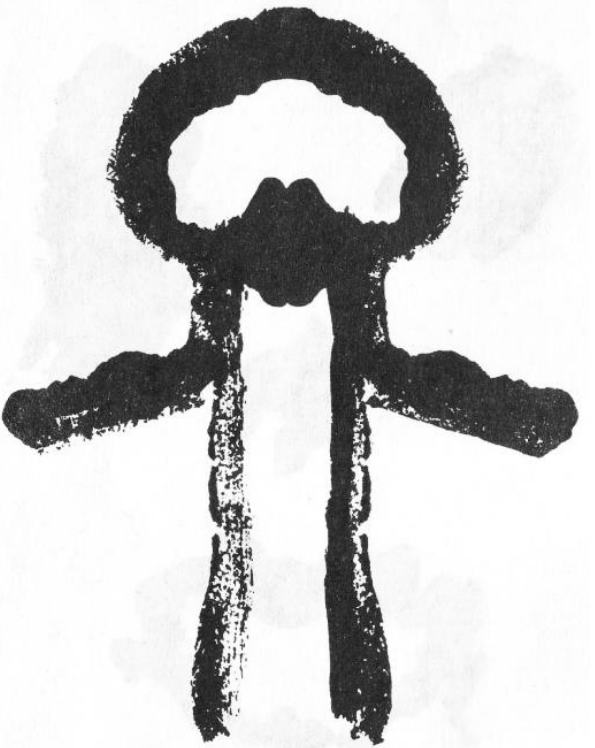


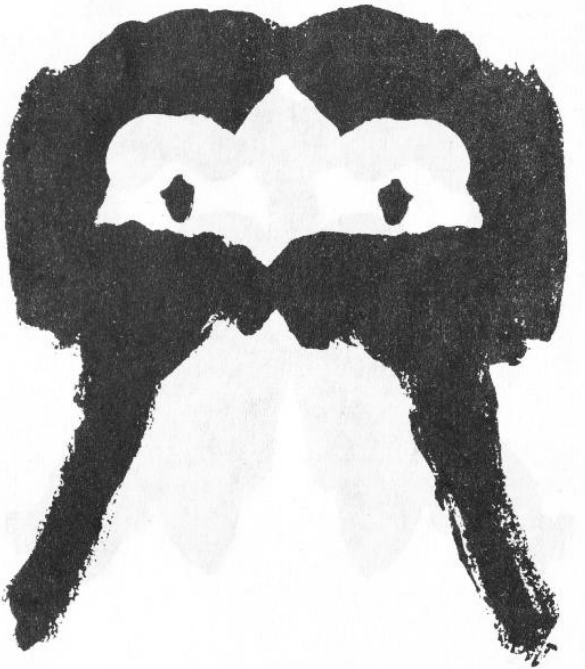
Внезапно мне стало казаться, что Ид-кляксы Фазма-мира пытаются установить со мной контакт, объяснить raison d'etre своей культуры, но как если бы они говорили по-японски, китайски или на языке космических пришельцев. А глаза все смотрели на меня.

Потом передо мной
на столик взгромоз-
дилась сумасшедшая
курица и беспрерывно
кудахтала на меня,
только я ее
не слышала.
Я ничего не слышала.
В Фазма-мире тишина,
как в гробу.

А уж что меня поразило, так это когда хорошенькое Ид женского пола стало со мной кокетничать и строить мне глазки. Глаза. Все время глаза. Кляксы или пятна — все равно глаза. Вот так...

А потом человечек из кружочков и палочек начал приставать ко мне. Вы правы, субудар, основные движущие силы — это наслаждение и удовлетворение...

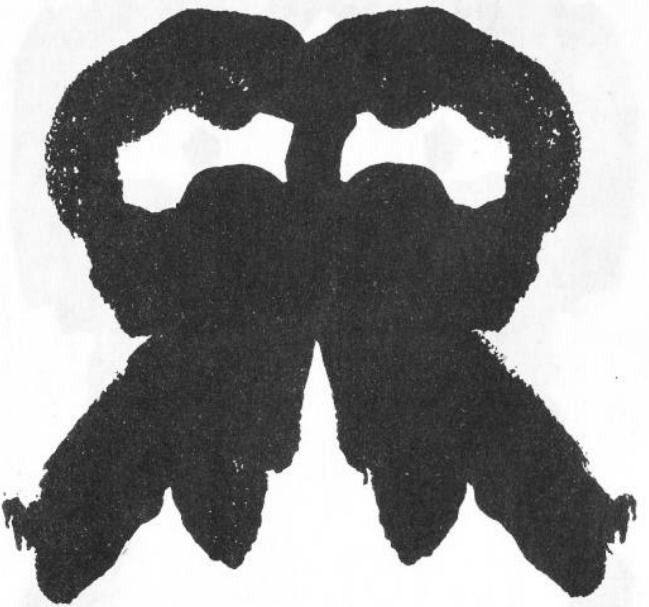




А темное женское Ид следило за ним,
или за мной, или за нами обоими.
Снова глаза...

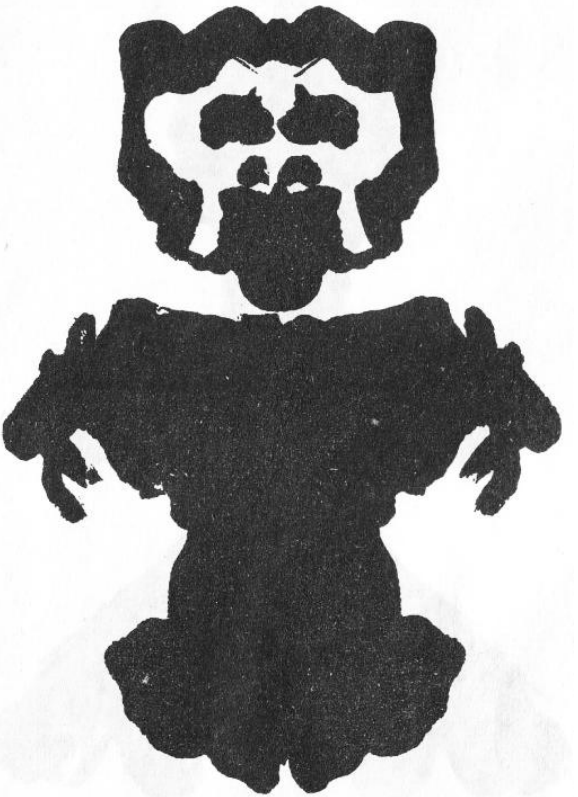
—

И ее лицо вдруг исказилось,
стало еще одной сатанинской личиной.

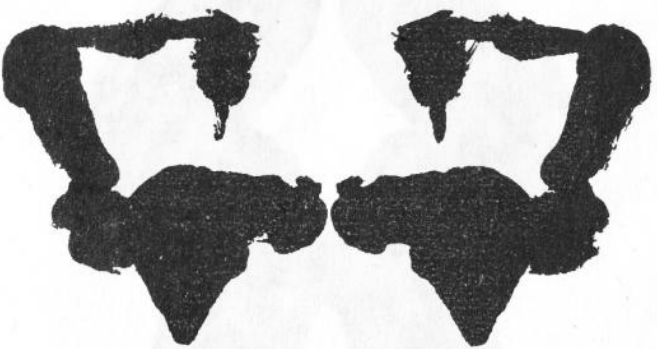


Потом на меня
стал напрыгивать человечек —
негр из черточек...

И превратился в Смерть
в наброшенном плаще,
которая тянулась сгрести меня...

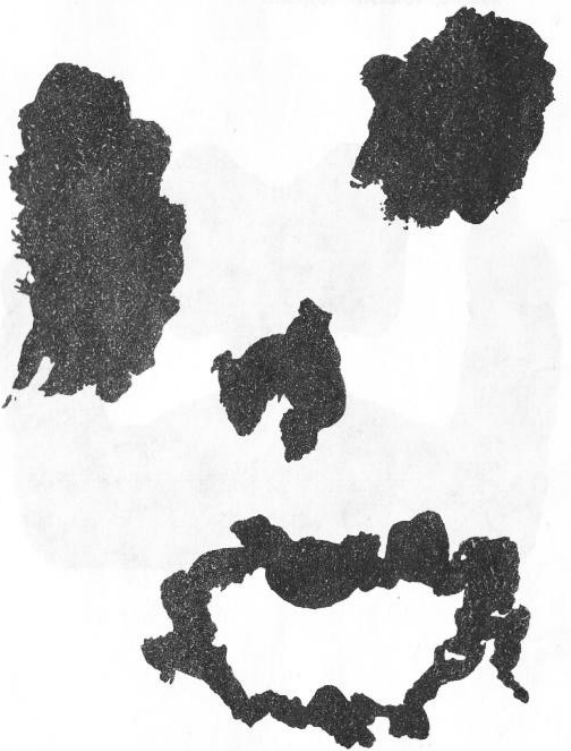


Мне кажется, что, наверное, я попыталась спастись, и появился образ, похожий... нет, не знаю... словно распахнутая мне навстречу западня. Вот такая. Могут неодушевленные предметы обладать Ид?..

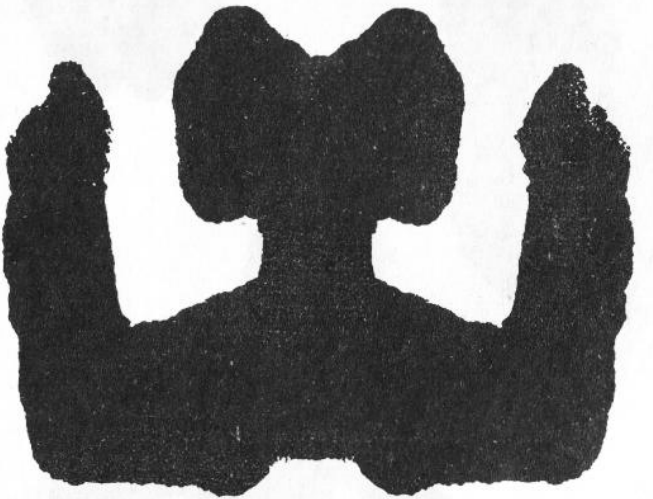


А потом оно расплылось или было вытеснено вот этим. Не знаю, что это. Поцелуй сиамских близнецов?

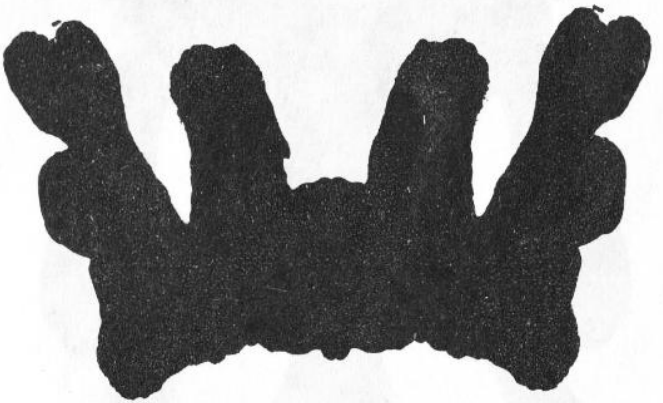
А эта хорошенькая вернулась, продолжая подмигивать. Фазма-цивилизации присуща странная навязчивая цикличность...



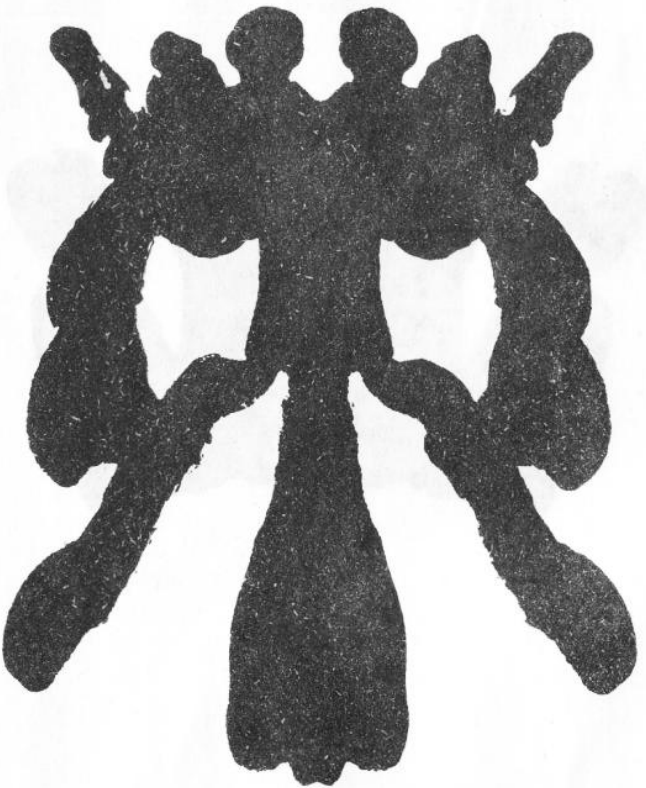
А та неясная штуковина, которую я считала ловушкой, превратилась в графскую корону. Этот мир весь зыбкий, туманный, текучий, населенный какими-то желеобразными подобиями людей...

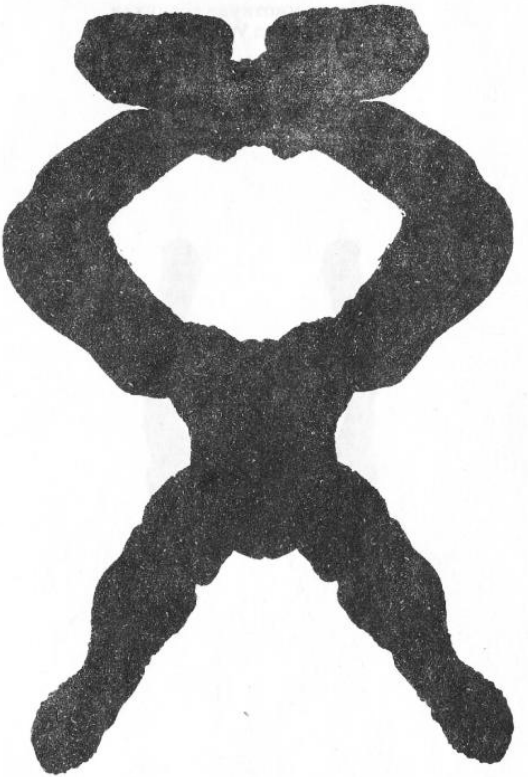


Потом корона разрослась
и стала императорской...



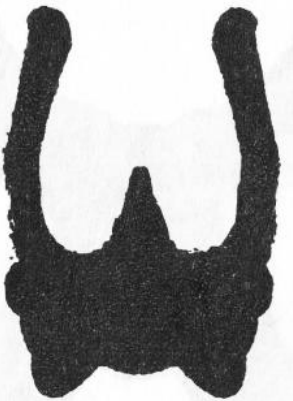
А потом оказалось, что эта императорская корона венчает дьявольскую, шаманскую маску. Очень похоже вот на это...



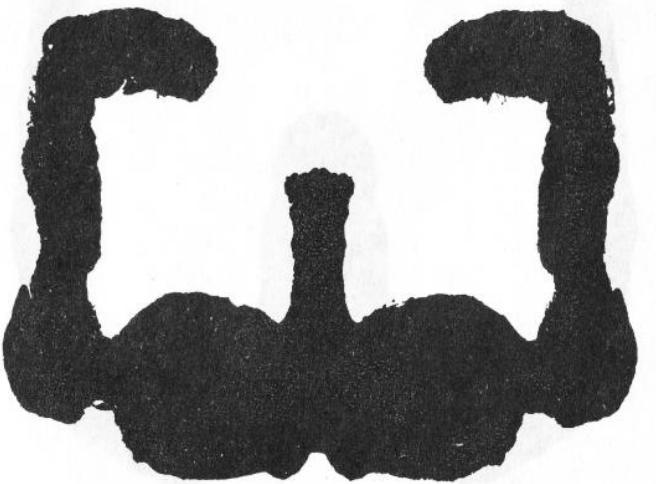


Вновь возвратились сиамские близнецы, сросшиеся спинами и не желающие разговаривать друг с другом; или, может быть, я наблюдала танец двух кобр.
Посмотрите на них...

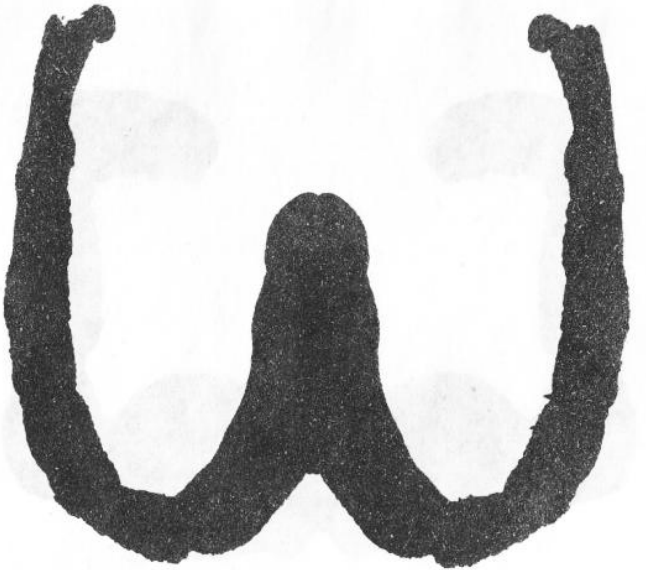
Затем из ниоткуда возникла
жирная буква W...



Которая превратилась в две поднятые ручищи с огромными бицепсами; вроде вот таких...

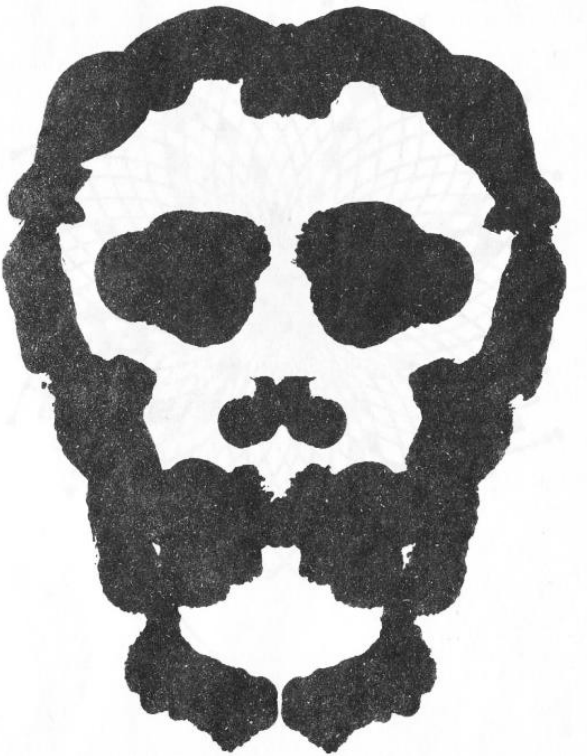


А дальше мне показали издевку,
а не задницу — толстую, отвисшую...

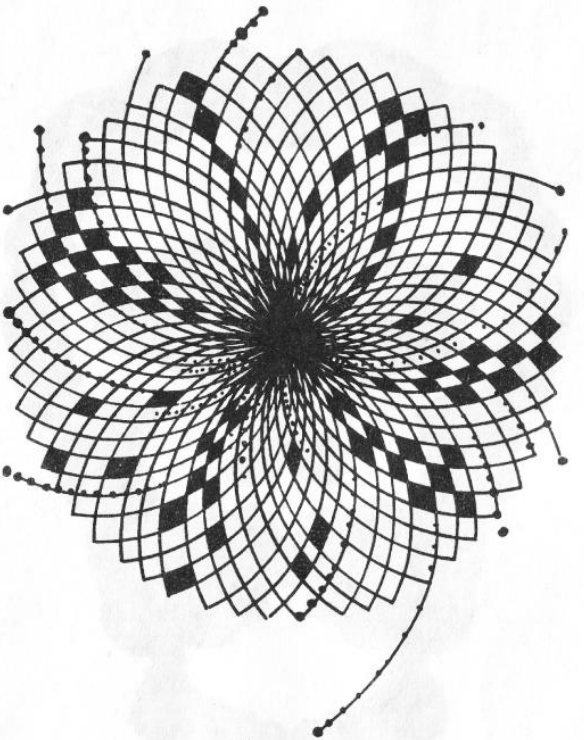


—

И тут воротилась Смерть!



А потом случился солнечный взрыв —
точно астра проросла в вечность, и...



— …и я вернулась обратно в камеру.

Гретхен с трудом перевела дыхание: почти полчаса она без передышки выпаливала свой отчет, сопровождая его набросками. Оба ее собеседника были так увлечены, что не обращали на нее никакого внимания. Несмотря на пережитые мучительные потрясения, Гретхен было впору рассмеяться: Шима не мог оторваться от нефритовой мухи, сдохшей на 47-й параллели, а Индъдни с жадным любопытством знатока Ид-клякс разглядывал ее наброски.

Наконец Гретхен не выдержала.

— Ну?

— Этот взрыв в бесконечность, — вопросил Шима творение Фаберже, — как насчет взрыва?..

— Это ваше нападение-бегство — когда вы набросились на меня, — тихо сказал Индъдни. — Оно и вызвало, по всей видимости, срочное возвращение госпожи Нунн. Вы согласитесь, я полагаю, со мной, доктор, что здесь обнаруживается весьма любопытная и неожиданная связь.

— Между мной и Гретхен? Но ничего неожи…

— Нет-нет, между сомой и психикой. — Индъдни повернулся к Гретхен. — Вы снова, как всегда, вдохновляете нас, мадам.

— Благодарю вас, субадар.

— От души желал бы вашего присутствия в моей команде. — И снова к Шиме: — Итак, доктор, ваша проницательность подсказала вам какие выводы из повествования госпожи Нунн?

— Да, я оказался прав: Голем[100] не одинок — страна Ид обитаема.

— Так. И что же?

— Там развилась своя Фазма-цивилизация.

— И далее?

— И действительно существует связь между индивидуумами реального мира и иддивидуумами Фазма-мира.

— Ид-дивидуумами? Очень хорошо, доктор! Мне нравится слово «иддивидуум». Что еще?

Шима поморщился.

— Никуда не годное рассуждение. Если мой анализ ситуации справедлив, то нам придется близко узнать индивидуумов и Наше-мира, чтобы установить их связь с соответствующими иддивидуумами из Фазма-мира, и наоборот. Вывод: нам вечности не хватит, чтобы вычислить, кто порождает Голема.

— Браво, доктор! — расплылся в улыбке Индъдни. — Я полностью согласен, только исключаю ваш расчет потребного времени.

— Почему? Вы полагаете, что не понадобится

столько?

— Моя очередь — в конце, доктор. Сейчас слово за мадам. Если к вам вернулась выносливость, госпожа Нунн, будьте любезны дать нам ваши выводы.

— Что же… — медленно начала Гретхен. — Я уже заметила во время рассказа, субадар, что вы правильно беспокоились. Подмир вдохновляется только стремлением к наслаждению и удовлетворению — на самом примитивном животном уровне подсознания. Но… это и сбивает меня. Почему я так сильно чувствовала опасность и смерть?

— Что тут непонятного, мадам? — несколько удивился Индъдни. — Эгоистическое стремление к наслаждениям часто опасно для других. А разве жестокие хищники не наслаждаются, медленно убивая жертву? Вы никогда не наблюдали, как кошка оттягивает кончину мыши?

— Это верно.

— Тогда, раз ваше недоумение разрешилось, каковы ваши построения из расплывающихся образов, Идпятен, сменявших друг друга, растекавшихся и преобразовывавшихся? Вы в состоянии оценить?

— Но я давала свою оценку, когда рисовала.

Индъдни сокрушенно покачал головой.

— Вот беда с лабораторным экспериментом: предмет опыта слишком погружен в происходящее, чтобы объективно оценить свои переживания.

Шима резко вмешался:

— Слушайте, Индъдни, если у вас есть что сказать, так, Бога ради, выкладывайте! Не заводите с нами эти кошки-мышки!

— Ни за какие блага, доктор. Я не жестокий хищник. Я и вправду смог найти объяснение некоторым из чувственных наблюдений мадам… ее чуввидению, по определению доктора Лейца… и стремлюсь кое-какие мои выводы представить вам.

— Сначала оценка времени, — настаивал Шима. — Почему у вас она разошлась с моей?

— Потому что госпожа Нунн, мне кажется, достигла цели своего прометиевого путешествия. Она невольно раскрыла настоящий источник появления этого чудовища — Сторукого Голема.

— Как! — воскликнула Гретхен. — Я? Как? Когда?

— Кто? — выпалил Шима.

— Ваши подозрения оправдались: Уинифрид Эшли, Царица, Пчела-матка улья.

Гретхен выглядела озадаченной.

— Но как вы пришли к этому на основании Идклякс?

— Для начала позвольте мне указать, что многое вы ощущали посредством своего седьмого чувства «пузырьковой камеры», как блестяще определил доктор Шима. (Извините меня, но цепочка умопостроений так тонка, что мы бережно выбираем ее — звено за звеном.) Точнее, мадам, вы часто воспринимали живые энергетические оболочки — их мощь не меньше, чем у элементарных частиц.

— Да, но…

— Глаза, постоянно за вами следившие: замените телесное зрение психологическим внутренним взглядом — вы видели саму себя, отраженную в личностях Фазма-мира, а они, без сомнения, видели себя через вас. Фазма-культура — это взаимная мастурбация.

— Фу ты, Боже! — вырвалось у Шимы. — Ну и образ!

— А теперь я приступаю к самому тонкому звену, — продолжал Индъдни. — Темное женственное Ид, следившее завами, госпожа Нунн, и преобразовывавшееся в сатанинскую маску… Беспристрастно поищите в памяти… Посмотрите

снова на свои наброски… Не могла ли эта маска быть латинским «P» — «R», соединенным со своим зеркальным отображением?

— О! А я и не…

— А ваше представление о сиамских близнецах?

— Мне ни разу не пришло…

— Открытая западня, преобразовавшаяся в графскую коронку, потом в императорскую корону, а потом — в коронованную сатанинскую маску? Посмотрите на свой рисунок. Разве эта маска не похожа на «R», соединенное со своим зеркальным отражением? Что подскажет вам коронованное «P»?

— Да, здесь не ошибешься… теперь! Царица пчел. Королева Реджина. — Гретхен обернулась к Шиме. — Он был прав, Блэз. Я и верно слишком погрузилась во впечатления, чтобы правильно оценить виденное.

— Еще одно деликатное звено, — продолжал Индъдни. — Летящий полярный гусь *или* атакующая пчела?

Шима убежденно закивал головой.

— Реджина. Царица пчел. И только так.

— Безусловно, да. Мы установили первоисточник Сторукого. Его порождает пчелиный рой,

улей, населенный дамами-пчелками, но рой держится вместе, только когда есть пчела-матка. Источник всего — она.

— Значит, царица — то гнездо, которое нужно разрушить, — тихо произнесла Гретхен.

— Однако меня озадачивает, — медленно продолжал Индъдни, — эта буква, «двойное-У», которая превратилась в мускулистые руки, а потом в толстые ягодицы. Почему она породила ощущение смерти?

— Смерть и раньше являлась ко мне, субадар.

— Да, как отклик на «Р». Почему же потом она откликнулась на появление «двойного-У»?

— Элементарно, — сказал Шима. — Долгое «У» как в «Уинифрид».

— Немного слишком элементарно для меня, доктор, — вздохнул Индъдни. — Наверное, для человека в синей форме это неправильно — отвергать очевидное, но мне не нравится это элементарное решение. Должно быть более глубокое, возможно, двойное объяснение появления Смерти реет над этой буквой, над парой мощных рук и ягодиц…

— Вы не излишне усложняете, субадар? — спросила Гретхен.

— Возможно, — Индъдни шумно перевел дух

и улыбнулся. — И опять же, возможно, перефразируя доктора Шиму, я пытаюсь объяснить неизвестное неведомым. — Он еще раз глубоко вздохнул. — Однако теперь мы хотя бы знаем, где искать Голема[100]. Это иддивидуум — благодарю за меткое словцо, доктор, — накрепко связанный с психикой Уинифрид Эшли через рой пчел, которыми она управляет. Если ее сместить, то рой распадется и Голем лишится пристанища.

— Это моя работа, — решительно произнесла Гретхен. — Я вхожа в улей. Мне придется изыскать способ, как лишить трона Ее Величество.

— Подрывная деятельность изнутри? — улыбнулся Индъдни. — Извинительное предательство в данном неслыханном положении. Я все же предлагаю подождать с планированием до завтра. Сейчас не время для серьезного обсуждения. Мы все очень устали и нуждаемся в отдыхе.

— Он прав, — зевнул Шима. — Я выпадаю. Пошли, госпожа Лигра. Отправимся в постель, и никаких баловств.

— Нигра, господин Япошка, неужели не запомнить? — Гретхен направилась к дверям, Шима за ней. — А насчет баловства поглядим, когда придем домой. На террасе еще полно земли. Доброй ночи и Опс благослови, субадар.

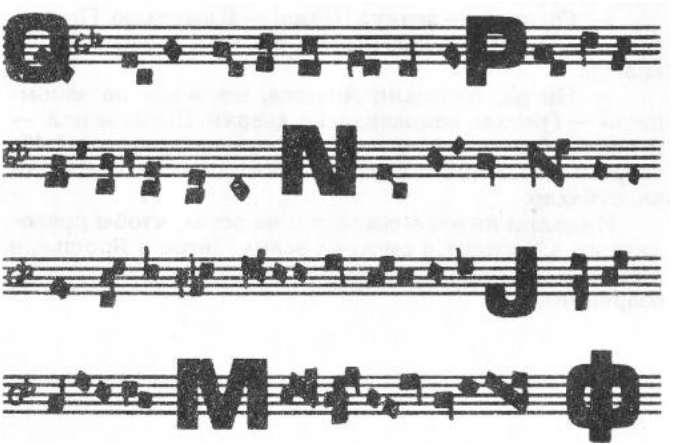
Индъдни не откликнулся и не встал, чтобы проводить их. Он сидел и смотрел вслед Нигре и Япошке, а лицо его исказилось от ужаса, вызванного внезапным озарением.

— Это подлинная средневековая месса, Реджина, которую положили в основу гимна, — сказала Гретхен. — Я послала ее тебе, чтобы она вписалась в твой прекрасный коммунистический интерьер. Естественно, я играла в переложении для фортепьяно.

Глаза Реджины наполнились слезами.

— Это самый милый, самый душевный подарок, какой мне когда-либо дарили. У меня нет слов, ЧК. Никаких. Опс благослови, дорогая, и тысяча благодарностей.

Глава 18



— Ну, я знала, что валик для пианолы вам не достался, — улыбнулась Гретхен, сидя за пианино. — Вот я и откопала ноты. Я не могла не сделать этого для вас, Реджина.

— А как она прекрасно сыграла! Верно, дамы?

— Вложила всю душу, — зааплодировала Ильдефонса. — Все сердце, серп и молот.

— НУ ДА! Насмехайся над ЧК, если угодно, Нелл, — выступила Сара Душерыжка, — но

ПРОЛЕТАРИИ
вдохновлялись
СВЯТЫМ ГИМНОМ на смептный бой, чтобы победила ДЕМОКРАТИЯ в искусстве, науке, чтиины вырвать свободу из жадных лап своих ТИРАНОВ — капиталистов и империалистов.

Вслед за этой вспышкой воцарилось ошеломленное молчание, которое нарушила Гретхен:

— Я и не знала, что вы — в партии.

— Да нет же, — сказала Ильдефонса. — Просто она играла «Мятежную Девчонку, Сокровище Души» — та заставляла всех эксплуататоров рабочего люда трястись от страха. Я попала на представление. Это был ее большой монолог под занавес в первом акте. Тьфу!

— Нет-нет, Нелли, — мягко укорила ее Реджина. — Не надо дразнить Сару тем спектаклем. Нельзя же считать актера ответственным за выспренние речи в старых романтических пьесах. Сара действительно вошла в образ Мятежной Девчонки, но она не виновата в тех глупостях, которые автор заставил ее произносить.

— А кто это написал?

— Драматург Старой Волны — некий Сезуань Финкель. — Сара задумалась. — А знаете, может

быть, они и в самом деле так говорили тогда, во времена Красного Знамени.

— А это когда было?

— Ужас как давно. Не знаю точно. Мне кажется, что тогда святой Иосиф Сталин изгнал тиранов из храма… или они его.

— Но что такое тиран?

— А такой вот… с острыми клыками.

— Неважно, Мери. Это уже седая древность. ЧК, милая, сыграй еще раз, а мы тебе подпоем. Мы репетировали на разных языках, в надежде, что я заполучу тот валик для пианолы. Мы собирались поиграть в подпольный большевистский Интернационал. Теперь, благодаря тебе, душечка, это в наших силах. Организуемся, организуемся! Пи-девка! Посмотри, чтобы водка была со льдом!

— Только мороженая вода для ванны, хозяйка Уинифрид.

— Ну и хорошо, девочка. Лед ведь не кладется В РЮМКИ — замораживать надо саму бутылку. А теперь, ЧК…

— Еще разок, и проявите солидарность, товарищи, — захохотала Ильдефонса.

— Ну не шути, Нелли. Наш лозунг «Да здравствует Рот Фронт!», и мы должны вложить всю душу. Мы искренне должны верить в грядущую

революцию.

Реджина запела под аккомпанемент Гретхен:

Вставай, проклятьем заклейменный, Весь мир голодных и рабов!..

Реджина изящным поклоном поблагодарила за овацию.

— Благодарю вас, товарищи, благодарю. Солидарность во веки веков, и, Пи-девка, где наша водка? А теперь наш товарищ Мери Наобум, знаток французского, ударит в колокол, отбивая смертный час правящим деспотам. Прошу, Мери!

Царица освободила место у пианино для Мери.

Гретхен показала ей ноты, как будто что-то объясняя.

— Будешь петь — старайся как следует! — шепнула она. — Реджина не принимает тебя всерьез. Нелли Гвин вечно насмехается. Не будь рабыней, сбрось цепи!

Мери дико воззрилась на нее, потом отвернулась и запела:

Debout, les damnes de la terre, Debout les forcats de la faim!..

Под рукоплескания Гретхен продолжала нашептывать:

— Восстань! Восстань! Это ТЫ должна быть

ВСЕМ!

— А теперь, — объявила Реджина, — поприветствуем нашу Енту Каленту. Евреи по всему миру всегда были на передовых позициях борьбы за свободу и освобождение этнических меньшинств.

— Но я не могу без моей рабби, — сказала Ента, сменив Мери у пианино.

— Что ты водишься с Реджиной и этими гойками? — зашептала Гретхен. — Все они просто дрек! Мери ни одну сделку не может довести до конца. У Нелли нет никакого уважения к деньгам, а Реджина слишком богата, чтобы о них думать. Будешь петь об освобождении — думай о себе!

Ента покосилась на Гретхен, вздернула подбородок и запела:

Sheit oil ir ale wer not shklafen, Was hungher leiden musin noit…

— Свобода! Свобода! — шептала Гретхен. — Восстань! Восстань вместе со своей рабби!

— А теперь наша «Мятежная Девчонка, Сокровище Души» порадует нас таким исполнением «Интернационала», которое звучит в финале одноименной пьесы.

— Но только не на УНЫЛОМ английском, НЕТ, говорю я! На единственно V!E!R!0!! BELLEZZA

ARTI!! А что понимает Реджина в красоте искусства? Она всего лишь богатая реакционерка. И что все они понимают? Ента думает только о деньгах. Мери слишком глупа. Нелл неискренняя.

Compagni avanti! II gran partito Noisiam dei lavoratore…

— Вперед, Сара! Вперед! Брось эту компанию поверхностных *нетворческих* натур. Они недостойны тебя.

— Барышня Гули выбрала язык, на котором писали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Они были крестными отцами славного Боьшевистского Богоявления, а она, возможно, будет крестной матерью.

— Реджина всегда унижает тебя, — шипела Гретхен. — Она богатая и вульгарная. Они все грубые и вульгарные. Близнецы — брачные извращенцы. Нелл Гвин хуже уличной шлюхи.

Wachtauf, Verdammte dieser Erde, Die stets man noch zum Hungern zwingtl..

— Проснись, проснись, Гули! Восстань! Выбирайся отсюда. Ты слишком чистая и порядочная девушка для такой гнилой компании — все эти женщины даже не знают, как вести себя в приличном обществе.

— Ни для кого не секрет, что наша любимица

Нелл Гвин того же цвета, что и наше любимое Революционное Красное Знамя, — с улыбкой сказала Реджина. — Она родом из Испании. Та гага avis[80] из Кастилии, у которой волосы, как на картинах Тициана.

— А она — старая индюшка цвета зеленой желчи, Нелл. Позеленела от зависти. Она-то знает, что ты в своей неподражаемой манере должна бы проводить эти собрания и в своей прекрасной квартире. Она безумно завидует тебе. Они все завидуют.

Arriba los pobres del mundo En pie los esclavos sin pan…

— Одержи победу, Нелл! Воспрянь! Да здравствует Интернационал! Поверь в то, что ты пела. Ты-то *знаешь*, что ты, черт возьми, должна быть царицей.

* * *

Гретхен уныло брела по Пассажу, переваривая свою неудачу в организации бунта дам-пчелок против Царицы Реджины. Ее приятно удивил вид Блэза Шимы, молча летевшего к ней на всех парусах, подобно Летучему Голландцу. Она

---

[80] Примечания: 80

Редкая птица *(лат.)* — о чем-то необычном, удивительном.

бросилась к нему, вцепилась в руку и, даже не поздоровавшись, вылила на него полный отчет о молитвенном собрании во пришествие славного Большевистского Богоявления.

— …А потом двойняшки Угадай и Откатай пели по-русски, и я выдала им ту же тему, что, мол, они — единственные подлинно свободные в этой компании, а все остальные: Реджина, Гули, Сара, Ента — вас за это терпеть не могут. Почему вы не смоетесь от этого занудства? Почему не примете слова гимна на свой счет? Результат тот же — ноль!

Господи, как я рада, что наткнулась на тебя, Блэз! У меня так тяжко на душе! Мне ни за что было не подбить их на дворцовый переворот: ни злобой, ни завистью, ни соперничеством, ничем… Их сплачивает Реджина, и она слишком сильна. Если мы хотим распустить рой и уничтожить Голема, то нам надо избавиться от пчелы-матки. Но как это сделать?

Нет, не отвечай ничего, Блэз. Вопрос был чисто риторическим. Я знаю ответ, но меня от него мутит. Я не вижу другого выхода — для нас и для всей Гили. Я сейчас же иду в ООП и заключаю контракт на убийство Уинифрид Эшли с Отцом-Оопом. Никто из нас не стремится к разрушению,

но я не вижу другого пути. Что ты думаешь, Блэз? Ты меня поддержишь? Богу одному известно, что сделает Индъдни, когда узнает — этот пролаза узнает со временем все, — но ты-то меня поддержишь? Что скажешь, Блэз?

— ьтунхарт ябет учох отч юамуд Я

— Что?

— ьтунхарт ябет учох отч юамуд Я

— Блэз!

— ьтунхарт ябет учох отч юамуд Я

— Боже! Что это за бред!

— ьтунхарт ябет учох отч юамуд Я

— Ты с ума сошел!

Гретхен вырвалась из цепких рук Шимы, взглянула на него остановившимся взглядом и бросилась вон из Пассажа. Она на полном ходу обогнула один угол, потом другой и лицом к лицу столкнулась с Салемом Жгуном, стройным, холеным, элегантным. Психомант с улыбкой принял ее в свои жадные и цепкие объятья.

— ьтахарт ябет удуб я сачйеС

— Что!

— ьтахарт ябет удуб я сачйеС

— Вы рехнулись?

— ьтахарт ябет удуб я сачйеС

— Вы сошли с ума, Жгун. Вся Гиль сошла с ума

и бредит.

— ьтахарт ябет удуб я сачйеС

Гретхен ринулась прочь, дрожа и задыхаясь, и на полном ходу столкнулась с доктором Ф. Г. Лейцем. Директор ДОДО поддержал ее, когда она чуть не упала, и, обхватив руками, прижал к массивной груди.

— ьтахарт йерокС

— Господи, Лейц! Только не ты!

— ьтахарт ЙерокС

— Сначала Блэз. Потом Жгун. А теперь еще ты? Нет! Нет!

— ьтахарт ЙерокС

— Это кошмар. Ничего другого. Что они говорят? Я, наверное, где-то уснула. Почему я не просыпаюсь?

Она с трудом отбилась от Лейца и ввалилась в какой-то подъезд, где ее немедленно схватил в охапку некто, размахивающий своим гигантским «После».

— ьтахарт ьтахарт ьтахарт…

— Боже милосердный, Боже мой… Задыхаясь, она вывалилась из подъезда и побежала куда глаза глядят, размахивая руками, рыдая…

Когда металлические руки сомкнулись вокруг нее, Гретхен потеряла сознание.

* * *

— Нет, вы не сошли с ума, мисс Нунн, — заверил Индъдни. — И испытали не галлюцинацию, а кошмар квазиреальности, реальность полиморфного Голема: доктор Шима, Салем Жгун, доктор Лейц, многоуважаемый ДОДО, оживший плакат «До» и «После», Статуя Свободы…

— А что за ересь они все бормотали?

— Попытка установить речевой контакт. Чудище не блещет умом и не понимает нашего мира. Оно всего лишь — первозданная страсть и то, что способно извлечь из вашей памяти. Странно, что Сторукий не является к вам как компьютер или какое-нибудь транспортное средство. Вероятно, даже не соображает, что такое машина.

— И вы спасли меня, субадар?

— Проходившие мимо сотрудники.

— Проходившие мимо — вот просто совершенно случайно?

— Не совсем, мисс Нунн. Я установил за вами слежку. Дело в том, что ваши исследования позволили вам идентифицировать Голема, но и он осознал ваше присутствие и исходящую от вас угрозу. Голем стремится выжить, вот он и атакует эту угрозу — не госпожу Уинфрид Эшли, а вас.

— Вы следили только за мной или за Блэзом тоже?

— За ним особенно. Простите, но где у вас сила, у доктора Шимы, несмотря на его блестящий талант, лишь слабость.

— Ладно, главное — он под вашей защитой.

Индъдни вздохнул.

— Увы, мои люди его потеряли.

— Потеряли? Как это? Где?

— Нет нужды, госпожа Нунн, указывать вам тонкости нашей общей профессии. Вы же знаете, что когда следишь за кем-то, то мастерство состоит наполовину в том, чтобы распознать привычные шаблоны поведения объекта и подготовиться к неожиданностям.

— Да, знаю. Ну и что?

— Обычные шаблоны поведения доктора Шимы

внезапно нарушились, и Для моих сотрудников это явилось полной неожиданностью.

— Как нарушилось поведение Блэза?

— Мне очень жаль сообщать это, но похоже, что у него снова фуга.

— Господин Хоч?

Индъдни кивнул.

— Из-за Голема?

Индъдни беспомощно развел руками.

— Кого преследует доктор Хоч?

Индъдни снова кивнул.

— Боже мой! Боже мой! Все разваливается. Проклятые бабы… Все сыпется…

— Не следует отчаиваться, мадам.

— Вы правы. Нужно действовать. — Гретхен решительно вдохнула, расправляя плечи. — Да. Действовать жестко и быстро.

— Мы удвоили оперативный состав.

— Спасибо, субадар, но я говорю о себе.

— Да? И что же вы задумали?

— Запись ведется?

— Немедленно можно прекратить, если таково будет ваше желание.

— Нет, я собираюсь сделать мерзкую жестокость и хочу, чтобы все было зафиксировано.

— Вы окажете нам честь, госпожа Нунн.

Гретхен решительно сжала губы.

— Я отправляюсь в пирамиду ООП на встречу с Отцом-Оопом. Я хочу обсудить контракт на Уинифрид Эшли, Царицу Пчел, матку, вокруг которой сплотился рой, создав приют Голему. Я стану соучастницей убийства.

— Скорее, подстрекательницей.

— Тогда и то, и другое сразу, и я все приму, что мне причитается — по чести. Единственный способ разделаться с этим дьявольским порождением — уничтожить пчелу-матку и ее улей.

Индъдни вздохнул снова.

— Вы, разумеется, понимаете, что я не могу позволить?

— Понимаю. Но вы не можете и остановить. К тому времени, как вы и Законники затолкают меня в кутузку, контракт будет подписан, а остановить боевиков ООП не сможет никто. Господи Иисусе, субадар! — Гретхен сорвалась в крик. — Волк в овчарне. Ваши слова. Волк! Волк!

Она опрометью бросилась прочь из кабинета, прежде, чем он нашелся с ответом.

* * *

— Меня зовут Хоч, милая дама. Можете называть меня господин Хоч.

Реджина разглядывала господина Хоча.

— Вы, похоже, совершенно безвредный молодой человек, к тому же — весьма привлекательный. Могу ли я узнать, что за идиотизм побудил вас преследовать меня?

— Но я вовсе не преследую вас, милая дама. Моя цель — нечто совершенно другое, необыкновенное, а наши пути просто пересеклись.

— Что же вы преследуете?

— Ах! — Под стеклянной оцепенелостью черт господина Хоча просматривалось возбуждение. — Вы, похоже, совершенно безвредная дама, к тому же — весьма привлекательная, поэтому я вам признаюсь. Меня притягивает что-то совершенно новое. Я играю с собой в занятную игру, что-то вроде охоты с бумажками или поисков сокровища — и вдруг я обнаружил, что кто-то проложил совершенно особый след. Эти следы чаруют меня. Они манят меня. Завораживают.

— И что же это за таинственный волшебный след?

— Двойная смерть: доставленная и принятая.

— Боже сохрани, господин Хоч!

— Но это же всего лишь поэзия, милая дама!

— Вы поэт, правда?

— Поэт уничтожения. Певец упорядочения.

— Странно, господин Хоч. Явное противоречие — никогда не слышала о мало-мальски путном поэте, которого бы устраивал установившийся порядок.

— Вы не так меня поняли, милая дама. Я воспеваю танатоманию.

— А это еще что такое, скажите на милость?

— Это глубинное, исконно присущее человеку стремление упорядочить Вселенную — привести ее в ненарушенное состояние, какое было до появления жизни.

— Что значит «ненарушенное»? Вы против жизни?

— Я враг беспорядка, всего, что замутняет чистоту логики самой природы, и где бы жизнь ни пыталась покончить со своим вторжением в совершенный порядок, уничтожая себя, меня притягивает желание помочь. Вот моя охота за сокровищем.

— Вы, похоже, необычный поэт, господин Хоч, с удовольствием услышала бы ваши стихи. Вы почитаете их для меня? Вот моя карточка. Я принимаю по четвергам, после обеда. У меня будут гости и, разумеется, легкое угощение. А теперь мне нужно идти. У меня назначена встреча.

— У меня тоже и, кажется, нам по пути. Так

идем?

Они двинулись вместе вдоль гнусных улочек и тупиков Гили, не обращая внимания на то, что приходилось обходить кучи мусора, отбросов, чего-то гниющего, что еще недавно было живым — собственно, никто сейчас не обращал на такое внимания. Двадцать первый век близился к концу, и все понимали, что за прогресс приходится расплачиваться. Реджина мило щебетала о поэзии и декоративном искусстве, но казалась при этом едва ли не такой же возбужденной, как господин Хоч.

— Вы открылись мне, сударь, — наконец не выдержала она, — и я отвечу вам такой же откровенностью. Я тоже приближаюсь к собственной цели в охоте за сокровищем. В первый день Опс я давала вечер, на котором была моя подруга с мужем. Он собирает всякие диковины и рассказал мне поразительную вещь. У него есть одно сокровище, страстно мною желаемое, — подлинный валик для пианолы с записью «Интернационала» Потье и Дегейтера. Он великодушно предложил мне это в подарок, и я не смогла отказаться. Этот господин живет вот тут. Мы снова прощаемся, сударь.

Реджина свернула в роскошный Оазис, сопро-

вождаемая по пятам господином Хочем. Она пристально посмотрела на него. Он улыбнулся.

— Мой след тоже ведет сюда, милая дама. Еще одно удивительное совпадение.

Она нервничала, проходя мимо охранников, но не слишком. Все же она была выбита из колеи достаточно сильно, чтобы не заметить, что господина Хоча пропустили, как пришедшего с ней. Они вместе вошли в скоростной лифт и вознеслись к небесам.

— Мне тридцать первый, — сказала Реджина.

— Мне тоже, но не пугайтесь, прошу вас. На площадку выходят четыре квартиры. Опять стечение обстоятельств, и я сотворю поэму к вашему следующему четвергу и посвящу ее связи совпадений и Танатоса.

Однако же, когда Нудник Лафферти открыл дверь Реджине, он воззрился на ее спутника и воскликнул:

— Как, доктор? Вы тоже ко мне?

Господин Хоч улыбнулся в пегое лицо.

— Меня зовут Хоч, сударь. Вы можете называть меня господином Хочем. Я пришел помочь вам.

И он проскользнул мимо них в квартиру. Лафферти поднял было руку, чтобы преградить ему путь, но неожиданно улыбка его стала проказ-

ливой, и он впустил Хоча. Тот уставился остекленевшим взором на подсвеченные витрины с предметами увлечения Лафферти: солнечные часы, слуховые трубки, трости, спички с порнухой на этикетках, причудливые презервативы, посмертные маски Лукреции Борджия, Элинор Гвин, Екатерины II, Полины Боргезе, Эммы Гамильтон, Лолы Монтес, Елизаветы I и Елизаветы III.

— Только не надо таких неприятных сцен, как прошлый раз, доктор. Сядьте и ведите себя хорошо. Возможно, что со зрителями будет в чем-то интереснее.

— Меня зовут Хоч, сударь. Вы можете называть меня господином Хочем, — произнес Шима, послушно усаживаясь. Неподвижный взгляд его был устремлен в вечность.

— Входите же, госпожа Эшли, — сказал Нудник. — Располагайтесь. Я и не знал, что вы знакомы с доктором Шимой, но я вообще мало что о вас всех знаю.

— Но он сказал, что его зовут Хоч. — В голосе Реджины послышалось недоумение. — Он поэт по имени Хоч.

— Да-да, я уже имел дело с фантазиями доктора Шимы. Это не самое привлекательное из его ка-

честв. Но дайте же мне похвастаться перед вами моими коллекциями прежде, чем я вручу вам ваш «Интернационал».

Господин Хоч неприметным движением достал из кармана удавку и разложил ее на полу рядом со своим стулом.

— Я обожаю вот эти посмертные маски моих божественных дамочек легкого поведения. Вы, разумеется, возразите, что с Элинор Гвин, скажем, или с Полины

Боргезе, с Екатерины Великой никогда не снимали масок, и будете безусловно правы. Однако находчивость собирателя всегда поможет ему возобладать над грубыми фактами. Я собрал все существующие портреты этих сластолюбиц и нанял специалиста по пластическим операциям, чтобы он сформовал двойников из трупов в морге. С их-то лиц и были сняты маски. Могу добавить, что если бы я только был знаком с вами раньше, то не возникло бы никакой необходимости воссоздавать Эмму Гамильтон — вы кажетесь воплощением этой великолепной дамы полусвета.

Лазерный резак и 8-миллиметровый пистолетик присоединились к удавке.

— Эти эротические спички — предмет моей

особой гордости. Годы ушли на то, чтобы собрать такую коллекцию, потому что в собрание годятся только спич ки в девственном состоянии: ни одна спичка не использована, ни одной царапины на поверхности трения. Эти коробки родом из Индии — на каждой одна из мистических любовных поз Кама-Сутры. Вдохновляет, не так ли, госпожа Эшли?

Распылитель с надписью (CN)2 на ярлычке занял свое место на полу.

— Я показывал эту коллекцию гостю, и, прежде чем я смог вмешаться, он уже оторвал одну спичку и зажег ее. Когда он увидел ужас на моем лице, то спросил: «А что случилось?», а я ответил: «Нет, что вы, ровно ничего», — и упал в обморок. К счастью, мне удалось заменить этот коробок на новый, девственный. А вы девственны, госпожа Эшли? Думаю, что так. Девственницы обладают особой дивной притягательностью, точно как и вы.

Скальпель, сверкнув, лег на пол.

— А вот это — моя коллекция собачьих ошейников. Некоторые очень интересны как приметы времени. Посмотрите, этот германский ошейник с шипами — для догов — напоминает шипас-

тый шар на цепи, der Morgenslern[81], которым пользовались конные рыцари, чтобы крушить головы пехотинцев. Вот подлинный сенбернарский ошейник с маленьким бочонком коньяку. Я так и не решился попробовать коньяк. Сбруя двадцатого века для собаки-поводыря. Покрытые драгоценными камнями ошейники из Франции — для той-терьеров. Вот эта занятная штуковина — эскимосская сбруя для ездовых лаек. А вот какая красота! Серебряный строгий ошейник.

— Строгий ошейник? — переспросила Реджина.

— Ну да. Его использовали в те дни, когда еще не была изобретена вшитая ампула радиоуправления. Ошейник держал в повиновении пса на поводке. Давайте, я вам покажу. Вот так, наденьте его на шею… Изумительное может выйти ожерелье… меня так и подмывает подарить его вам… Ага, вот так. Смотрите, сюда пристегивали поводок, и ошейник совершенно не мешает собаке, если она послушно идет рядом с хозяином. А что, если собака решит поисследовать окрестности, побегать в сторонке, просто удрать? Тогда стоит потянуть за поводок — и полузадушенная собака

---

[81] Примечания: 81
Утренняя звезда *(нем.)*.

делается кроткой и послушной… Вот так!

Огромная лапа Лафферти так скрутила цепочку, что та исчезла в складке кожи на шее Реджины. Ее глаза выкатились из орбит, и она начала биться. Нудник, не выпуская из руки убийственный серебряный ошейник, опрокинул ее на диван, распростершись сверху.

— Kommt Hure! Herunter! Sitz! Liege! Bleib![82]

Он прильнул губами к ее мучительно искривившемуся рту.

— Да-да, по-французски — с любовницей, по-итальянски — с женой, по-английски — с лошадью, а с собакой говорят по-немецки. Sterb Hund![83] Вот так. Sterb Hure![84] Едва я повстречал тебя, как понял, что ты умрешь со страстью и одаришь меня страстью. Да. Я знал… А-ах!

Когда Реджину начали сотрясать спазмы агонии, Нудник вошел в нее, выжидательно глядя на господина Хоча. Последние содрогания исторгли у него вопль оргазма, и он обессиленно рухнул.

Прошло довольно много времени, прежде чем

---

[82] Примечания: 82
Сюда, сука! К ноге! Сидеть! Лежать! Место! *(нем.).*

[83] Примечания: 83
Песик, умри! *(нем.).*

[84] Примечания: 84
Сучка, умри! *(нем.).*

он смог подняться с трупа и размотать глубоко врезавшуюся цепь. Он жалобно глянул на свою публику.

— Никакого отклика, господин Хоч? Никакого впечатления? Шок? Ужас? Отвращение? Страх? Ничего? Нет, ничего. Плохо. Я надеялся на вас, господин Хоч, надеялся, что вы привнесете особую изюминку… А вышло не лучше, чем некрокурочки в морге.

— Меня зовут Шима, — отозвался господин Хоч. — Блэз Шима.

Он нагнулся, поднял лазер и проделал дыру в голове Нудника Лафферти.

Глава 19

Субадар Индъдни, казалось, увлеченно разглядывал причудливые экспонаты, собранные Нудником Лафферти, пока Трупная команда выносила укутанные тела, команда Молекулярщиков увеличила всевозможные отпечатки и удалилась, телевизионщики удалились, представители прессы удалились, а затем удалились и Polizei и сотрудники отдела по расследованию убийств, унося с собой удавку, лазер, пистолетик, скальпель и грушу с (CN)2 — навеки заточив все это в пластик. Когда они наконец-то остались вдвоем, Индъдни отвернулся от витрин и обратился к потрясенному Шиме.

— Нужно выполнить все телодвижения. для Законников, — сказал Индъдни. — Законники одержимы жаждой доказательств вещественных, чтобы можно их было складывать, вычитать и калькулировать на компьютерах. В душе они все счетоводы. Я твердо верю, что все они — не прошедшие по конкурсу кандидаты в работники Налогового Управления.

— Я убил его, — еле выговорил Шима.

— До суда никогда не дойдет, — спокойно продолжал Индъдни, — если я не начну вдруг настаивать на срочном принятии мер. У них хвосты по слушаниям дел за последние семьдесят лет. Судей назначают, они служат свой срок, уходят на пенсию, умирают, но никогда им не попадает дело, которое во время их работы было бы начато. Я сам видел в суде внуков обвинителей и обвиняемых, преступников и жертв, представавших перед внуками судей. Вам нужно взять себя в руки, доктор Шима. Сила — вот что от вас требуется. Устремитесь к призывающему вас пику, и я уверен, что вместе с госпожой Нунн вы одолеете его. Я завидую вам.

— Я убил его.

— Ну да. А позвольте осведомиться, кто его убивал — доктор Блэз Шима или господин Хоч?

— Я не признаю себя невменяемым.

— Очень достойно, но прошу ответить мне. В каком качестве, прошу вас, доктора Шимы или же господина Хоча, вы выжгли мозги нашему прославленному некрофилу? Вы помните?

— За обоих.

— Прекрасно! Отличная новость! Значит, ваши ячества наконец познакомились. Они знают друг о друге и примирились друг с другом — без

сомнения, результат чудовищного надругательства, совершенного над Уинифрид Эшли. Для вас, доктор, это зверство — чистая удача, потому что это зрелище спаяло ваши половинки. Весьма сомнительно, что с вами когда-нибудь еще случится фуга.

— Я хладнокровно сжег его, — настойчиво бубнил Шима.

— А теперь жаждете роскоши покаяния? Вас вырастили в местечке Джонстаун, верно, в среде католиков-французов? Увы! Сейчас — просвещенное двадцать первое столетие от Рождества Христова, доктор. Если Джонстаун не в состоянии мыслить в ногу со временем, то Христос, появись он в Гили, точно бы смог — дух этого мудреца всегда поспевал за всеми веяниями.

— Я хладнокровно убил.

— И перестаньте терзаться виной за господина Хоча — он сыграл основную роль в устранении Царицы Пчел и ее улья, где свили гнездо Голему. Прекратите ваши настойчивые выступления на тему le apuvre petit, прошу же.

Шима издал хриплый стон.

Индъдни заговорил — размеренно и отчетливо:

— Доктор, это убийство — самозащита.

Шима воззрился на него. Индъдни утвердительно кивнул.

— Такова моя версия — для Законников. Вы увидели, как Лафферти задушил Уинифрид Эшли металлическим ошейником. Он надругался над ней с цепочкой в руках. Вы побоялись, что сами сделаетесь следующей жертвой этого безумца, и с основанием — вы были единственным свидетелем. Поэтому, защищая себя, вам пришлось его убить. Отдел по расследованию обнаружил труп с цепью в руке. Quod erat demonstrandum.

Шима ошеломленно потряс головой.

— Но вы… Вы всегда такой… такое… такое чистейшее, неразводненное воплощение полицейского.

Индъдни вздохнул.

— Увы, люди Запада никогда не могли постичь нашей системы ценностей, потому-то все ваши дела в Индии кончались провалом. — Тон субадара сделался по-деловому озабоченным. — Ну же, доктор. Подумаем о госпоже Нунн. Последняя сводка сообщила, что она направилась в пирамиду ООП, чтобы заключить контракт на госпожу Эшли. Я наводнил все СМИ известиями о кончине последней, чтобы предотвратить какую-либо сделку мадам и Отца-Оопа, но мне сказали, что в

пирамиду не поступают последние новости. Нам придется идти самим.

— Сказали? Кто?

Индъдни сокрушенно прищелкнул языком.

— Неужели эта поразительная женщина не поведала вам, что как-то помогла девушке из ООП удрать с неверной собакой — христианином?

— Нет. А она это сделала?

— Именно так, и с огромным риском для себя. Девушка все еще благодарна ей.

— Эта девица из ООП и есть ваш информатор?

— Не она, а ее муж. Этот неверный — чемпион по шахматам Участка, я о нем рассказывал. Нужно торопиться, доктор Шима. Я не могу послать никого из сотрудников — им просто не войти. Мы, надеюсь, сможем — представившись. Отец-Оопа — очень опасная женщина, и госпожа Нунн может влипнуть в настоящую беду, если обнаружится, что она пыталась заказать убийство мертвеца.

— Постойте, субадар. Разве смерть Царицы Пчел не означает конец Голема? Разве это не решает все наши проблемы? Так считала Гретхен.

Индъдни совсем отчаялся.

— Прошу вас, не приставайте ко мне, доктор. Вы только что страшной ценой смогли собрать

себя по кусочкам. А теперь хотите, чтобы я вам сложил все остальные куски этой жуткой головоломки? Немедленно? А какой ценой? Пойдемте же, прошу!

* * *

Когда рой лишается своей матки, подданные теряют всякое представление о порядке. Они становятся рассеянными, раздражительными, агрессивными и в отчаянии сбиваются кучками. К этой кучке, привлеченные злобным жужжаньем, могут присоединиться одиночки. «Самозванки», не исключено, попытаются сделаться матками в новых роях, но к ним относятся со смесью показного почтения и резкой враждебности. Только настоящая матка способна добиться подлинного почитания и как царица собрать разбросанные кучки пчел в новый рой. Чтобы явление подлинной монархини произошло, нужно собрать царский стол и царский кров и подманить ее выйти на оплодотворение своим народцем.

Сдох сдох проклятый пятнистый ублюдок так и не изменил завещания а грозился что сделает а я жгу это паскудство где она принимает себе в зад а он стоит на одном колене и что ты там Ента жжешь ой прелесть как он на голове стоит и тра-

хает ее между титек поехали все в Индию да пейте же до дна берите вместо бокалов слуховые рожки только ушной конец нужно заткнуть пальцем и наливай и пей до дна он сдох черно-белый выродок Бога ради Мери сколько же времени нужно чтобы развести костер из тросточек плевать на золотые набалдашники пусть горят и плавятся поотбивай им всем носы Сара только маску Нелл Гвин мне оставь я с ней хочу разобраться отдельно Пи-рожа чего ты тут делаешь да мы знаем знаем уже что Реджину убили вся Гиль знает мы знаем знаем ты не знаешь что делать так выпей девушка хватай любое козырек для глаз слуховую трубку табакерку и наполняй и выпивай Гули наконец-то заполучила палку промеж ног нет детка это не лошадка-поскакушка и если бы ты настоящую палку могла бы так оседлать то Индии было бы чему поучиться ого поглядите-ка что они тут вытворяют как у них это ой! обожглась как дела с костром Мери привет Уг и От пошли в спальню вытащим вместе этот проклятущий гроб куда он меня заставлял ложиться сукин-он-сын сожжем его Иисусе какой тяжеленный ты мертвая говорит черно-белый урод ты умерла ты не дышишь у тебя сердце не бьется ты бледная как смерть и все сует мне в мертвое лицо свой поганенький

Мери ты гений так его раздула помоги ей Пи мы надуем все призы и устроим подъем на воздушном шаре эй Мери это же моя любимая коллекция рекламных карточек их даром дают когда рекламная кампания мое самая-самая от «Грабатива» это полоскание для рта и если полоскать то гарантия что дыхнешь в лицо грабителю и оно загорится не знаю как у них получается чудо современной химии наверное пейте пейте все от бормотухи ничего не загорится только если у вас пиписьки нет Присс на этом коврике ничего непристойного и гадкого нет совершенно невинный орнамент тут такая дырища в центре была пришлось Бим и мне заткать ее по новой а шерсть я выменяла на кружку-погремушку с трещиной но шерсть тоже полиняла вот так на так и вышло выпивайте же выпивайте я хочу водки с омаром а пустые скорлупки бесплатно только моя Бимбо не пьет говорит что не кошер Бим покажи двухголовому уроду эту афишу к фильму «Дрек-ула» мы его выменяли на увеличительное зеркальце у Сары Душерыжки Бимми ей Бимбо-детка «Roboynov shel oylom»[86] она наклюкалась глаза залила мы

[86] Примечания: 86
«Наш ребе набрался» *(идиш)* — известная песенка.

все разваливаемся бряк перебряк Gottenu[87] Бим да у тебя клей взрывается смотри как римские ракеты не смешивается с подобными себе ох прочь вон пошли пошли все и вжжик вжжик жжж все уберемся ты тоже Бим пошли с мальчиками нет не снимай комбинезон и фартук тоже будешь ряженой как мы все в улье и пусть этот молоточек свисает с твоей сладкой чудненькой дивной жжжжжжжжжжжжжжжжжжжопки

Нет дамы это не страстная пятница для всех а домашний прием мы отмечаем не знаю что за вибрация такая может по моей госпоже-даме ведь которая так была убита просто ужас таким вот мужчиной целым который был мужчиной мужем у моей нрвой госпожи-дамы ну такой уж широкой ох я и не знаю можете ли вы с нами повибрировать тут все надо спросить кого хоть и не знаю кто главный кого она извиняюсь которая тут лицо спросите уж мою нынешнюю госпожу-хозяйку кого носит которая тут танец животааааааааааа

Эй скорей веселей конечно чем больше тем веселее вы кто сосунки Эмили Пост Мортем ага и Джоан как что Шинкапуста Иисус Христос на

---

[87] Примечания: 87
Боже мой! *(идиш).*

плоту что за имечко Шинкапуста с майо или без заложи-ка прими за воротник Эмили-Джоан и снимите-ка эти меднолифные лифоны нас тут многовато для всяких там кто силком захочет долой долой пусть титьки вибрируют куда хотят на свободе мы к двухголовенькому чуду нашему в их норки слышали все что две норки точно у него две норки и маленькие норочки их тоже две по одной на каждую пару ног по одной на каждую пару титек я хотела бы свою заднюю поменять на их переднюю если вы просечете и пусть мой трахальщик бы имел два на мои две ну и житуха была бы чисто праздник туда и сюда от одного трахальщика ну и дела бы так что яйца бы лопались от вибрации вибрации вибрациии-ииииииииииииииии

Нет мы не случайно покупаем все в двойном

Нет мы не случайно покупаем все в двойном

числе и наши квартирки тоже сдвоены вдвойне и я не числе и наши квартирки тоже сдвоены вдвойне и я не

возражаю вам открыть чья квартирка нале возражаю вам открыть чья квартирка нале

во и не помню сама кто направо живет и кто едет куда во и не помню сама кто направо живет и кто едет куда

столько раз мы уже сталкивались на этаже столько раз мы уже сталкивались на этаже

но охрана все знает мы в тетрадке у них но охрана все знает мы в тетрадке у них

Жермен Штурм подцепили двух мужей все вдвой Лоррейн Дранг подцепили двух мужей все вдвой

не два костюма из фланели двое нежных парней не два костюма из фланели двое нежных парней

почему им неясно кто же в койке из нас если трах почему им неясно кто же в койке из нас если трах

всем на страх и ЧК не права говоря что должны всем на страх и ЧК не права говоря что должны

различать нас они и что знают про все но мой Ларри молчит различать нас они и что знают про все но мой Барри молчит

ну а мы не стебемся лишь забив косячок ну а мы не стебемся лишь забив косячок

тут все честно — забил раз поджег задымил и в улет тут все честно — забил раз поджег задымил и в улет

но вот в этом мы врозь ведь Лоррейн по одной но вот в этом мы врозь ведь Жермен за двоих

садит только мне это не в кайф и мой способ

полегче садит только мне это не в кайф и мой способ покруче

поверьте-проверьте давайте все вместе дамы-пчелки мы вжжж-ик

поверьте-проверьте давайте все вместе дамы-пчелки мы вжжж-ик

улетим вместе с нами хотите а нет так валите мы всегда улетим вместе с нами хотите а нет так валите мы всегда

будем так отдыхать забивать поджигать улетать на раз-два

будем так отдыхать забивать поджигать улетать на раз-два

вот зажгли вот отсчет вот пошел на орбиту прямо в кос вот зажгли вот отсчет вот пошел на орбиту прямо в кос

мое отличный улет вжжи вжжи вжжжи-иии-ииииииииииик мое отличный улет вжжи вжжи вжжжи-ииииииииииииик

А вот с ними мы вместе живем четверо моих школьных подружек Тикси и Никси и Пикси очень странно Тикси раз Никси два Пикси три как у меня вышло четыре а вот что я сама четвертая себя и забыла Мери и Тикси и Никси и Пикси четверо и у нас трое мужей по одной на брата только у одной трое кажется что у меня но я не уверена я

сбиваюсь со счета а они все такие симпатичные а теперь еще выпьем и побалдеем выпивка ясное дело в темной комнатке у Тикси и в этом есть смысл потому что Т для темной комнаты и Т для Тикси Нелл а Тикси у нас занимается выпивкой а у Никси в спальне вся дурь и в этом Нелл тоже много смысла потому что Никси это проказливый водяной только женского пола а мы всегда дурь разводим водой прежде чем зашарить и на этот диван никому бы не стоит садиться под ним как раз сейчас отдыхают наши игольчатые колючие кактусы а им нужна темнота чтобы мескалину побольше накопить ой Ента ну пожалуйста ну не лазай в тот шкаф ну не открывай дверцу вот видишь что ты наделала я туда положила все что не успела разобрать на время а теперь ты всю гостиную превратила в шкаф вот все на полу как лавина съехала и нам тут теперь и места нет и все путается под ногами ой Пикси смотри вон засыпалка а мы ее искали и поклясться могу что мне помнилось она лежит в ящике с кассетами, где ирландская музыка и не смейся Нелл конечно же для развития интеллекта так что выпивайте и затягивайтесь и все выходим отсюда пока тут все не растоптали а на следующую встречу готовьтесь все здесь приводить в порядок пошли пошли

все и вы тоже Тикси и Никси и Пикси забирайте все что пьется и что вдувается и пошли вперед и выше к Гули нет она не живет высоко наверху в пентхаузе и как тебе Нелл не стыдно ее на самом деле зовут Вильда Вейс В как высота и для меня в этом есть смыыыыыыыыыыыыыыыыыыыысл

Мамочка ударилась в викторианский стиль вот откуда пальмовые ветви над картинами и кисточки и бомбошки и юбочки на ножках рояля нет не четвертая Виктория которая была распутной и вовсе не леди а Виктория первая которая была замужем за принцем Альбертом безупречным джентльменом в любых обстоятельствах а мамочка сказала что Виктория не была безупречной леди потому что она не умела себя вести за столом мамочка сказала что сейчас не так уж много настоящих леди осталось и джентльменов обыщещься пока найдешь не хотелось бы проявить нелюбезность и я была бы счастлива вас у себя принимать но боюсь что мамочке не понравится когда она придет домой увидеть чем вы занимаетесь такие на семь букв вибрации друг с дружкой это очень грубо хотя мы все и одинакового пе оо эль аа и когда вы опять сюда придете на следующей неделе то мамочка будет здесь и присматривать чтобы мы

себя хорошо вели поэтому лучше вам сейчас всем уйти и навестить ЧК которая настоящая леди и она безупречная царица в каждом смысле слова чем Виктория уж никак не была и я уверена что мамочке ЧК полюбилась бы куда больше чем Виктория и она постаралась бы ей подобрать такого же идеального принца Альберта ведь так ужасно жить одной и пропадать зря пожалуйста ну пожалуйста мамочка вот вот вернется пойдемте скорей к ЧК ну пожалуйста скорей ну прошу вас ну прошу прошуууууууууууууууууу

Эй вы там горлодеры ну и певцы из оперного подвала гала концерт из подворотни отличные вы ребята пошли промочим горло хотите пыхнуть Нелл мне представляется простым долгом вежливости выразить свое одобрение Ясненько Гули урони монетку в их противозачаточное средство Эй двойняшки как вам катит эта сисястая которая тискает свой клара-о-нет между грудей лучше уж покатайся на нем как на лошадке Мери как насчет той толстомясой с рожком Бимми получше будет с молоточком на вислой заднице да уж точно может быть Нелли-в-теле а пусть попробует подымить с другого конца запустите себе пушку в черепушку сопляки подымите пожужжите постой ребята не махнете

ваш тромбон на концертино ведь только одной кнопки нет ПОНЯЛА Я ПОНЯЛА ВСЕ ПОНЯЛА им надо нарядиться КЛОУНАМИ где Нора НОРА ПТИ-иЧ-ка ты захватила мою кошматику кос-МЕШку Дикси разве мы не ш-шпрятали клоунский ик к-иколпак в твоей холадовочке в той халадевочке у Джоанни Капусточки нет она с нами не живет и мы не тошинкуем из шаппусты да как же так эй сбацайте нам духоподъемный похоронный марш по моему ч/б ублюдку Wacht auf, verdammte dieser Erde[88] не говорят вроде эти швабры по нашей Англии а мамочка всегда говорит что музыка язык июневерсальный эй губошлепки как тебя гофорить свенско-норски шпекачишь анхулиски ты тули-фон саксоооооооооооонда они только и знают что ля-минор так что блямкайте и тренькайте и ва-аще ай вооп-бще айда с нами вась волось врозь вкось ВВЫСЬ вот вам получ илось Бошешмой ну я и набралась все мы наширялисьвзззззз бум вдум вдуууууууууууууупль

* * *

Индъдни и Шиме наконец удалось отыскать Гретхен. Ее профиль мелькнул перед ними из

---

[88] Примечания: 88
Вставай, проклятьем заклейменный *(нем.)*.

окна шикарной черной кареты — она сидела в глубине, рядом с легендарной Отцом-Оопом, совершавшей свой нечастый парадный выезд. В карету были запряжены, понятное дело, верблюды, а охраняли ее грозные боевики ООП. Шейх Омар бен Омар восседал на открытых козлах, наблюдая за порядком. Время от времени он швырял возбужденной толпе бронзовые пиастры. Иногда сквозь охранение пропускали какого-нибудь золотушного, чтобы Отец-Ооп могла возложить на него скрюченную лапку. В этот психосоматический век ее прикосновение время от времени излечивало Королевскую Хворь[89]. Шиме пришлось использовать все известные ему приемы карате, чтобы прорваться через толпу к самому охранению.

— Гретхен! — завопил он. — Ты меня слышишь, Гретхен?! Это я, Блэз. Нам нужно быть на похоронах.

— Что? Что такое? — Гретхен перегнулась через Отца-Оопа и вгляделась. — Это ты, Блэз?

— Да. Слышишь меня? Нам нужно быть на похоронах Уинифрид Эшли.

— Что? На чьих?

---

[89] Примечания: 89

Так называли различные кожные болезни, по преданию, излечивавшиеся, если на страждущего возлагал руки король.

— Уинифрид Эшли. Она мертва. Ее убили. Никаких сделок с ООП. Царица Пчел умерла.

Дверца кареты распахнулась, и Гретхен пулей вылетела наружу, сопровождаемая, удивительным образом, Салемом Жгуном, психомантом. Шима схватил ее за руку и подтащил к Индъдни, поджидавшему на краю толпы. Жгун спешил следом.

— Очень рад встрече, мадам, — сказал Индъдни. — Позволено будет осведомиться, успели ли мы вовремя? Заключили ли вы контракт с ООП?

— Да, — выдохнула Гретхен.

— Крайне удивительно. Почему, в таком случае, Отец-Ооп позволила вам удалиться?

Пытаясь перевести дыхание, Гретхен могла только молча ткнуть пальцем в Жгуна.

— Добрый вечер, господин Жгун, — вежливо поклонился Индъдни. — Могу я понять, что вы имеете некоторое влияние на Отца-Оопа?

— Добрый вечер, субадар. — Жгун ни на йоту не утратил обычного светского лоска, несмотря на то, что проход сквозь толпу дался ему нелегко. — Полагаю, что все сохранится в секрете?

— Безусловно, так.

— Отец-Ооп — моя пациентка.

Шима остолбенел.

— Вы, должно быть, нас разыгрываете!

— Что вас так удивляет, доктор? — Жгун допустил легкую смешинку в своем невозмутимом взгляде. — Я же говорил, что большинство обращающихся ко мне — женщины.

— Но…

— И Отец-Ооп прислушивается к моим советам. Я порекомендовал — никогда не приказывайте пациенту, доктор!. — что лучше было бы отпустить госпожу Нунн.

Гретхен наконец обрела способность говорить.

— Что все это значит? Реджина умерла? Ее убили?

— Увы, мадам, это правда. Господин Лафферти при неблаговидных обстоятельствах. Лафферти впоследствии пал от руки доктора Шимы… при самообороне.

— Как! Реджина и Нудник? — Гретхен затрясла головой. — Что за бред. Непостижимо! Что случилось? Как? Когда? Мне… я хочу, чтобы вы мне все рассказали.

— Безусловно, мадам Нунн, но не в этой давке. Где вам будет удобнее нас выслушать? У меня в кабинете? В пентхаузе доктора Шимы? В моей квартире?

— Нет, у меня. Пошли.

— Тогда я прошу позволения удалиться, — сказал Жгун. — Общий поклон.

— Нет, — возразила Гретхен. — Это было бы нечестно после всего, что вы для нас сделали. Вы были в этой истории с самого начала, должны увидеть и конец.

Сесть на что-нибудь в эти часы пик вечером было невозможно, поэтому им пришлось пройти пешком к Оазису Гретхен в «Старом Городе» Гили, раньше — презренная Нижняя Восточная Сторона Старого Нью-Йорка, теперь — шикарное фешенебельное место, великолепно отреставрированное вплоть до кулинарных лавочек и тележек рассыльных. Оазис Гретхен получился из гигантских гранитных опор Бруклинского моста, в которых прорыли, продолбили и проложили помещения и коридоры.

Когда все четверо вышли из лифта, на них обрушились валы жуткого шума и грохота, доносившихся из квартиры: какофония перекрывающих друг друга звуков из духовых инструментов, рояля и клавесина; пение, визг, крики, жужжание; обрывки одновременно исполняемых куплетов: «Привет! Привет! Вся Гиль собралась тут…», «Както дева-индианка…», «Был Колумб наш сукин кот, онанист и бабник…», «Фиалки нежные милее

нам, чем розы…», «Раскатай меня по травке…».

— Боже милостивый! — вырвалось у Гретхен. — Это еще что?

— Голем? — Шима не пришел в себя.

— Но не во множественном же числе, доктор, — тихо возразил Индъдни.

— Не очень подобающая обстановка для собеседования, — заметил Жгун. — Не пойти ли ко мне — в Адовы Врата?

— Не может это быть делом Отца-Оопа — в отместку? Она… — Здесь Гретхен заметила, что у двери стоит с остолбенелым видом один из ее слуг. — Алекс! Что все это значит?

— Они с ума посходили, госпожа Нунн. Они вломились.

— Вломились? Сквозь охрану? Как?

— Не знаю как, но вломились и вышвырнули меня вон. Никаких трутней, сказали они. Никаких самцов. Это соты царицы, сказали они. Потом прорубились в квартиру Раксонов под нами, чтобы им стало попросторнее, заказали подать им обед и…

— Они? Кто это — они?

— Психи, и одеты как психи. Заходите, мадам. Сами увидите. Они вас поджидают. Их там ужас сколько, целые орды. — Он распахнул дверь.

Внутри действительно были толпы и орды. Семейство Раксонов — мать и три дочки — не только пожертвовали своей квратирой ниже этажом, но присоединились к веселью. Две помощницы Гретхен тоже присоединились. Три работника поста охраны из вестибюля Оазиса (женского пола) тоже присоединились, чем и объяснялся беспрецедентный успех вторжения. Две квартиры были превращены в гигантские двухэтажные апартаменты — через зияющий пролом в полу просунули импровизированную лесенку. Лесенку гроздьями облепили хористки, коломбины, балеринки, пульчинеллы, субретки, даже восточная гурия — все они раскачивались, вопили и распевали:

— Ой-ай, Гафусалим. Трах на весь Ерусалим. Ой-ай, Гафусалим. Ребе отомстил.

Поддав задком, мигнув глазком, Его зазвала в уголок. Ему раскрыла передок, Наружу выскочил кусок — Гордится им Ерусалим.

Ой-ай, Гафусалим. Трах на весь Ерусалим. Ой-ай, Гафусалим. Ребе злобу затаил.

Но она вертела своим естеством, Он промазал в губки и поддал тычком Не туда — догадался, попав на зубок Усладе на весь Гафусалим.

Четверка столпилась в дверях, тупо вытара-

щившись на открывшееся зрелище. Юный Алекс все доложил верно: здесь не было никого мужеского пола. Шима, Индъдни и Жгун войти не осмелились; только Гретхен нерешительно шагнула в квартиру.

Шима неожиданно заговорил:

— А знаете, Индъдни, мне только что, при виде этих баб, пришла в голову одна мысль.

— Вот как? И какая же?

— Почему Голем никогда не появляется в образе женщины?

— Действительно, интересно, доктор. — Они едва различали слова друг друга сквозь дикий рев. — Возможно, у нашего психоманта найдется ответ.

— Возможно, ответит Юнгово положение о «внутреннем лице» человека, — отозвался Жгун. — Голема, вероятно, порождает animus — мужское начало в женской психике. Поэтому он всегда принимает мужское обличье. Если бы создателями его были мужчины, то их anima, или женское начало, породила бы женщину.

Рассуждения на эту тему прервал вопль Гретхен:

— Нет, вы только посмотрите, что эти сумасшедшие собрали для банкета!

Банкет получился воистину царский — пир достойный Царицы Пчел. Повсюду громоздились подносы, блюда, салатницы и супницы, полные до краев: бульон из пчелиных крылышек, ветчина, запеченная в меду, мидии в устричном соусе, царские угри в желе, заливное из хвоста омара с тимьяном, хрустящие чипсы из пыльцы, сотовые хлебцы, белковый пудинг, медовые пряники, шербеты на сахарозе, огромные жбаны с медовухой и медовой наливкой из Уэльса. На подносах грудами лежало все, что можно было сыскать в продаже из благовоний и ароматных курений. Растоптанные и растерзанные, валялись по полу зеленые гирлянды, остро пахнувшие золотоцветом, пасленом, розмарином, шалфеем и душистым базиликом.

ПРИВЕТ! ПРИВЕТ! ВСЯ ГИЛЬ СОБРАЛАСЬ ТУТ! Эй, ЧК! Привет, ЧК! Реджина умерла. Ты знаешь? Все знают. Моя прежняя госпожа-хозяйка была известной особой. Это поминки по ней. Царица мертва. Да здравствует Нелли Вторая Реджина! Zolstu azoy leiben![90] Ента Первая! Кто сказал? Бимбо Отважная говорит своим Молотом Тора. Я решила, что МЫ будем называться

---

[90] Примечания: 90
Да здравствует! *(идиш).*

Аааааааааааа! А как Саре понравится схлопотать все пять в пирожную щель? Подарок От Грозной! НАМ не смешно![91] Пожалуйста, не могу ли я быть Пирож Первая? Мамочке бы понравилось, чтобы я называлась Виктория P[92], — Царица чистой жизни. В костюмерной есть царское тряпье; как насчет Норы P, Королевы-милашки? Голосуйте за Противозачаточников, Царицу Джаза. Но как же P может означать царицу? Я думала, что это вместо короля — как в R.F.D.[93] Послушайте, а ведь она сама понимает, что говорит. Это по-латыни, дурочка. Приветствуйте Мери, Царицу Тупиц! Хик! Хак! Хок! КОРОЛЕВА ПОЛУЧИТ ПИРОГ!

— Господи, субадар, все пропало! Я-то думала, что смерть Реджины положит конец всему: улью, Голему, преступлениям в Гили, а теперь погля-

---

[91] Примечания: 91

Фраза королевы Виктории.

[92] Примечания: 92

Первая буква слов «регина» — царственная, или «реке» — царственный *(лат.)*.

[93] Примечания: 93

Мери имеет в виду либо подпись: P(узвельт) Ф (ранклин) Д (елано), либо почтовый штам (с короной) R(eturned) F(ailed) D(elivery) *(англ.)* — «Возвращено. Адресат не найден».

дите — нет, посмотрите на этих чокнутых! Чем, интересно, эти ненормальные занимаются?

— Это не самое главное, мадам. Мы понимаем, чем они заняты.

— А я нет. Чем они заняты?

— Господин Жгун, — обратился Индъдни к психоманту, — как специалист по соматической речи, поясните госпоже Нунн.

— Они выбирают новую царицу, чтобы объединить рой. Согласны, субадар?

— Согласен, господин Жгун. Однако главный вопрос — что все это время делает Сторукий Голем?

— Но как же, субадар, — возразила Гретхен, — мы ведь порешили, что он не может существовать без породившего его роя дам-пчелок.

— Верно, и все же он еще существует. Слишком велики его мощь и приспособляемость, чтобы он мог взять и п-ф-ф — исчезнуть. А сейчас он, весьма вероятно, ищет другое пристанище, где сможет получить душу и выжить.

— Иисусе! — возопил Шима. — Так, может быть, он прямо здесь, в этой толпе ищет свое место…

— Мало вероятно, доктор, — ответил Индъдни. — Прислушайтесь, что поют роящиеся пчелки…

— Мама, шляться я хочу! Можно?

— Можно, детка!

Ты хозяйством потрясещь,

Лапу в трусики возьмешь,

Но пробьет он — мимо сетки!

— Есть ли тут мужская партия? Нет, доктор. Очевидно, что здесь одни женщины, а Голем[100] не появляется в облике женщины.

Шима кивнул.

— Угу. Но что же будет делать эта адова жертва кораблекрушения?

— Будет отчаянно плыть к берегу, — взял на себя ответ Жгун. — Согласны, субадар?

— Решительнейшим образом согласен, господин Жгун. Я полагаю, что эта изменчивая, бездушная псевдоличность мотается сейчас по закоулкам людских страхов, представлений, побуждений; ощупывает, цвета, звуки, волны, частицы; отчаянно ищет новый душевный причал, новое содружество, обеспечивающее ему выживание. Будем молиться, чтобы он его не обрел.

— НЕТ! — В голосе Гретхен прорывалась истерика.

— Что такое, мадам? Вы неверующая?

— Ничего подобного. Блэз, с батисферы доктора Лейца не отцепили твои сенсорные датчики?

— Нет, а что? Хочешь нырнуть поглубже и пересидеть жаркое времечко?

— Я хочу ее использовать на суше.

— Гретх! Ну поясни по-человечески!

— Не могу. Я одержима.

— Чем одержима, госпожа Нунн?

— Эманация, — пояснил Жгун. — Горячка этих женщин отражается на госпоже Нунн. Участившиеся пульс и дыхание. Пдергивание мышц.

Гретхен добавила:

— И полная голова диких мыслей.

— Не могли бы вы уточнить, мадам?

— Одна из них — что я не могу разделаться с Големом, сев и помолившись. Я… Мне хочется… необходимо загнать его до смерти.

— Погодите, Индъдни, — вмешался Шима. — Я, кажется, понимаю, к чему она клонит. Ты хочешь отправиться в прометиевый Фазма-мир, а оборудование батисферы поможет тебе держать с нами связь? Так?

— Да, но не я. Кто-то более подходящий. Ты можешь связать наблюдателя с нейтральными датчиками, Блэз, и мы будем получать всю картину в реальном времени.

— Это мысль! — загорелся Шима. — Чертовски дельная мысль, будь я проклят! Так мы все узнаем

наверняка.

— Но кто же больше подойдет, чем вы, мадам? — осведомился Индъдни. — Вы необычайно одарены для такой задачи, и вы уже имели с ней дело.

—

— Могу ли я расшифровать свои ощущения от происходящего в моей уважаемой коллеге? — спросил Жгун.

— Бога ради.

— Она хочет наблюдателя столь утонченного, столь изощренного, обладающего такими мощными эмоциональными ресурсами, что его не одолеть фантомам Фазма-мира, которые лишили ее равновесия. Настолько стойкого, чтобы им противостоять. Настолько владеющего собой, чтобы беспристрастно сообщать о происходящем. Но и достаточно знакомого с мистикой, чтобы понять потустороннее.

Гретхен открыла рот от изумления.

— И все это вы прочли по моей соме?

— Не только. Многое вы открыли мне, когда мы болтали на пути в Оазис.

— Вседержитель! — в отчаянии воззвал Индъдни. — Где же мы найдем такое совершенство? Существует ли этот идеал?

— Да, субадар.

— Но где?

Жгун обратился к Гретхен:

— Скажите ему, прошу вас.

— Хорошо, — ответила она и открытым взглядом посмотрела прямо в лицо Индъдни. — Это вы.

Глава 20

«Драга III» была ошвартована у причала Океанографического Института в гавани Сэнди-Хук. На форпике траулера покоилась батисфера, внутри которой, опутанный нейтральными датчиками, как когда-то Гретхен, сидел Индъдни. Было одно существенное отличие: на его гортани пристроили датчик, чтобы он мог говорить — если ему удастся хоть что-нибудь произнести в Фазма-мире.

Шима сделал Индъдни укол гидрида прометия, дважды хлопнул его по плечу и выбрался из батисферы. Захлопнул люк, закрутил затворы и бегом кИнулся в кабину наблюдения, где ждала Гретхен. Нетерпеливо кивнул ей, включил приборы и пробежался глазами по шкалам.

— Все в рабочем положении, — буркнул он.

Батисфера была всего метрах в тридцати от кабины, но если мерять по кабелю, соединявшему их с субадаром (да еще пропущенному через лебедку), то получалась добрая миля. Шима взял микрофон связи с батисферой и стал ждать. СалемЖгун мог бы сообщить о нем: «Пульс и дыхание

учащенные. Мышцы напряжены».

Об Индъдни этого сказать было никак нельзя.

Через некоторое время в репродукторе кабины управления раздался спокойный голос:

— Вы слышите меня, доктор?

— Громко и четко, Индъдни.

— Госпожа Нунн, вы все еще там?

— Да, субадар.

—

— Это весьма интересно. В отличие от вас обоих я попал не во тьму, как было по вашим рассказам, а в белизну. Прометий, очевидно, действует индивидуально.

— Вы уверены, что белизна — это не сенсорное эхо?

— Совершенно уверен, доктор.

— Тогда наркотик действует на психику, а не на сому, субадар, — сказала Гретхен, — а тут мы все разные. Похоже, что вы можете поддерживать связь с реальным миром из Фазма-мира. Мы с Блэзом этого не могли.

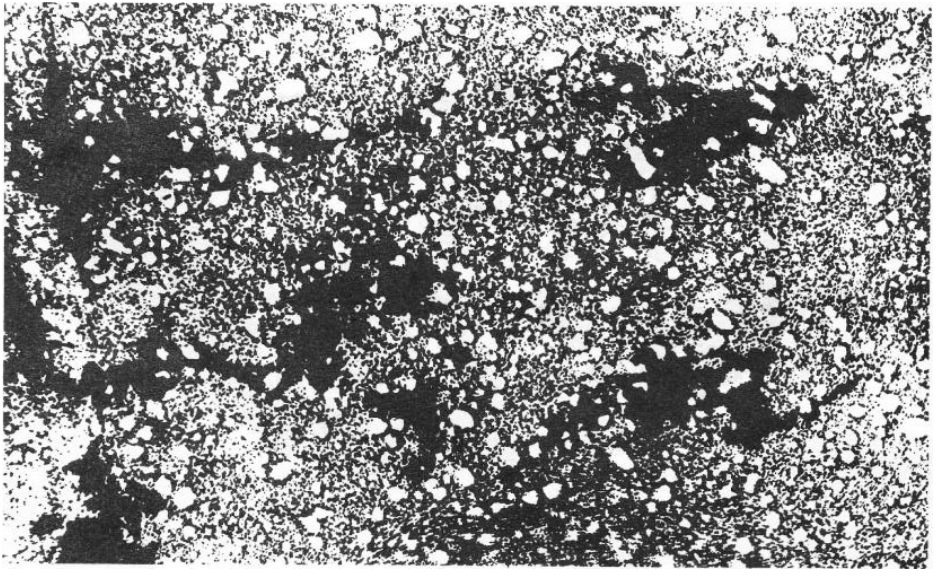
— Согласен, госпожа Нунн. Все телесные оболочки, по сути, почти одинаковы, иначе медицина так и не выбралась бы из средневековья. Однако нет двух существ с одинаковой психикой. Очень интересно узнать, если когда-нибудь научатся получать людские клоны, то будут ли сами личности такими же идентичными, как тела?

(«Ну у этого парня и выдержка, Гретхен».)

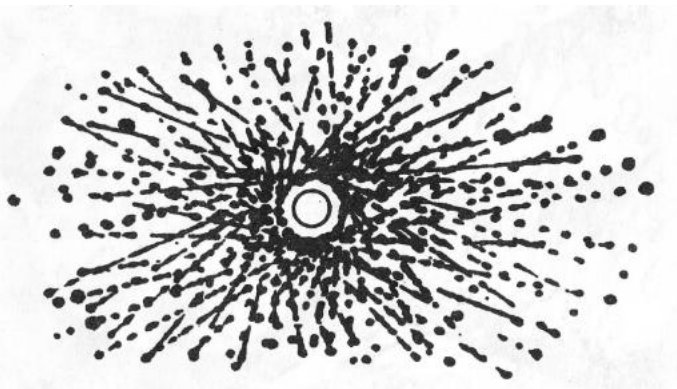
(«Так поэтому я и хотела, чтобы он туда слетал».)

— Ничего кроме белизны, доктор, — продолжал сообщать Индъдни. — но я спокойно жду. Есть индийская пословица: «Это произойдет навер-

няка, потому что это невероятно». Я… погодите, пожалуйста. Что-то начинает проявляться.



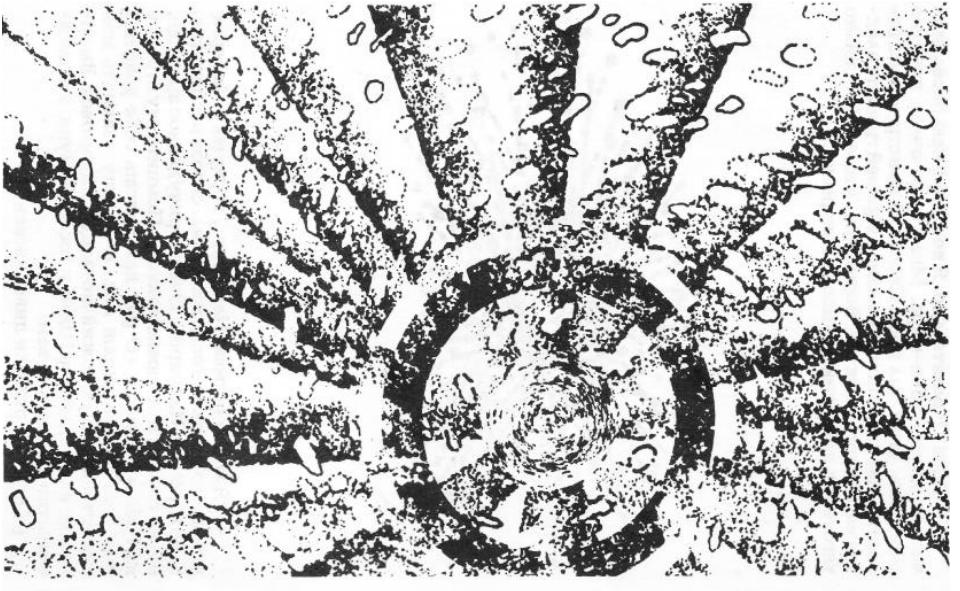
— О да! Поразительно. Я воспринимаю поведение частиц этого Фазма-мира. Мне также очень приятно сообщить, что я был прав. Сторукий монстр, весьма вероятно, начинает поиск на самой верхней границе электромагнитного спектра. Возможно, что его Ид сильно тяготеет к источникам высокой энергии…

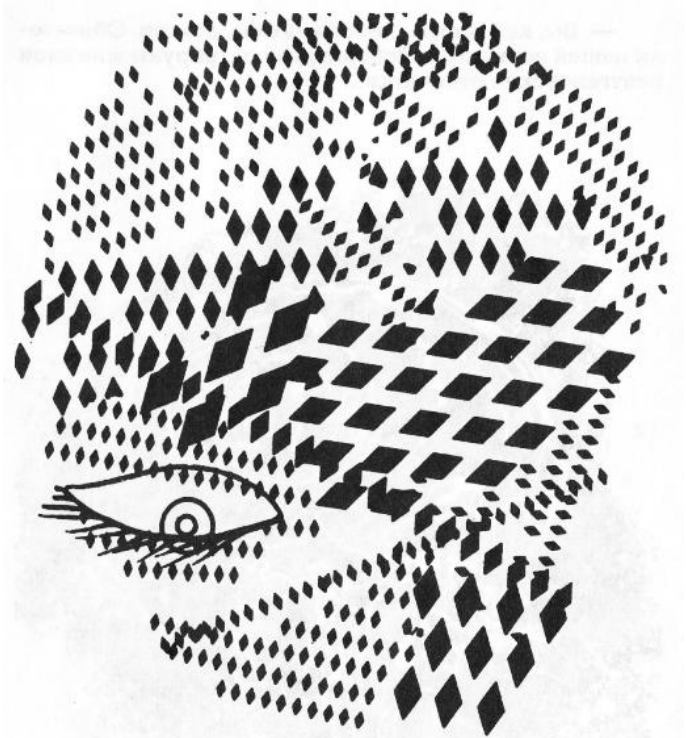


— Я воспринимаю Наш-мир… верхушку айсберга, как вы его назвали, госпожа Нунн… сквозь восприятия, порожденные Ид-миром. Очень причудливое зрелище, мягко говоря, и завораживающее. Помните эту строчку из Роберта Бернса: *«О дай нам власть себя увидеть так, как другие видят нас…»?* Прошу извинить мой существенно

неуклюжий шотландский выговор. Вы дали мне власть, доктор Шима и госпожа Нунн, и я тысячекратно благодарен вам.

(«Он так чертовски цивилизован!»)





— А, теперь Ид-мир начинет просматривать бесформенные образы из Наше-мира. Мое предположение, что прощупывание Фазмы идет вниз по шкале спектра к... к чему бы, доктор?

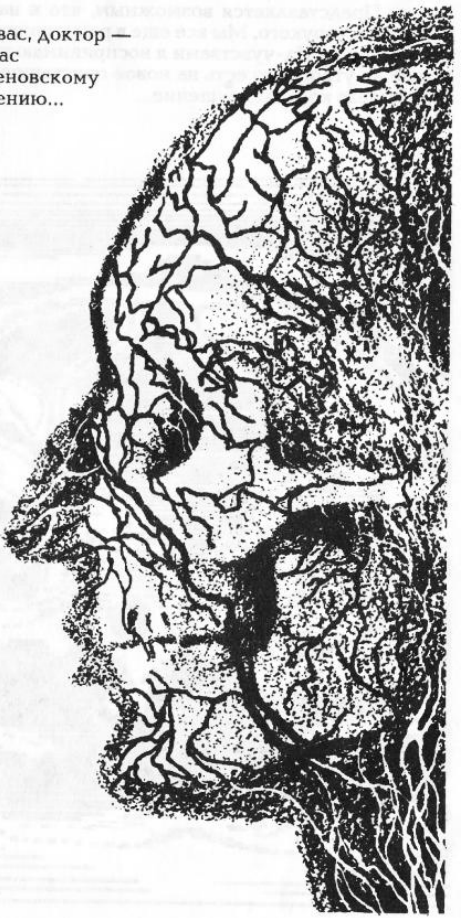
— Все еще потоки частиц, Индъдни. Возможно, гамма-лучевая часть спектра. Жесткое рентгеновское излучение. Длиной примерно десять в минус восьмой сантиметров.

— Как вы думаете, субадар, что это — восприятие Голема?

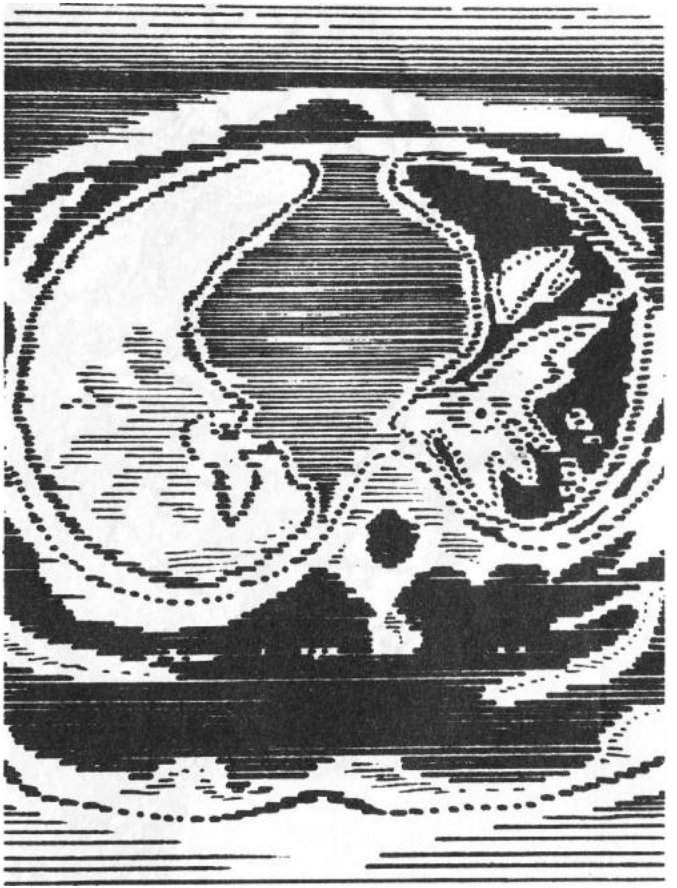
— Весьма вероятно, госпожа Нунн. Мы чрезвычайно с ним после наших предыдущих столкновений, хотя пока что я не могу сказать наверное.

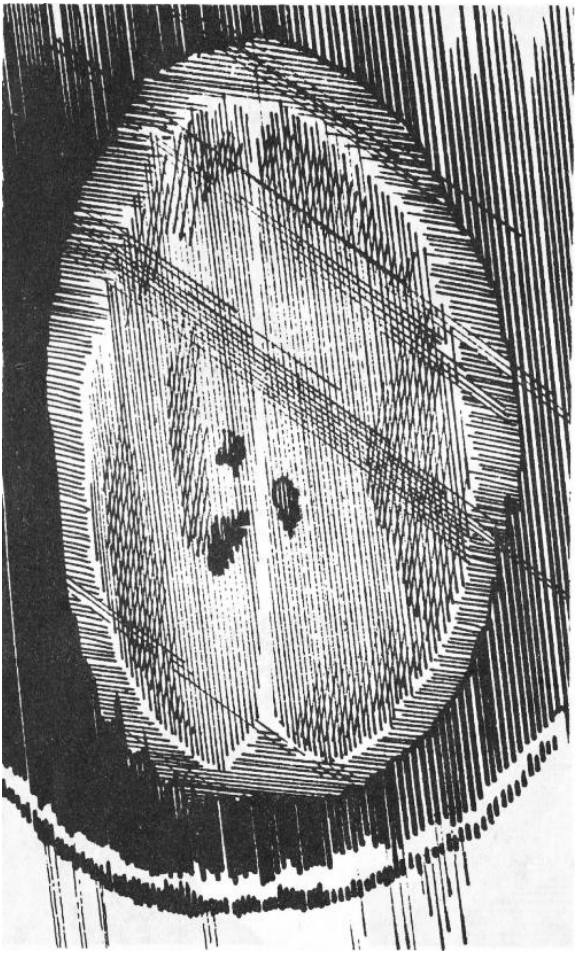
— Вы, как всегда, непогрешимы, доктор. Обитатели нашей верхушки айсберга демонстрируют мне свои рентгеновские отпечатки…

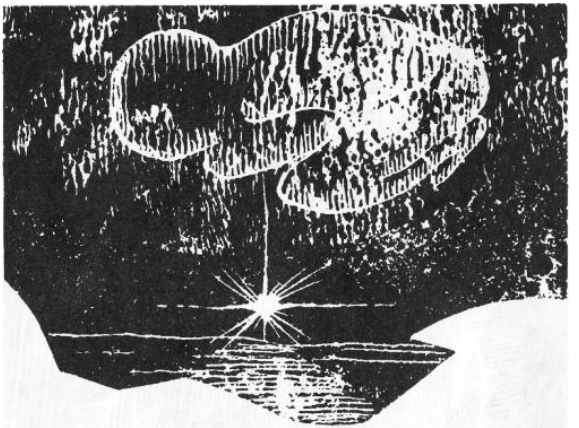
А вот он
заметил вас, доктор —
я узнал вас
по рентгеновскому
изображению...



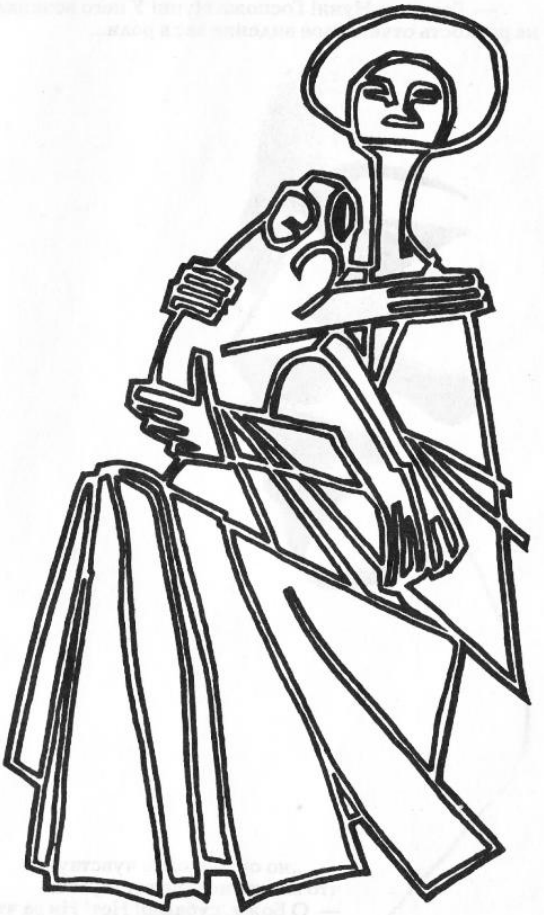
— Представляется возможным, что я наконец-то попал на Сторукого. Мы все еще в рентгеновской области, и своими Ид-чувствами я воспринимаю что-то похожее на утробу, то есть на новое пристанище для потерпевшего кораблекрушение…







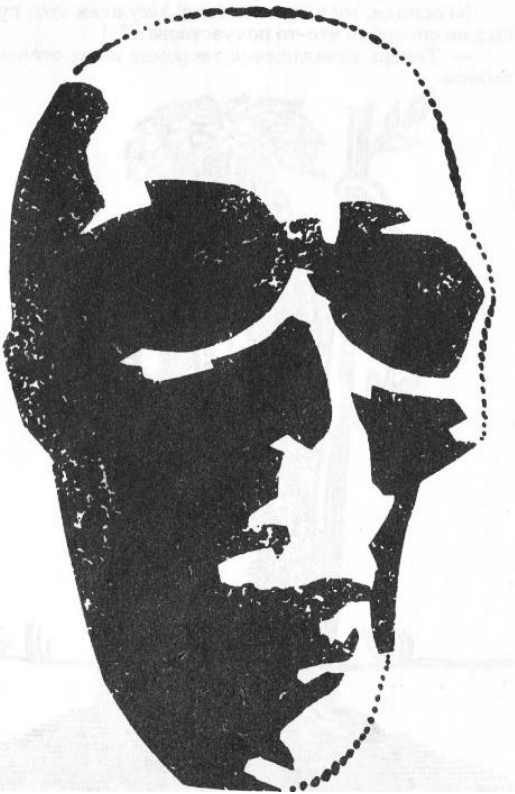
— Да! да! и еще раз ДА!
Именно через Голема Сторукого
я и воспринимаю наш мир.
Он достиг видимой части спектра
и ведет поиск утробы и матери для себя.



— Госпожа Нунн! Госпожа Нунн! У него возникло на редкость отчетливое видение вас в роли...

— ...но он, похоже, чувствует, что вы это не приветствуете.
— О Боже, субадар! Нет! Ни за что!

— Поэтому сейчас он ощущает приступающую смерть.



— Весьма примечательно. По мере того, как это создание движется вниз по спектру в... что бы это могло быть, доктор?

— От ярко-фиолетового через синий, голубой, зеленый, желтый и оранжевый к пограничному красному.

— Благодарю вас.

(«Господи, ну и спокойствие! Неужели этот сукин сын не способен что-то почувствовать?»)

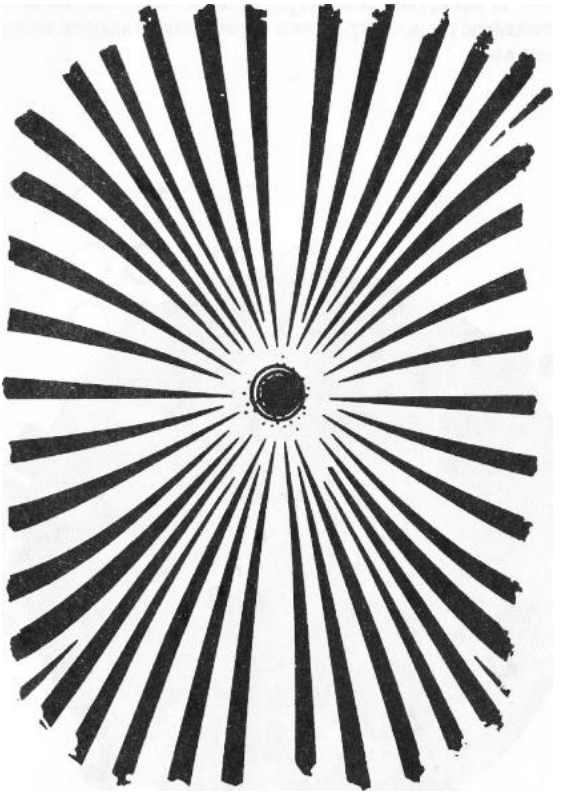
— Теперь отчаявшееся творение ищет отеческой заботы.

— Но представление
об отце искажается,
делается жутким
и уродливым...

— Что объяснимо с позиций психодинамики, субадар. Сын и отец — смертельные враги и борьбе за мать.

— Этого я и опасался. Видите? Это Гаруда — индуистский бог разрушения. Таким отцом для себя увидел меня Голем.

— Внезапное ощущение опаляющего жара. Очень неприятно. Можете ли вы объяснить, доктор, прошу вас?



— Элементарно: Голем дошел до красной границы спектра и перешел в инфракрасную область. Это жаркие края.

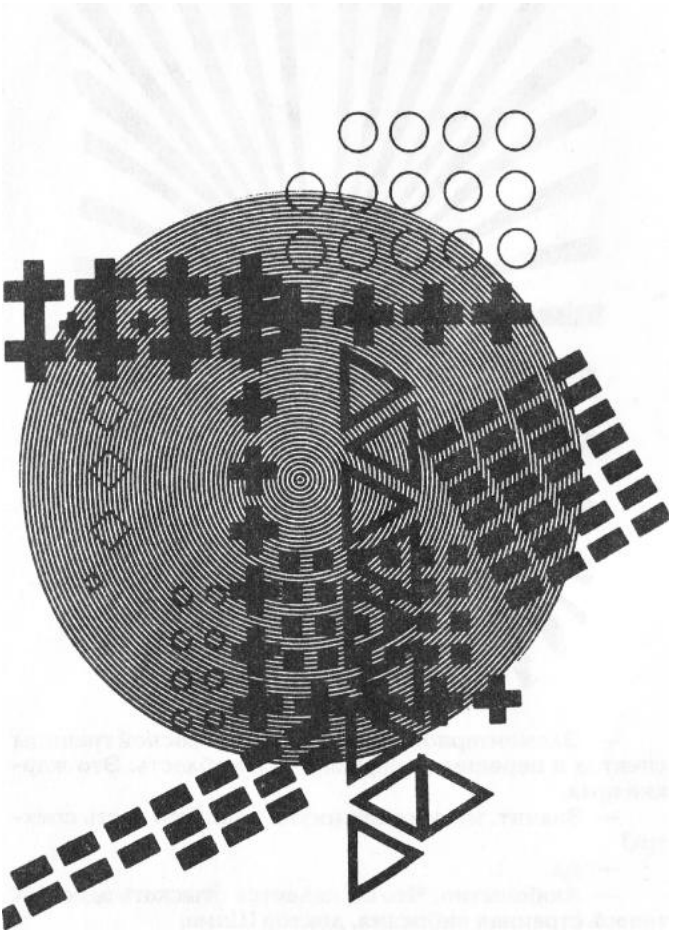
— Значит, мы уже покинули видимую часть спектра?

— Да.

— Любопытно. Что он надеется отыскать здесь? А теперь странная вибрация, доктор Шима.

— Распространяющиеся радиоволны — какие угодно, от коротких и вниз. Какими их воспринимает Голем, Индъдни?

— В простых геометрических образах. Какое поле деятельности для критика изобразительных искусств, не так ли?



— Великий Дэва в Поднебесье!
Он беснуется и вошел в звуковую область.

—

Гретхен перехватила микрофон.

— Но ведь когда Голем пытался напасть на меня и заговорил дикими перевертышами, вы сказали, что это существо «вне интеллекта». Ваши слова, субадар?

— Верно, мадам, и продолжается тарабарщина. Он воспринимает только образы и обрывки слов.

— Не понимаю.

— Я попытаюсь прояснить необычайное восприятие Голема, как я его ощущаю, госпожа Нунн. Вы читаете ноты?

— Да, чужими глазами.

— А когда вы читаете с листа, вы слышите внутри себя мелодию?

— Да.

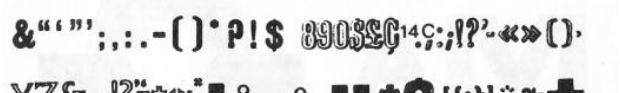
— Прошу вас, постарайтесь представить кого-то, кто не может читать ноты, но разглядывает их. Такой человек что-то услышит?

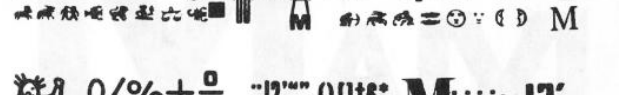
— Нет, ничего.

— А что он увидит?

— Только линейки, точки, кружочки, а кроме того странные значки и символы.

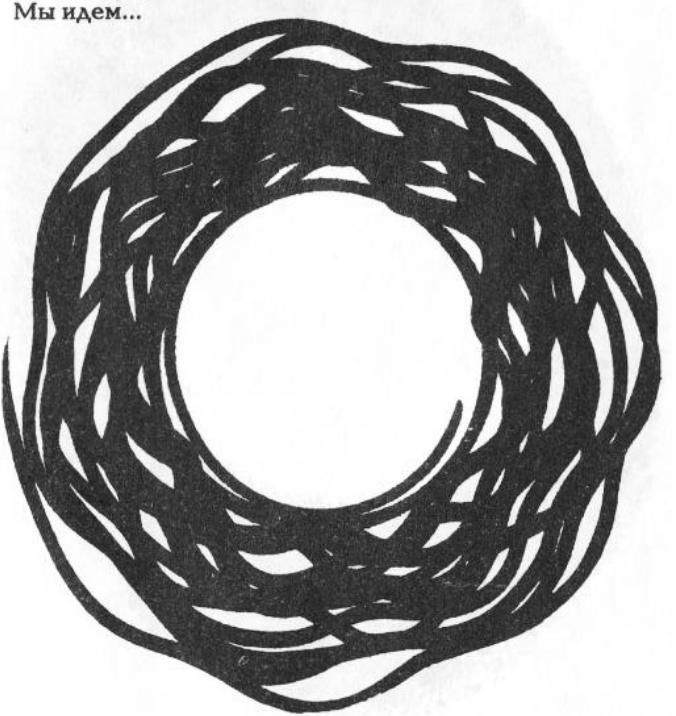
— Благодарю вас. Именно таким образом Голем[100] и воспринимает сейчас те звуки, посредством которых мы общаемся.

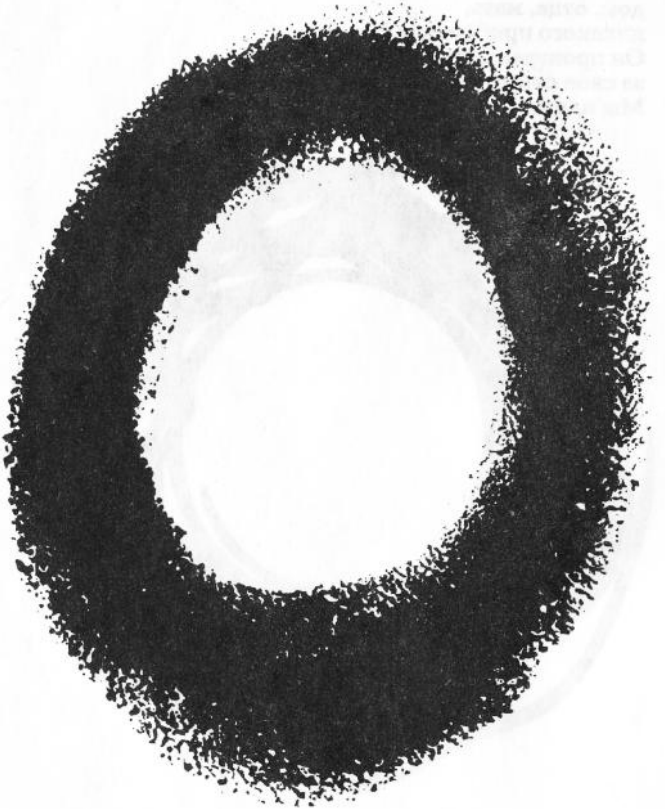


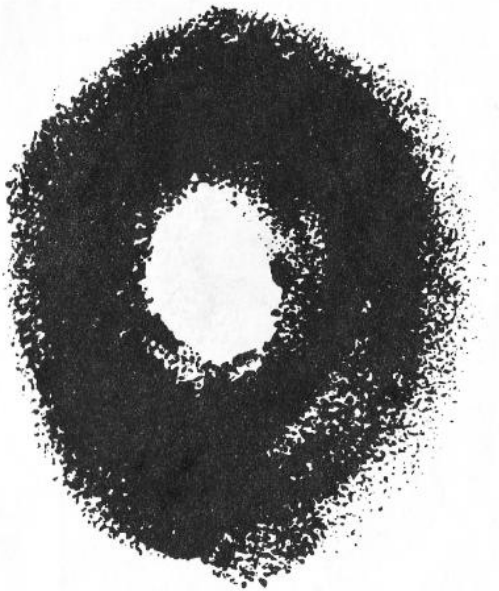


Mamma
Mamma
M
Mamma
MA
MA
MaM
MA
M
amma Mamma Mamm

— Он не может
найти пристанище,
дом, отца, мать,
никакого прибежища...
Он проиграл битву
за свое существование.
Мы идем...







— Не осталось ничего.

Глава 21

Индъдни, вымотанный до предела, развалился в глубоком кресле, особо предназначенном для туши ДОДО. Они находились в кабинете Ф. Г. Лейца, в окружении мелькающего калейдоскопа рыбок. По стенам выстроились стеллажи с аквариумами, издававшими бульканье и шипение. Пока Гретхен и Шима разглядывали субадара, Лейц подошел к аквариуму, в котором ничего не было, кроме кристально-чистой воды и выбеленной веточки коралла. Он набрал в стакан воды из краника внизу аквариума и поднес стакан Индъдни. Проходя мимо аквариума с мурены, игриво постучал пальцем по стеклу, и рыбина попыталась схватить его за палец своими кошмарными зубами.

— Она у меня дрессированная, — сказал Лейц. Он вложил стакан в руку Индъдни. — Пейте с осторожностью. Это водка. Стоградусная.

Индъдни был не только совершенно разбит — у него полностью нарушилась координация. Первый глоток он попытался сделать у дальнего края стакана, преуспев лишь в том, что пролил

водку на себя. Затем повернул стакан в руке на девяносто градусов, но снова попытался сделать глоток не с того края. Наконец в его затуманный мозг что-то дошло, и ему удался первый глоток, потом еще, а за ними последовал и весь стакан. Субадар шумно выдохнул.

— Спаси Боже, Лейц-доктор. Очень себя нудил. Нуждал. Нуждался, так? — Он улыбнулся Гретхен и Шиме. — Итак. Алханд-сарангдхариндъдни оказался не таким уж непробиваемым, как думал Салем Жгун, верно? При въезде в страну иностранец должен полностью сообщить свое имя. — Он вернул стакан Лейцу. — Мнохо лагодарен возлюбленный Господин Шива все наконец закончено.

Гретхен стиснула руки.

— Так Голем ушел, субадар?

Индъдни сделал усилие, стараясь говорить внятно:

— Шка… скорее, скажем, потух.

— Но он сгнил, грязная тварь?

— Трудно сказать с уверенностью. Поразительное создание не оставило corpus vile[94].

Шима все еще не был удовлетворен.

— Почему вы не уверены, Индъдни?

---

[94] Примечания: 94
Разлагающегося трупа *(лгал.).*

— Алханд-сарангдхариндъдни полным именем весьма неловко ощущает если ученую научность с экспертом обсудить, Шима-доктор, но…

— Да? Но? Ну не тяните же!

— Мне показалось, что оно… Удалилось? Исчезло? Растворилось в Черной Дыре.

— Черт побери! — воскликнул Шима. — В Черной Дыре? В антимир?

— Если позволите, — Лейц прислонился спиной к аквариуму, в котором сотня неоновых рыбок образовала нимб вокруг его головы. — Проход сквозь Черную Дыру в антимир — это все еще теоретическая гипотеза. Никаких надежных фактов нет, есть лишь предположения о сжимающихся звездах. — Гигант возвел глаза к потолку, где парило чучело рыбы-черта, руля крыльями-плавниками в никуда. — Некоторые утверждают, что грандиозный взрыв в Сибири в 1908 году был вызван не падением метеорита, а блуждающей Черной Дырой.

— Так я ощутил нашим восприятием, Лейц-доктор.

Гретхен набросилась коршуном:

— *Наше* восприятие, субадар? А когда вы говорили из батисферы, то сказали «*Мы* идем»».

— Да, так, госпожа Нунн. «Мы». «Наши». Соб-

ственные чувства едва не отбыли целиком вслед за Големом.

— Но этого не случилось?

— Едва лишь. Затем я устранился.

Шима присвистнул.

— Опишите это, Индъдни. Как это было?

Индъдни прикрыл глаза, но прежде, чем он смог заговорить, Лейц задумчиво начал перечисление:

— Хаос? Дезориентация? Это очевидно по тому, как вы сейчас себя ведете, субадар. Время потекло назад? Пространство вывернулось наизнанку? Полное обращение? Перевернутое сердце и дыхательная система? Перевернутое тело — слева направо и справа налево? Все изменилось на свою противоположность?

Индъдни мог только кивать в ответ. Потом он прошептал:

— А еще мне явились оборотки.

— Что явилось?

— Мое противо-я.

Все остолбенели от изумления. Шима выпалил:

— Иисусе сладчайший! Зеркальное отражение?

— Хуже. Негативный отпечаток. Обескуражи-

вающий поворот. — Индъдни еще раз попытался собраться. — Черное вместо белого, а белое вместо черного, как сказал Лейц-доктор. Меня взрастили и воспитали в традициях индийской культуры. В службе порядка меня обучили сдержанности и строгой самодисциплине. Другое «я» было отрицанием, отверганием моего привычного образа жизни. Оно было… Как скажу? Было… я могу только прибегнуть описательно к словам госпожи Нунн о глубоко зарытом Ид…

— Кровавый, — прошептала Гретхен, — лживый, злой, сластолюбивый…

Индъдни жестом выразил ей благодарность и продолжал:

— Тогда в простительной панике позитив Индъдни отправился… используя одно из ваших, Шима-доктор, излюбленных определений… к чертовой бабушке оттуда.

— Х-хосподи!!! — выдохнул Шима. — Упустить такой шанс! Я был бы вынужден отправиться следом, поймать это и заставить его говорить.

— Ну, разумеется, на перевернутой тарабарщине, — внезапно рассмеялась Гретхен. Смех ее перешел в истерический хохот облегчения.

— Эта возможность была мною радостно и благодарно упущена, Шима-доктор, — сказал

Индъдни, не обращая внимания на повизгивания Гретхен, набиравшие мощь. — Что до меня, то в сравнении с тем перевернутым противомиром наша безумная Гиль представляется вполне разумной.

— Да не разумной, а радостной! — веселилась Гретхен, — Радость! Вот ключевое слово! Радость! — Она наградила поцелуем аквариум с мурену. — Поцелуемся, губошлеп. Голем мертв, почил, удалился к себе в супротивность… — Она с хохотом порхала от аквариума к аквариуму, одаривая их поцелуями. — У нас праздник! Нет больше Голема. Нет больше этих ужасов. Меня выпустили из тюрьмы, слышите, ваши рыбочества? Нет больше Гиль-ареста. Не будет больше камеры с обитыми стенами. Слушайте! Слушайте! О вы, лини и лососи! Омулии и осетрии! Камбалы и крабы!

— Эй, Гретхен! — попытался остановить ее Шима. — Легче, детка!

— Что с тобой? — вопросила Гретхен. — Не рад? А я рада. Все кончилось. Флотский порядок — судно на мели, матросы в стельку. Я свободна. Пошли ко мне, все пошли. Мы присоединимся к рехнувшимся дамочкам, если они еще там. Нужно отметить. Нажремся, упьемся в доску и будем

горланить песни. Пошли! Ать-два, в ногу!

Она ринулась прочь из кабинета. Трое мужчин устремились за ней — в ней было что-то, что заставляло идти следом.

* * *

Каменная кладка бывшей опоры моста, а ныне служившая укреплением Оазиса, была разнесена вдребезги. Все было настежь, охрана исчезла, а бреши были неразличимы под роящимися пчелками. Обезумевшие дамочки уже захватили весь Оазис (сманив всех женщин в нем) и превратили его в сплошной жужжащий рой, а внутри все было заставлено едой и питьем — в еще больших, чем прежде, количествах. Когда Гретхен в сопровождении троих мужчин вошла в Оазис, то прямо в вестибюле натолкнулась на

З*В*Е*З*Д*У
из серебряных блесток

Танцовщицу,
исполнявшую танец живота,
держа на голове
супницу с бульоном
из пчелиных крылышек

Клоуна, игравшего на кларнете | Боадицею с запеченным в меду окороком | Клоуна, игравшего на тромоне

ЗАЛИВНОЕ ИЗ ЦАРСКИХ УГРЕЙ,

подаваемое
двуглавым Уродом,
Сожравшим Нижний Новгород

Клоуна,
играющего
на французском рожке

А за ними
целая свита
вопящих и хохочущих
женщин,
от которых не было ровно никакого толка

Подымаясь по винтовой каменной лестнице в квартиру Гретхен (все службы Оазиса прекратили существование), они были вынуждены протискиваться мимо роящихся Моисея, Златовласки, горничной, плотника, охранников, бродяжки, древесных и водяных духов, любительниц груп-

пового секса, групповых извращений, просто наездниц на живых палочках, трахалыциц, торчух и разных девок с улицы, которые пришли грабить, но остались повеселиться. Гретхен осыпали, душили, наталкивали и набивали до одури сластями, которые назойливые руки пихали ей в рот.

Шумные рои уважительно расступались перед Гретхен, но мужчин встречало хамское пренебрежение. Лейцу пришлось использовать свою внушительную массу, чтобы прокладывать дорогу остальным. Даже самые озверелые тетки отлетали от него как горох.

— Глазам не верится, а, Люси? Прямо Вальпургиева ночь.

— Шима, а ты не помнишь Врака? Пардон, мадам.

— Врака? Что за Врак? Какой Врак?

— Врак-чудак. Прошу, сударыня. Преподавал астрофизику в… Ой, прости детка… техноложке. Часто повторял… Нет-нет, мадам, это ваша вина… Врак всегда говорил: «Природа гораздо отважнее в своих проявлениях, чем самые фантастические измышления человека…» Отцепитесь от моей ширинки, дама…

— А что во всем этом такого естественного?

— Ты никогда не корешился с пчелками?

То, что раньше было изысканно убранной гостиной Гретхен, теперь являло сцену разгрома, а посреди руин, как в сотах, торчал вместительный бочонок, на котором чья-то нетрезвая рука накарябала буквы алой вишневой наливкой: «МИДОВЫЙ ОКСО МИОТ». Гретхен, до крайности возбужденная гвалтом и толкотней, нырнула головой в бочонок.

Она подняла голову, сглатывая и задыхаясь.

— ПООтрясно! — завопила она. — ЧУУдесно! Флотский порядочек! — и погрузилась снова. Вынырнула. — Голем мертв! Бульк! Бульк! Бульк! — Снова нырок.

— И царица тоже! — вопил Гафусалим. — Прежняя царица мертва. Мертва! Реджина, гиль ее, мертва!

— Это может чем-то таким кончиться! А, субадар? — не получив ответа, Лейц оглянулся. — А где Индъдни, Шим?

— Не пойму. Он или затерялся в толпе или отвалил. Что еще круче может случиться, Люси?

— Мальчишкой я возился с пчелами, Шим, и в них разбираюсь. Первым делом, когда помирает старая матка, то в улье строят новые ячейки для матки и выдвигают несколько кандидатур на эту

должность.

— Как это?

— Они заполняют все ячейки царским нектаром. Посмотри вокруг — ну чем все это не царский нектар?

— Черт возьми, похоже, ты прав.

— Кто первая вылупится из ячейки, из своей клетки, та и станет новой царицей. Вспомни, что повторяла твоя девушка: «Я выбралась из клетки!»

— Но она имеет в виду Голема и арест в Гили.

— Ну конечно. Первым делом она начинает переходить из ячейки в ячейку — убивает своих соперниц, прежде чем те вылупятся.

— Ты что, хочешь сказать, что эта орда выбрала Гретхен царицей?

— Потом она вылетает из улья, чтобы ее трахнули никчемные трутни, околачивающиеся неподалеку. Она испускает призывный аромат оксо-кислоты, которому не может противиться ни один самец. Что там написано на бочонке, в котором она купалась? Медовый Оксо-Мед.

— Боже милостивый! Ты меня почти убедил.

— Да уж лучше бы без «почти».

— Но они понимают, что делают?.. Гретхен и все остальные?

— Нет, они следуют инстинкту, который заложила в них давным-давно матушка-Природа.

— Так это для пчел, — запротестовал Шима, — а не для людей.

— Ну да. Когда ты наконец возьмешь в голову, что твоя Гретхен — уже не из людей? Она — Новое Первородное Создание. На пути к вершине она йозвращается к заложенным природой основам, и черт знает, чем это может кончиться.

Гретхен вынырнула из медовой браги, повизгивая и напевая. Она дрожала, ее трясло, она вцепилась в края бочонка, а вокруг клубилась толпа. Они обнимали ее, оглаживали ее, целовали ее, похлопывали любящими руками. Они откатили ее от бочонка.

— Ну и ну, — сказал Лейц. — Какие-то новые дела при выборах царицы, Шим. Сейчас что-то начнется. Шим? Шим?

Лейц удивленно обернулся — Шима исчез. Как Индъдни до него, он удрал.

Гретхен с трудом поднялась на ноги и принялась бессмысленно бросаться из стороны в сторону, продолжая вопить. Она ничего не соображала. Она была в исступлении. Она была первобытной. Она была царицей всего огромного лабиринта извилистых коридоров, переходов и

квартир, вырубленных в камне бывшей мостовой опоры. Теперь слепая сила гнала ее на уничтожение всех соперниц.

Она спустилась ниже этажом в квартиру Раксонов, проталкиваясь через роящихся пчел, вся в поиске сама не зная чего, подгоняемая первобытным инстинктом — он подскажет ей цель, когда она ее найдет. Когтями проложила себе дорогу обратно в свою квартиру, исследуя, разыскивая, продолжая вопить. Тут она столкнулась с Нелли Гвин, неузнаваемой в костюме исполнительницы танца живота, пронзительно распевающей, но Гретхен узнала ее. И вцепилась ей в горло под одобрительный рев толпы.

Когда Нелл была мертва, Гретхен опять начала бросаться — в никуда и ни на кого, а потом снова пошла в поиск; вышла опять в коридор, стала снова проталкиваться сквозь возбужденный рой, пока не натолкнулась на Енту Каленту, величественную в наряде Далилы с бородой Моисея. В смертельной схватке они проделали путь по всему коридору.

Убив Енту и отогнав Бимми, Гретхен вновь начала поиск, спускаясь по лестнице Оазиса. Она выслеживала, охотилась, не переставая вопить. Свою добычу она настигла в вестибюле — Саре

выпало остывать среди рассыпанных серебряных блесток.

Гретхен бросилась бежать: ее африканские груди вздымались, ягодицы подрагивали, вагина то призывно раскрывалась, то судорожно сжималась при каждом шаге. Она слепо прорывалась сквозь Гиль. А по пятам ее преследовали обезумевшие, пылающие страстью, размечтавшиеся и раззадоренные трутни Гили.

Трутень — это необходимый мусор в мастерской Природы; это просто устройство, вырабатывающее семя, причем не важно, лев это или пчела. Лев — это тоже трутень, ленивый, праздный, никчемный, за исключением своей единственной функции; его кормит и оберегает подруга, которая убивает для него дичь, производит на свет и выращивает его отпрысков. Но когда он лежит, насытившись принесенной ею добычей, и дремлет на солнышке, кем он себе представляется в грезах? Царем зверей? А кем себе представляется трутень-человек?

— Посмотри на небо!

— Это птица!

— Это самолет!

— Это ЧЕЛОВЕК-ОРЕЛ!

Загадочным образом выведенный в горном

гнезде супер-учеными из глубокого космоса и прилетевший в Гиль, ЧЕЛОВЕК-ОРЕЛ использует свое таинственное умение летать для борьбы с силами зла и несправедливостью, прикидываясь Хромушей — убогим, пугливым калекой.

И калека так оттрахал Гретхен, что у нее чуть задница не отвалилась!

— Кто там едет верхом?

— Паровой котел?

— Мусорный бак!

— Это ЖЕЛЕЗНЫЙ РЫЦАРЬ!

Непобедимая космическая сталь послужила материалом таинственным кузнецам со звезд, когда они выковали этого человека, наделив его мудростью Вулкана. ЖЕЛЕЗНЫЙ РЫЦАРЬ использует свои магические дары, сражаясь со злом и несправедливостью. Обычно он живет в облике Прыгуши, убогого и пугливого конюха.

И конюх, сидя боком, задал Гретхен скачки галопом.

— Поглядите на эту ванную!

— Это умывальник!

— Это бачок!

— Это СЛИВНОЙ ЧЕЛОВЕК!

Реактивные воды горячих минеральных ключей в Швеции выплеснули СЛИВНОГО ЧЕЛОВЕКА.

Хранители Космоса таинственным образом перенесли его в Гиль, где он применял свои волшебной мощи мускулы для борьбы со злом и несправедливостью, приняв на время облик Шведа Свенсона, убогого и пугливого мусорщика.

И мусорщик устроил Гретхен шведский массаж.

— Погляди на это дерево!

— Это ветка!

— Это куст!

— Это КРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Экологи из глубокого Космоса, поселившие его в последнем вигваме на равнинах Запада, снабдили КРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА всеми тайнами и магией индейцев. Он применял свое чудесное искусство следопыта для борьбы со злом и несправедливостью, а для виду скрывался под обликом Мойше Каца, убогого, пугливого счетовода.

И Мойше сыграл на бубне животика Гретхен.

— Загляни вон в тот погреб!

— Это танк!

— Это печь!

— Это ЧЕЛОВЕК-ГОРИЛЛА!

Родившийся в удушливых джунглях Африки и воспитанный в Гили дрессировщиком из глубокого Космоса, ЧЕЛОВЕК-ГОРИЛЛА использует все

известные ему тайны джунглей для борьбы со злом и несправедливостью, скрываясь под шкурой Фидо, убогой и пугливой цирковой собачки.

И Фидо трахнул Гретхен по-собачьи.

— Загляните в участок!

— Это шпик!

— Это закон!

— Это СЛУЖИВЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Он писал под диктовку еще в глубоком космосе. СЛУЖИВЫЙ ЧЕЛОВЕК стал наследником всех юридических познаний Вселенной, и его таинственным образом доставили в Гиль, чтобы преследовать зло и несправедливость всей своей магической мощью законника, которая до времени была сокрыта под обличьем Рональда Пики, убогого и пугливого секретаря суда.

И секретарь подверг Гретхен преследованию vi et armis[95].

— Погляди на небо!

— Это комета!

— Это сверхновая!

— Это ЧЕЛОВЕК-НЕЙТРОН!

Родившийся на гибнущей звезде и таинственным образом перенесенный в Гиль супермуд-

---

[95] Примечания: 95

Всеми доступными средствами *(лат.)*.

рецами Космоса, ЧЕЛОВЕК-НЕЙТРОН тайно использует свою волшебную астральную мощь для борьбы со злом и несправедливостью, до времени скрываясь под обличьем Лэнса Ленни, убогого и пугливого дилетанта.

И дилетант как следует оправил жемчужину Гретхен.

— Посмотри на улицу!

— Это пламя!

— Это поджог!

— Это ЧЕЛОВЕК-ПОЖАРНЫЙ!

Родившийся из пламени костра, на котором жгли

Салемских ведьм, и таинственным образом перенесенный в Гиль спасителями из глубокого Космоса, ЧЕЛОВЕК-ПОЖАРНЫЙ тайно использует свою магическую огненную мощь для борьбы со злом, до времени скрываясь под обличьем М. Месье, убогого и пугливого повара.

И повар разделал Гретхен на своем вертеле.

— Посмотри на ту стену!

— Это жук!

— Это паук!

— Это ЧЕЛОВЕК-БОГОМОЛ!

Таинственным образом впитавший поразительные познания исследователя Амазонки из

глубокого Космоса и перенесенный в Гиль на борту банановоза, ЧЕЛОВЕК-БОГОМОЛ использует свои магические дарования для борьбы со злом и несправедливостью, до времени скрываясь под обличьем щербатого Коротышки Спиди, убогого и пугливого.

И щербатый разложил Гретхен, как морскую звезду.

— Посмотри на эту пирамиду!

— Это скала!

— Это камень!

— Это ЧЕЛОВЕК-ИНКА!

Вызволенный из утробы умирающей матери жрецом солнца с Алгола IV и вооруженный таинственной египетской магией пирамид, ЧЕЛОВЕК-ИНКА пользуется своими оккультными силами для борьбы со злом и несправедливостью, до времени скрываясь под обличьем Алекса Брута, убогого и пугливого секретаря.

И секретарь трахнул Гретхен вдоль и поперек.

Потом были ЧЕЛОВЕК-ОГОНЬ, КОСМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК-ДЕМОН, ИЗО-ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК-
АКУЛА, ЧЕЛОВЕК-МАГНИТ, ПЛАСТИКОВЫЙ ЧЕЛОВЕК,ЧЕЛОВЕК-РАКЕТА, ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК и десятки других трутней-мечтателей,

бившихся насмерть за свою очередь на осуществление мечтаний в манящей реальности Гретхен, за то, чтобы влезть на нее ничком, навзничь, распластанную, раскинувшуюся, поперек, сзади, крест-накрест, зигзагом, наискось, скользя, протыкая, в хвост и в гриву. И наконец настала очередь ЧЕЛОВЕКА-УЧЕНОГО, скрывающегося под обличьем Блэза Шимы, убогого и пугливого химика, проведшего с Гретхен опыт, энергично прочищая ее колбу.

Как раз во время этого последнего оргазма ярость феромона царицы пчел исчерпала себя, и брачная гонка закончилась. Сокращающиеся мышцы вагины Гретхен содрогнулись в последней конвульсии и захлопнулись, как челюсти стального капкана. Пенис Шимы с силой вырвала и зажала в себе ее вульва. Все еще одержимая своим царственным величием, вся в новой роли, Гретхен не обратила внимания на Шиму, оставив его умирать в корчах, истекая кровью.

Глава 22

Когда Гретхен, пошатываясь, прибрела в Оазис, возбужденная толпа женщин передавала ее из одних объятий в другие, лаская, поглаживая и целуя. Откуда-то из недр разгромленной квартиры раздобыли диван, согнали с него кого-то и водрузили Гретхен — отдыхать. Она была нагой одалиской; по ней ручьями стекали пот, слюна и сперма; от нее остро пахло. Они столпились вокруг, нежно поглаживая венерин бугорок, покуда судорога не отпустила ее. Тогда они удалили окровавленный пенис Шимы — видимый знак того, что их царица сочеталась браком, и устроились ждать, шурша, тихо жужжа и перешептываясь.

Наконец Гретхен открыла глаза и огляделась вокруг. Они замолчали и выжидательно уставились на нее.

— Все надо вернуть на место, — слабым голосом сказала она.

— Да, ЧК.

— Все назад, в будущее.

— Да, ЧК. — Они не поняли ее, но подобострастно захихикали.

Гретхен начала приходить в себя.

— Гули, ты знаешь, наверное, агентства по уборке.

— Да, ЧК.

— Нужно нанять.

— Они очень дорого берут, ЧК.

— Я могу это позволить.

— Мы сами можем все сделать, ЧК, — предложило двуглавое чудище с четырьмя головами. — Тебе не придется ничего платить.

— Нет. У меня для вас двоих есть другая работа. Кого из наших я убила?

— Ты не помнишь? — поразилась Мери Наобум.

— Нет.

— Т-ты убила троих, — заикаясь, сказала Гули. — Н-Нелл. Сару. Е-енту. Чуть не убила ее р-ребе.

— Так. Основных соперниц. Нужно это уладить. Угадай, Откатай, я хочу, чтобы тела доставили в Управление полиции. Вы расскажете субадару Индъдни все, что произошло. Сделаете?

— Хорошо, ЧК. — Близнецам и в голову не пришло вносить раздор, разлад или раскол.

— Он, наверное, издаст приказ об аресте, но этим я займусь сама. Охрана, помогите близне-

цам и вернитесь на пост. Никаких вторжений больше.

— Да, ЧК.

— Где эта Раксон?

— Здесь, ЧК.

— Уборка вашей квартиры — за мной, но потолок и пол придется ремонтировать. У вас есть знакомые строители?

— Да, ЧК.

— Наймите рабочих, я оплачу.

— Нет, ЧК, мои девочки безобразничали не меньше ваших.

— Мои девочки? Да, мои девочки. Но я командую моими девочками и оплачиваю все счета. Найдите рабочих.

— Да, ЧК.

— Где Пи-девка?

— Я здесь, ЧК.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, госпожа.

— Достаточно, чтобы работать со мной. Я принимаю тебя на службу — ты будешь моей горничной.

— О благодарю, ЧК, госпожа-хозяйка.

— И ты будешь ходить в вечернюю школу. Я все устрою. Не потерплю неграмотную прислугу.

— О нет, ЧК-хозяйка. Да, ЧК-хозяйка.

— Если кто-нибудь из девочек хочет какие-то вещи из квартиры Реджины, я разрешаю взять. Берите, что хотите, только никаких ссор.

— Да, ЧК.

— И у Нелли.

— Все сгорело.

— А у Енты?

— Все перешло к ее ребе.

— У Сары?

— Я беру ее себе, ЧК.

— Ты Нора, ее костюмерша?

— Да, ЧК.

— Бери и распоряжайся на здоровье, Нора. Но ты сможешь позволить себе квартиру Сары?

— Благодарю, ЧК. Сказать по правде, еще не заню.

— Если не сможешь, обращайся ко мне. — Гретхен обвела взглядом свой рой. — Все обращаются ко мне — что бы это ни было. Понятно?

Они радостно зашуршали.

— *Только* ко мне. Ясно?

Шорох местами стал нерадостным.

— Успокойтесь все. Я подробно объясню в нашу первую сходку сегодня. Двадцать ровно.

— Двадцать? — озадачилась Мери Наобум. —

Разве нас двадцать?

Угадай прервала ее подсчет по головам.

— Ну хоть немножко ты будешь соображать? ЧК имеет в виду двадцать часов.

— Это восемь вечера, — пояснила Откатай.

— Да? Мы собираемся в восемь? Где? Здесь?

— Нет, — сказала Гретхен. — Мы все грязные до отвращения. Нужно помыться, освежиться и переодеться. В Сауне.

* * *

В Сауне можно побывать в зонах холодного, умеренного и жаркого земного климата; там же можно попробовать климат Луны, Марса и Венеры вместе с подлинным звуковым сопровождением: шумом ветра, снегопада, града, дождя, грозы, криками птиц, стрекотом насекомых, рыком зверей. Можно услышать и чужую невразумительную речь внеземной растительности: шепоты, стоны, щебетание и стуки во время прорастания, роста, размножения и гибели.

Вода в банях, разумеется, чудовищно дорогая, хотя и подвергается постоянной очистке с рециркуляцией. Духи, мыла и благовонные масла довольно дешевы, но без воды — что в них толку. За ошеломляющую цену (которую Гретхен и

выложила) можно уединиться в Сауне со своими гостями.

Пока весь рой поочередно переходил из жары в тепло и потом в холод, окунался в ванны и мылся под душем, пользовался мылом, маслами и массажем, грелся, расслаблялся и нежился, Гретхен занялась ублажением своих подданных.

— Я расскажу вам правдивую историю, — начала она. — Кое-кто узнает в ней себя. Остальные могут лишь догадываться. Нет-нет, Лидия, никаких фанфар, милая. Не прерывай меня. Никто мне не мешайте.

Жили-были дамы, которые каждую неделю собирались своей компанией, чтобы пообщаться и порадовать себя вкусной едой, дружеской болтовней, играми и забавами. Они все были милыми, славными, прелестными созданиями, которые никому не желали зла. Но они послужили источником огромного зла, потому что забыли, что все они — женщины, а между женщиной и дамой есть огромная разница.

Одной из придуманных ими забав был колдовской обряд, чтобы вызвать Дьявола. Никто из них не верил в Сатану или ад — не больше, чем в Бога и небеса. У нас сейчас двадцать второй век в конце-то концов, и дамы были вполне совре-

менными и цивилизованными; но все же они оставались женщинами.

Между дамой и женщиной такая же разница как между резной слоновой костью и бивнем слона. Нет, не смейтесь, я вовсе не сравниваю нас со слонами. Мы — резная слоновая кость; мы утонченные, прекрасные, нас породили века совершенствования мастерства — не забудьте это слово — мастерства по созданию замысла, формованию и филигранной обработке грубого природного бивня в произведение искусства, которое порадует мужчин. Мужское мастерство потребовалось для того, чтобы мы превратились в дам на радость мужчинам. И мы уже позабыли об исходном бивне: о том боевом, добывающем пищу грозном оружии, каким является женщина. Говорят, что под каждой шуткой таится истина. Внутри каждой безделушки из резной кости скрыто смертельное оружие.

Почему женщины всегда позволяли мужчинам распоряжаться собой и формировать из себя дам? Да потому, что нам мужчины необходимы не меньше, чем мы необходимы им. Однако, если нас вынудили принимать мужчин такими, как они есть, то они боятся нас ^аких, как мы есть на самом деле; так наша нужда в них становится для

нас западней, навязывает нам роль безопасных игрушек из резной кости — безопасных для мужчин, я хочу сказать. Но несмотря ни на что, мы таим в себе угрозу.

Ну так вот — с этой дамской компанией стали твориться странные вещи. Первобытная угроза, глубоко спрятанная и позабытая внутри каждой из них, умножилась и породила единое целое — страшно опасное псевдосущество, олицетворенную в любом облике первобытную похоть, удесятеренного и еще раз удесятеренного зверя-самца, Голема[100]. Я не стану описывать те ужасы, что принесло Гили появление Голема[100]. Все это теперь в прошлом. Зверь пропал в другом мироздании.

Это никогда не должно больше случиться. Это больше не случится ни со мной, ни с моими девочками. Желайте мужчин. Принимайте мужчин. Используйте мужчин. Да, да и да! Но никогда не позволяйте мужчине использовать вас. Они возжелают женщин? Очень хорошо! Но больше никогда не поддавайтесь их мастерству по обработке бивня в безопасную резную кость. Потому я и сказала: любите мужчин, да, но не более того.

Любите их, наслаждайтесь ими, берите от них то, что они могут дать, но никогда не испыты-

вайте в них потребность. К чему? У нас есть мы сами. Уже не дамы — мы женщины. Мы — дом; они — всего лишь жильцы. Они будут приходить и уходить, но мы остаемся. Следующий раз наши Двадцать будут здесь же, в этой Сауне, в тот же день через неделю. Я договорюсь. А пока оставайтесь здесь и наслаждайтесь свободой. Пи-девка, за мной. Надо разобраться с одним химиком-шовинистом, который злоупотребил моей привычкой быть дамой.

* * *

(Выход из Бань со стороны Сохо. Гретхен и Пи выходят в Гиль. Они начисто распарены и отмыты, им сделан массаж. На них *свежие комбинезоны. Обе они без косметики, но Гретхен осыпала радужными блестками свою пышную прическу «афро». Пи заплела белесые волосы в две косички и перевязала их белыми шелковыми бантами. Они замирают на минуту под вывесками, которые по стенам домов и на тротуаре переливаются, уговаривают и призывают прохожих.)*

ВЫВЕСКИ

ЖИВИ! ЖИВИ! ЖИВИ! ЖИВИ! ЖИВИ! ЖИВИ!

ЛЮБИ! ЛЮБИ! ЛЮБИ! ЛЮБИ! ЛЮБИ! ЛЮБИ! ЕШЬ! ЕШЬ! ЕШЬ! ЕШЬ! ЕШЬ! ЕШЬ!

ТРОТУАР

— Не захочешь ли, крошка, чтобы тебя затрахали вусмерть? Иди за мной! Иди за мной! Иди за мной на место секступления!

(Двое пьяных, хихикая и пошатываясь, бредут вдоль бесконечного светящегося члена, указывающего им дорогу за угол.)

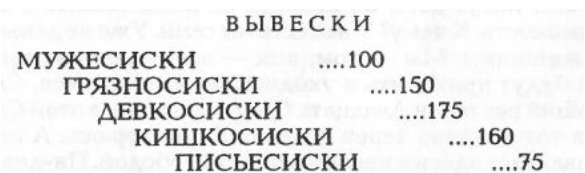
— Й ПЬЯНЫЙ

(На жаргоне Гили, заплетающимся языком)

— Эй мужик хватать и тикать парень трах-перетрах мужик так вот эдак и вот так во все дырки так что ли?

2-Й П Ь Я Н Ы Й *(Подражая аристократическому выговору)*

— Ах друг мой не разберу что вы говорите.



ГРЕТХЕН (Показывает)

— Нам сюда, Пи-девка.

ПИ

— Куда это, госпожа-хозяйка?

ГРЕТХЕН

— В западные верхние кварталы — к пентхаузу Блэза Шимы. Придется пройтись. Шевелись, девочка.

(Две женщины идут своим путем по улицам Гили. Когда они огибают набережную Гудзона, на растрескавшийся поребрик высачиваются грязевые чудища, порожденные радиоактивным загрязнением вод Нью-Йоркской гавани — подвижная плесневая слизь в поисках гнили для пропитания.)

ЧУДИЩА

— Сссс! ффффф! Сррр! Зззз!

(В Доме Секступления у мамаши Меркин на окне верхнего этажа стоят три шлюхи; у каждой в левой руке горит фаллическая свеча, а правыми они готовят себя к ночным увеселениям. Одеты и причесаны они в подражание нынешним знаменитостям.) (

ПИ

— Ой, госпожа Нунн-хозяйка, поглядите! Это Грета Грабье?

ГРЕТХЕН

— Нет.

ПИ

— А это Ждана Хонда?

ГРЕТХЕН

— Нет.

ПИ

— А это Хулия Собетс?

ГРЕТХЕН

— Да нет же. Это все дешевки пятидесятого разбора.

(Потаскухи распахивают окно и запевают на радость публике Гили свою рекламную песенку.)

ШЛЮХИ

Мамаша наказала мне Заняться трахом при луне. Сможешь, если повезет, Ублажить себе перед. И задок. И задок. А пусть оплатит мудачок.

(Уличный Тошномат на углу вдруг озаряется пронзительными огнями.)

ПИ

— Ой, пожалуйста, госпожа-хозяйка. Я уж сама не своя от этой новенькой штуки Плюньки. Можно, госпожа? Можно?

(Гретхен неохотно останавливается и опускает в Тошномат жетон. Пи нажимает кнопку Ns 1101. Выскакивает звуковой клоп, подползает к отпечатку указательного пальца Пи и ползет по нему, тихо напевая.)

ПЛЮНЬК А *(С клинической точностью)*

Тошнотанье. Тошнотанье. Рыготанье. Рыготанье. Блю-у. Блю-у. Выдай харч, герой, Да густой

струей.

(Звукоклоп заканчивает номер и упархивает обратное Тошномат. Возле переулка Особей, бывшего Девичьего, двадцать два носильщика с огромными грузами Пластекилы компании Сгущенка & Сушенка о чем-то горячо спорят со взводом боевиков ООП и их лейтенантом.)

НОСИЛЬЩИК

— Эй мужик что же и не доставить товар так что? С каких пор таможенный пост у нас тут ваще приключился ну ваще…

ЛЕЙТЕНАНТ

— Эй парень а с вечера тут. Надо доставить гони двадцатник и ваще. *(К Гретхен)* Эй привет. Запомнил тебя. Сладкая штучка еврейка из фалашей приходила куколка в пирамиду. Приветит красоточка-жидовка.

ГРЕТХЕН

— Привет, красавчик. Вижу, что Отец-Ооп установила новую незаконную таможню по соседству. Чудно. Нам платить?

ЛЕЙТЕНАНТ

— От тебя — ни медяшки от такой куколки-красотки. Может что другое попозже?

ГРЕТХЕН

— Ладно. Увидимся внизу.

(Взрыв. Сотрясение! Фабрика криптонового кетчупа разваливается на куски от взрыва бомбы, и представитель движения Органических Террористов делает заявление по городской сети.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО РАДИО

— Мы это сделали! Мы это сделали! Но не тревожьтесь, отравляемые сограждане! Наша бомба была изготовлена из *исключительно* натуральных и безопасных компонентов. Движение НИКОГДА не загнивает.

(Тысяча двадцать семь белесых трупоедов Гили алеют, вылизывая с мостовой кетчуп.)

ТРУПОЕДЫ

— Чав-Чав-Чав-Чав-Чав-Чав-Хлюп-Чав-Чав.

(В метательном тире капитана Копьетана голые тетки-мишени выкриками подзадоривают Садо-Мазов, мечущих стрелки.)

МИШЕНИ

— Бросай, мужик, бросай! Ты же меня ненавидишь! Так живее бросай все три! В сиську, другую и ниже — посередке!

КАПИТАН КОПЬЕТАН

— Попытаете удачи, девочки? Есть отличные смачные мишени с вот такими здоровыми!

ГРЕТХЕН

— Ей еще рано, а я уже старовата.

(Планер Висельника скользит низко у них над головами, медленно заходя на посадку. С планера свисает человек, вокруг шеи у него затянута веревка с петлей — на положенные тринадцать оборотов.)

ПИ

— Ох, поглядите, госпожа-хозяйка Гретх. Я много видать самоубийц, но такого вот — ни разу.

(Кучка кладбищенских ведьм торопится за падающим планером, жадно поглощая выделения содрогающегося пениса самоубийцы.)

ГРЕТХЕН

— Видела, Пи, видела. Мне ясно, что тебя нужно отправить в хорошую школу.

(Вечерний класс Начальной Школы Образовательного Телевидения прилежно изучает экран.)

ЭКРАН

ОВСЯНКА — ВКУС ДОБРОГО СТАРОГО ВРЕМЕНИ Дайте определение слову «Добрый». Дайте определение слову «Старый». Дайте определение слову «Время». Дайте определение слову «Вкус». Напишите сочинение на пятьсот (500) слов об употреблении тире.

Дайте определение слову «Тире». Дайте определение, что такое «500».

ПИ *(Горестно)*

— Я бы не сдала эту контрольную, госпожа Гретх. Хозяйка.

ГРЕТХЕН *(Бодрым голосом)*

— Не расстраивайся, детка. Это было занятие повышенной сложности для группы с высоким коэффициентом интеллекта.

(В Никсоновском, бывшем Линкольновском, Центре госпожа Луз Кус, смущаясь, принимает Первую премию за композицию из восковых цветов, которую она представляла на 75-й Ежегодной Выставке Искусственных Достижений Сельского Хозяйства).

ГОСПОЖА КУС

— Есть у меня мнение, что воск напрочь забивает пластики, особенно если для еды… (*Торопливо*) Вы уж на меня не сердитесь, вон какие все красавчики из Корчерации Фото-Пластмасс… Мне и пластмасса по нутру.

(Эскимосская Дезинсекторная Компания вычищает архивные залежи Налогового Управления, чтобы спасти груды обвинительных и очерняющих свидетельств от насекомых и грызунов. Два эскимоса обсуждают сравнительные достоинства муравьев и *тараканов, жадно хрустя таковыми.)*

— Й ЭСКИМОС

— Halstu di oyg'n tsu der erd, vestu mer vi verem nisht zen[96].

2-Й ЭСКИМОС

— Der vus hot alemen lib, iz gelibt fun keynem[97].

П И

— Ох уж эти скимосы, всюду пролезут.

ГРЕТХЕН

— Эскимосы, Пи. Эскимосы!

(В Содомском Родео Шлямбера наездник-шимпанзе горько пеняет конюхам, которые седлают для него

необъезженного мужика, на котором ему предстоит выступать.)

ШИМПАНЗЕ

— Тк-нк-фк-тк-лк-мк-бк-зк!

— Й КОНЮХ

— Ну чего он снова ноет?

2-Й КОНЮХ

— Ай, да эти звезды родео все время недовольны. Говорит, что мы слишком туго подвязываем необмуку яйца колючей проволокой. Брыкаться-то он брыкается, но запал у жеребца уже не тот.

---

[96] Примечания: 96

Смотри внимательнее под ноги и не споткнешься (*идиш). Поел.*

[97] Примечания: 97

Кто любит всех, тот не любит никого *(идиш). Поел.*

(В Криогеновом Ледяном Дворце два людоеда обсуждают мороженые блюда.)

— Й ЛЮДОЕД

— Их вроде как слегка нужно оттаять, мужик, прежде чем жарить.

2-Й ЛЮДОЕД

— И ни разу, если он на леднике больше сотни лет, парень. Приванивать начнет, вот что. Так и жарь мороженым.

— Й ЛЮДОЕД

— А какой кусочек для тебя лакомый?

2-Й ЛЮДОЕД

— Потроха.

1-Й ЛЮДОЕД

— Вот это разговор, парень. Потрошки — это самый смак.

(Ночь и Гиль. Грязный сумрак. Гномы-громилы. Поджаривают мороженый труп господина Рубора Тумора. Плясуньи Салема Жгуна отогреваются у костра. Паучьи лапки Отца-Оопа порхают по ягодицам шейха Омара бен Омара, который покрывает Неверную. В морге Джанни Ики покупает труп Нудника Лафферти ради пятнистой шкуры, которую он со-

бирается повесить на стену. Черные глаза Енты Каленты обменяли на ручной миксер. В

термокупальне обнаружили, что их странная вода способна вызывать галлюцинации. Три инженера с Плотины Гудзон-Адовы Врата на научной конференции привели математические доказательства того, что пчелы могут летать. Над барышней Гули надругался робот, и с этой новостью она обратилась к психоаналитику. Первоначальный Скрябин-Финкель приказывает долго жить в 97 лет отроду, а его конюшня сотворяет прощание со Скрябиным под названием «ОТБЕЙ МЕНЯ ОДНИМ УДАРОМ, ФИНКЕЛЬ, НЕ ТО Я В СМЕРТНЫЙ А УТ ПОП АД У».)

* * *

Оазис Шимы раньше был Испанским музеем. Его пентхауз возвышался над ломаной линией домов вдоль испускающей пары реки Гудзон, на поверхности которой горели мигающие болотные огоньки, отплясывая над водоворотами и порожками.

Гретхен открыла дверь, повелительно позвала:

— Блэз!

Нет ответа.

Она вошла, Пи-девка за ней. Осмотрели гостиную, спальню, ванную, кухню, террасу, все еще покрытую землей в честь Опс.

— Блэз!

— Здесь нет никого, госпожа 4fc, особа-хозяйка.

— После всего, что мне пришАось пережить, что, этот урод отправился на работу? И даже не позвонил? Ушел в себя? Le pauvre petit. Очень на него похоже.

Она позвонила в «ФФФ». Никакого Шимы.

— Если он опять провалился и ушел в фугу, то я последний раз его вытаскиваю. Пи-девка, позвони от моего имени в Управление полиции Гили. Я не хочу, чтобы меня узнали по голосу и вычислили. Я подскажу тебе, что говорить.

Пи позвонила в Участок по шпаргалке Гретхен. Нет Шимы. Нет приказа задержать Шиму. Нет Индъдни. Субадар ушел домой.

— Какого черта! Все равно мне нужно пригасить приказ на арест, касающийся меня. Пи-девка, ступай ко мне домой и присмотри за восстановительными работами. Я делаю тебя ответственной, девочка. Пора тебе расти. Я не стану окружать себя детьми. Я отправляюсь домой к Индъдни. Может быть, он знает, где Шима. Я им обоим выдам как следует и покончу с ними. Я все же НОВАЯ порода, черт возьми! Свобода! Свобода! Это превыше всего!

Пи-девка проводила Гретхен до Индъдни — его

дом стоял в бывшем Грамерси-Парке — и отправилась в Оазис в «Старом Городе». Гретхен одолела лестницу до квартиры Индъдни и позвонила.

Дверь ей открыл сам субадар в изумительном белом одеянии.

— Ах! — сказал он с улыбкой. — Я ждал вас. Входите. Входите же. Входите с миром и надеждой. Мы тоже нашли путь к первоисходному пику. Мы нашли Истинную Веру. Это Господин Шива в Его первом славном воплощении Sveta — «Белоснежного».

Гретхен задохнулась и с трудом произнесла:

— Индъдни?

— Когда-то давно, — с улыбкой продолжал Индъдни. — Входите же. Вы — мой милый друг, Гретхен Нунн.

— Тоже когда-то давно, — отвечала Гретхен, входя. — И я нашла этот путь, субадар.

— Да-да, — тихо сказал Индъдни, запирая дверь. — Да, я полностью осведомлен обо всем, что произошло. Я говорил уже, что располагаю некоторыми возможностями. Вы поднялись на новую вершину, высокую вершину, возможно, что и на первичную вершину, которой, увы, не смог перед смертью достичь доктор Шима. Несмотря на всю его блестящую одаренность, вызов,

который он очень захотел принять, оказался ему не по силам.

— Шима умер? — Гретхен была потрясена.

Индъдни кивнул.

— Но как это случилось?

— А, значит, вы не помните. Вы оставили старую жизнь позади, как и я свою. Вы в своем новом царском величии разорвали его на куски.

— Я?! Убила его?

— Разорвали на куски.

Гретхен поразило немотой.

— Что такое? Вина? Горе? Ну-ну, милая, мы все это уже переросли, так что поговорим откровенно, как равные. Да мы и есть равные, знаете ли. Я достиг своей вершины и, наверное, я единственный первобытный, кто под стать вам. Так что будем душевно поддерживать друг друга.

— В-вы… вы просто хотите меня утешить. — Она не могла отойти от потрясения. — Я растерзала Блэза? Разорвала на куски?

— Мы и должны утешать друг друга. Мы одни на такой высоте, и у нас никого больше нет.

— Н-но все говорили, что *я* для этого родилась… чтобы стать Новым Первобытным Человеком… А вовсе не вы, субадар. Как вы достигли своей вершины?

— Я переродился в Черной Дыре.

— В противомире? Он так на вас подействовал?

— Возможно, что и новый рой, твой новый улей, поднял меня на эту высоту.

— Боже! О Боже! Боже!

— Зови Его лучше Его настоящим именем — Шива. Божественный Источник Жизни. Мы вместе войдем в космос Шивы. Ты многому можешь научить меня, а я стану учить тебя порождать всеохватывающий дух Сомы. Мы вместе станем поклоняться двенадцати священным Лингамам[98].

— Индъдни, неужели это вы? Мне кажется, что вы сошли с ума, и, наверное, я тоже обезумела. Что случилось с нами?

И он учил ее поклоняться двенадцати священным Лингамам — учил три безумных эротических часа, оставивших ее без сил, ничего не понимающую и сливающуюся с вездесущей Сомой.

— О Боже мой!.. — шептала она. — Боже!.. Боже мой! Боже мой! Меня никогда раньше так не любили. Никогда! Ни одну женщину так не любили. И я никогда раньше так не любила саму любовь.

---

[98] Примечания: 98

Священное фаллическое изображение во многих индуистских культах.

Никогда! Это и есть вершина?

Он кивнул.

— Я знала, что ты вовсе не педик, — это ты притворялся ради Шимы. Я знала, что ты мужчина. Ты больше, чем мужчина, — в десять и еще в десять раз больше, чем любой мужчина, которого я раньше знала. Бог мой! Боже возлюбленный! Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. А ты? Меня? С тобой такое же?

Индъдни улыбнулся ей, потом встал, подошел к зеркалу и начертил на нем пальцем, окунутым в красное:

ябет юлбюл я

Понадобилось некоторое время, прежде чем Гретхен осознала, что она только что увидела.

— Но… Н-но это была твоя левая рука, — зашептала она. — Ты пишешь левой рукой, и это зеркальное письмо. Я… Ты… *Он* так и не смог вернуться из противо-мира… О Господи! Иисусе сладчайший!.. — голос ей изменил. — *Он*… *Он* остался там. Навсегда в западне этого безумия. Ты вернулся вместо него. Что, не так? Не так? — Ее голос истерически зазвенел. — А ты подделывался под настоящего Индъдни… под милого, любимого, чудного моего Индъдни. Вот почему после возвращения ты и говорил, и делал все

наоборот. Ты его противо-я, Индъдни наизнанку, кровавый, лживый, злой, сластолюбивый… негатив с Индъдни, которого видел мой настоящий Индъдни.

Он улыбнулся.

— Я — Голем[101].

2 2 8 0 от Р. Х.

— Сито такое? Кандида?

— Н.

— Это-вот Ужинная Амурика?

— Нн.

— Это Еврейопия?

— Ннн.

— Такгдея?

— Гиль! Гиль! Гиль!

— Благодарствую.

— Да ладно мужик. Вот ему имено дали Гиль. Усек? Гнидда-гниЛь. Гиль. Ты заехал в аккурат в Соегафенные Штанты Гинили. Лабудата 101001 деградус схевера.

— Шотакое?

— Анус Домино[99] 10001101000.

— !! Скока меня проморозили?

— Угу. Вся хворь долбыла какрукой слететь…

---

[99] Примечания: 99

Вместо Анно Домине (лета Господня) *(лат.).*

отлепи свою… от льдины, в Гили все тебе будет едино…

— Поясни штоли чево тут тварится в этой-вот модерной Гили?

— Да уж. Откуда путь держим?

— Афро.

— Агу. Но во-1-ых надо тебе ввести в картину. В полтину. Вся лабуда пошла! уже! давно! в дивятцать повторном веке, 2175.

— Шотакое? 2175?

— А я о чем толкую. Ты, парень, распахни уши…

— ДЕВИЦА-парень!

— О-ох! Извиняюсь! Не видел титек. Слушай сюда, дево-парень & ия растреплю как дела тут пока вы в своих криочхи-гробах прохлаждались. Скажу как + почему дыра-Гиль так сменила что полно было людей, а теперь Гиль — нелюди. Порасскажу как старочеловек весь топ-топ и вышел, портсоснательно весь вымер как дианозавры, а мы Н*О*В*А*Я порода первоядцев вроде нас прыгнула в те кванты & и возродили техвот в Гили. Понять надо если кнам быть наравне, усек?

— Пойду-ка я пожалупарень назад в гробок.

— Нннн! Погодь!

[1] Наглость *(идиш).*